

РУССКИЙ
ХИТ

ЛИХОДЕД

ВИТАЛИЙ

КОГ РАСПУТИНА

СВЯТ

МУЧЕНИКЪ

ГРИГОР

НОВЫЙ

Код Распутина

Пролог

Николай II быстрым шагом прошел через парадный зал. Слуги, увидев его поступь, поняли—он не в духе. Император вошел в комнату жены и резко поднял руку, в которой держал свежую газету. Увидев, что супруга разговаривает с дочерьми, сдержал себя и резким жестом головы обозначил, что ему нужно поговорить с ней без присутствия детей.

Александра Федоровна поняла его, мило улыбнулась и попросила няню увести дочерей в детскую комнату. Закрыв за ней дверь, император резко повернулся и, нахмурив брови, спросил:

— Ты читала, что в газетах пишут?

— О чем? — спокойно парировала супруга.

— О том, что Распутин перед отъездом в Тобольск сказал! — возмутился царь.

— Я этих сплетен не читаю и не слушаю! — стараясь сдержаться, ответила Александра Федоровна.

— А мне вот пришлось, и я должен с тобой поговорить об этом.

— Ты сама прекрасно знаешь батюшку и сама можешь ответить на все свои вопросы и разрешить все сомнения. Но если тебе так нужно, я могу говорить, — с акцентом, немного нервничая, ответила императрица.

— Вот послушай: «Я собираюсь привезти из Тобольска свою дочь, которая будет воспитываться вместе с царскими детьми. Так мне пообещал сам царь. А сразу по приезде мы все вместе поедem в Крым», — процитировал Николай II.

— Батюшка свою дочь сюда не привезет. Я ему говорила, что хочу познакомиться с его детьми, а он попросил

не делать этого. Эта девочка всю жизнь прожила в провинции. Она просто испугается того, как себя здесь нужно вести перед другими. А вот в его доме она будет хозяйкой. Там и люди попроще, да и отец рядом. Поэтому и везет ее сюда.

— Я все это знаю, но как можно давать такие l'interview?

— На перроне его провожала Вырубова, я сейчас позову ее.

Императрица взяла колокольчик и зазвонила им. В дверях появилась фрейлина, красивая женщина с васильковыми глазами.

— Аннушка, скажи, что говорил батюшка газетчикам перед отъездом в Тобольск?

Вырубова пожала плечами, посмотрела на Николая II и спокойно ответила:

— Он сказал, что едет за дочерью.

— И все? — фыркнул император.

— Да, потом лейб-казак привез из дворца букет белых роз. Он поблагодарил его, а с газетчиками больше ни о чем не говорил.

— Спасибо, ступай, милая, — приказала императрица.

Аннушка вышла. Николай II подошел к жене и, опустив глаза, произнес:

— Я не понимаю, почему газетчики выдумывают эти сплетни. Только что с Тютчевой, твоей фрейлиной, распрощались. Столько она всего навывдумывала, дочерей против тебя настраивала, а теперь другие накинудись.

— Тютчева больная женщина, — строго отрезала Александра Федоровна. — У нее нездоровая фантазия. Но страшнее такие люди, как Илиодор — священник из Царского Села. Вот где беда. Представляешь, он нарушил закон Божий. Нарушил тайну исповеди, вернее, под видом ее нарушения рассказал историю, которой вообще не было: якобы Вишнякова, няня наших дочерей, каялась ему в своих грехах. И грех этот был в том, что Распутин водил ее в баню и соблазнил там.

— Я знаю. На допросе она отказалась от своих слов и убеждала всех, что ничего этого не было.

— А зачем она рассказала, что слышала разговоры о том, как отец Григорий соблазнил в Москве семидесятилетнюю женщину, Решетникову, а потом баронессу Врангель в Ялте? Зачем ей говорить то, чего она не знает?

— Не знаю. Что с людьми происходит? Выдумывают невесть что, — возмутился император.

— Стараются все: и газетчики, и высший свет, и простые люди. Одни говорят, что он силой берет, другие — гипнозом, а третьи вообще в этом видят нечто предосудительное. Такое впечатление, что батюшка для всех как кость в горле. Только не видят они, сами в кого превратились. Все опустылись, и нету них ни веры, ни достоинства.

— А кто из высшего света сплетничает? — поинтересовался царь.

— Неслышал? Такая тебе расскажу. Великий князь Николай Николаевич, например: рассказывал, что однажды Распутин был пьян и рвался в мою спальню. Чтобы успокоить этого дикого зверя и отвести позор от меня, княжна Юсупова отдалась ему.

— Бред какой-то! Вроде бы все образованные, светские люди, а уподобляются... — недовольно проворчал император. Он посмотрел на супругу и с ухмылкой произнес: — Говорят, что он имеет политическое влияние на тебя, Алекс?

— Какое влияние? — рассердилась супруга. — Если он называет вещи своими именами и не боится этого, разве это влияние? Все твои проворовавшиеся министры ничего не стоят. У всех рыльце в пушку. А кто их тебе на чистую воду вывел?

Император промолчал.

— Есть один порядочный человек — Столыпин. Он хоть что-то пытается сделать — страну поднять, так вот он как разо Распутинесовсемдругогомнения.

— Да, Столыпин к нему хорошо относится, — согласился царь. — Но недоумевает, как можно народную грязь к чистому царскому престолу подпускать. Многие считают, что он слишком круто желает повернуть аграрную политику. Его реформы слишком смелые.

— Грязь одна то, что отец Григорий простого рода, от земли. Он ведь на самом деле прост и, кстати, не имеет церковного сана или звания, хотя многие в Тобольске его называют батюшкой, да и я называю. Он мог бы себе позволить шалости с женщинами. Для мужчины в этом ничего предосудительного нет, но он как раз ведет себя достойно, и ты прекрасно об этом знаешь. Попрошу тебя, не задавай больше мне таких вопросов. Просто знай, тот, кто говорит подобное, желает зла всем нам.

Серые пиджаки

— Ты что, заснул там? Давай быстрее! — прохрипел кто-то в темноте подъезда.

— Да подожди ты... Все! Открыл.

— Вперед! Быстро!

Дверь в квартиру распахнулась. Двое высоких парней в серых костюмах ворвались в прихожую. Они с ходу сориентировались в квартире и сильными ударами сбили с ног хозяев.

На экране телевизора мелькали футболисты в разноцветных футболках. Хозяева не успели сообразить, в чем дело.

— Не надо беречь здоровье! Его надо экономно расходовать! — прохрипел с усмешкой один из налетчиков, показывая на стол с водкой и закуской.

Увидев благожелательное расположение незваных гостей, хозяева осмелели и поднялись, но их тут же силой усадили на диван.

— Где книга? — захрипел незнакомец в сером костюме.

— Да пошел ты! — услышал он дерзкий ответ.

— Мужички! Вы попали! Отдайте не свое — и разойдемся, — предложил второй налетчик.

— Отвали! Вы еще за это ответите! — брызгая кровью, захрипел один из хозяев. Увидев пистолет, он замер. Затем несколько раз тяжело вздохнул, продлевая паузу. Отвлеч внимание — посмотрел в сторону, на книжный шкаф и на

щупав в кармане сотовый, набрал номер. Услышав, что сигнал прошел, он заорал что было сил:

— Юлька! Они здесь! Все сюда!

Егорыч

Александра Федоровна подошла к бюро, достала лист бумаги. Прежде чем взять в руки перо, она засмотрелась на бумагу, задумалась. Порыв ветра открыл окно, качнув тяжелую штору. Императрица вздрогнула, обернулась и, схватив колокольчик, тревожно зазвонила им, вызывая слуг.

— Государыня, что случилось? — ворвавшись в комнату, воскликнула фрейлина Вырубова.

— Ах, Аннушка, тревожно мне! Давеча сон жуткий видела, а теперь места себе не нахожу.

— Может, врача вызвать?

— Нет, не стоит. Ты лучше скажи-ка мне: отвезла ли ты икону отцу Григорию?

— Возила, да его самого не застала. Он уехал к Юсуповым. Люди сказали, что княжна приболела, а отец Григорий согласился помочь ей. Оставлять икону не стала, решила сегодня лично отдать ее батюшке.

— Странно? А я слышала, что жена Юсупова уехала в Крым, — пожалала плечами императрица. — Может, захворала и от этого воротилась?

— Все может быть. На все воля Божья! — пытаюсь успокоить государыню, согласилась фрейлина.

— Аннушка! А ты как? Нет ли предчувствий каких?

— Не по себе мне, государыня, сегодня. С тех пор как отец Григорий меня с того света вернул, чувствовать я его стала. Боязно мне за него, врагов да недоброжелателей у него много.

— Вот и я, Аннушка, места себе не нахожу.

— Ничего, не волнуйтесь. Я сейчас же поеду к нему и передам от вас икону Богородицы.

— Поторопись! А что, эта икона и правда чудеса творит?

— Многих исцелила и многих оберегла. Монахи, да и простые люди зря говорить не станут.

— Поторопись, милая, а то что-то сердце мое беду чувствует.

Фрейлина на цыпочках попятилась к выходу, поклонилась государыне, перекрестилась и, тихонько закрыв за собой дверь, придерживая платье, быстро сбежала по ступенькам. Зашла в свою комнату, замерла на мгновение перед иконами, перекрестилась. Взяла стоящую около лампадки икону Богородицы, обернула ее в длинный рушник, накинула на себя шубу и, закрыв комнату, пробежала сквозь длинный зал и, придерживая огромные парадные двери, чтобы они не хлопнули и лишний раз не испугали императрицу, вышла на улицу.

Увидев карету, подбежала к дремавшему на санях мужику.

— Егорыч! Поехали! — крикнула она.

— Да что ж вы, барыня, пугаете так! — встрепенулся мужик.

— Поехали к отцу Григорию!

— Не могу, ваша милость! Стряпуху жду! Мы на базар собрались! Снеди прикупить нужно. Дело срочное, аж самому царю-батюшке к завтраку чегой-то нехватат!

— Егорыч, на меня скажешь! Мол, заставила! Гони, родной, государыня просила!

— Ну, ежели государыня, то садись. Я тебя мигом к батюшке доставлю.

Вырубова села в карету. Она прижала к груди завернутую в рушник икону и молящими глазами посмотрела на старика. Егорыч взмахнул кнутом, кони рванули с места, потащив за собой карету на полозьях.

Аннушка посмотрела в окно. Заметив испуганных прохожих, решила, что люди, увидев царскую карету, отворачиваются, прячут лица.

Карета бесшумно выехала на свежий снег. Анна, тяжело вздохнув, набрала полную грудь морозного воздуха. Закрыла глаза и стала про себя читать молитву.

В этой тишине Вырубовой показалось, что она слышит голоса. Они доносились откуда-то извне. Анна прислуша-

лась—шумголосов нарастал, а через минуту она отчетливо разобрала: «Распутин, Распутин», — доносилось со всех сторон.

Фрейлина выглянула из окна, и, не в силах сдержать себя, крикнула первому встречному:

— Что Распутин?

Человек в дорогой шинели с богатым воротником оставился и с презрением посмотрел вслед уезжающей карете.

Вырубова поймала этот взгляд.

«Боже, что случилось?» — подумала она. А вокруг под стук копыт продолжало греметь: «Рас-пу-тин! Рас-пу-тин!»

— Егорыч, скоро уже?

— Да вот он, дом, — крикнул старик. Придержал лошадей и добавил: — Глянь, полицаев набежало скоко!

Анна Александровна выскочила из кареты. Из дома вышла прислужница отца Григория в черном платке. Внезапно воздуха Анне стало не хватать. Небо закружилось, и Вырубова упала на снег.

Егорыч поднял ее, усадил в карету, положил рядом икону и поехал обратно.

Анна Александровна открыла глаза. Все вокруг было в какой-то молочной дымке. Небо напоминало кисельную гущу.

— Что случилось? — еле прошептала она.

— Распутину убили, — бросил с козырька кучер. Вырубова вновь потеряла сознание.

Очнулась она уже около дворца. Ее проводили в комнату и оставили одну. Но фрейлина тут же встала и направилась к Александре Федоровне. Увидев ее заплаканные глаза, Анна сообщила, что не успела передать икону. Императрица молча покачала головой, встала из-за стола и негромко произнесла:

— Мы все распишемся на ней и положим ее в гроб к отцу Григорию. Его тайна навеки останется нераскрытой.

Все так и произошло. Икону с подписями царской семьи положили в гроб Григория Распутина. Похороны проходили тайно, присутствовали лишь самые близкие люди, но кому-то тайна старца не давала покоя.

Во время похорон Анна Вырубова заметила кучера, который издали наблюдал за погребением. Еще тогда ее испугал его вспыхнувший взгляд. Старик внимательно наблюдал за тем, как клали икону в гроб знаменитого старца. Видимо, он помнил о ней с тех пор, как отвозил фрейлину императрицы к Распутину.

Через год Анна Вырубова узнала, что могила Распутина осквернена. Революционно настроенные люди сожгли тело старца, а икона Знамения Божьей Матери исчезла. Именно тогда она вспомнила о бородатом кучере с горящими глазами. Неужели он, этот безграмотный старик, выкрал икону ради собственного спасения? А может быть, этот кучер выдавал себя за другого?..

Эпизод

Через три часа в квартире журналиста Подольского раздался звонок.

— Дмитрий! Это капитан с «убойного». Подскочишь? У нас на Гороховом эпизод. Похоже, твоя тема. Я обещал — выполняю.

Корреспондент скандальной газеты «Зачем» Дмитрий Подольский, высокий, крепкий русоволосый парень, вскочил с кровати, быстро оделся и, выбежав из дома, сел в машину. На улице было слякотно. Зима еще не кончилась, но ручьи уже появились на асфальте. Дмитрий завел машину и поехал к месту преступления. Он давно ждал какого-нибудь загадочного дела. Ему, корреспонденту известной газеты, надоело писать об убитых авторитетах и их пособниках. Впрочем, заказные убийства депутатов и видных государственных деятелей тоже совершались по одной и той же схеме. Везде работали профессионалы, которые не оставляли следов. Приходилось фантазировать, чтобы что-то пояс-

нить читателю и как-то разнообразить материал статьи. Он не раз просил знакомых оперативников сообщать ему о необычных преступлениях, обещал не остаться в долгу. Ему хотелось начать собственное журналистское расследование, вытащить тему, которая заинтересует всех, но подобных преступлений не было. Капитан Сагулин из «убойного отдела» обещал помочь и сегодня сдержал слово, сообщил о первом подвернувшемся необычном преступлении.

Дело и выглядело необычным. Ночью в подъезде соседи обнаружили два труп. Жертвы, одетые в серые одинаковые костюмы, были расстреляны в упор. У трупов как-то странно были разорваны рукава. Осветив убитых, оперативники обнаружили у каждого на внутренней стороне левой руки одинаковые татуировки. Видимо, убийца специально хотел обратить на это внимание. Милиционеры поднялись этажом выше опросить соседей и нашли в открытой квартире еще два тела. Найденные жертвы были очень странно убиты: каждому буквально вдавили в солнечное сплетение раскаленный штырь. Следы ожога вокруг раны говорили об этом. Увидев жертвы, Влад Сагулин решил сразу позвонить Дмитрию.

Журналист оставил машину возле дома. Встретил капитана и вошел с ним в подъезд.

— Ты на этот раз не фотографируй. Давай так: только смотришь, и все.

— Хорошо. Когда это произошло?

— Часа три назад. Дед с третьего этажа с собакой погулять вышел, а когда вернулся, увидел трупы.

— Любитель сработал, — предположил Дмитрий. — Посмотри, в стене следы от пуль. Стрелял с близкого расстояния по очереди: то в одного, то в другого — и несколько раз промазал. А здесь что? — он наклонился ближе к трупам.

— Татуировки.

— Одинаковые?

— Да, и он хотел продемонстрировать их нам — рукава разорвал. Возможно, киллер действительно дилетант — стрелять метко не умеет, но стоит учесть, что делал он это в темноте. Пойдем, я тебе еще кое-что покажу.

Увидев убитых в квартире, Дмитрий стал умолять капитана, чтобы тот разрешил ему сфотографировать страшные раны и татуировки. На тех, что лежали в квартире, татуировки были более отчетливы — явно наркоманские черепа и паутины. За съемку он пообещал другу из «убойного» бутылку виски и сто баксов. Капитан долго сомневался, шмыгал носом, но, поскольку Подольский был человеком проверенным и надежным, разрешил.

Дмитрий достал цифровую камеру и через минуту, закончив съемку, спрятал ее под куртку.

— Давай сваливайся отсюда, начальство едет, — грубо буркнул капитан и показал жестом, чтобы тот подождал его на улице, в соседнем переулке.

Через полчаса капитан сидел в машине и испуганно шептал:

— Мне не нужна бутылка и баксы. Дело взяли под контроль сверху. Сказали, никакой прессы! Если информация просочится, меня порвут в тот же день. Так что прошу тебя, ничего не пиши об этом. Договорились? А я тебе еще чегонибудь подброшу.

— Хорошо, — согласился Подольский и уверенно добавил: — Я буду вести свое расследование. Публиковать собранные материалы пока не стану. Потом, когда все выплывет наружу, сделаю одну большую статью. А если не получится раскопать что-то дельное, вообще забуду. Убийство, похоже, ритуальное: сатанисты или какие-нибудь сектанты. Повезет, доберусь до них. Со своей стороны обещаю: если что-то зацеплю, сообщу.

— Договорились, — обрадовался капитан. — Ты мне — я тебе. Только пока молчи об этом. Генерал ФСБ приезжал. Переписали за чем-то всех. Хорошо, что ты вовремя ушел. И правильно сделал, что надел милицейскую куртку.

— Куртка обыкновенная. Просто цвет и покрой похожи. Я ее «хитрой» называю. Издалека вроде мент, а ближе никто не рассматривает. Ты мне лучше честно скажи, неужели все так серьезно?

— Хуже. Если «конторы» приехали, значит, дело можно не вести, все равно не дадут. Будет одна только прелю-

дия—то есть хождение вокруг да около. Для секса это хорошо, а для дела, сам понимаешь...

— Тебене дадут, а я покопаю.

— Смотри могилу себе не вырой, копатель, — открыв дверь автомобиля, предупредил капитан.

— Возьми пузырь.

— Виски?—вспомнил опер и, открыв в машине бардачок, достал бутылку «Гранте». — Спасибо, но деньги оставь, не надо.

— Тебе спасибо. Не забудь, если что узнаешь, сообщи, в долгу не останусь.

— Мы ж договорились. Все. Давай. Пока, — попрощался капитан и сильно хлопнул дверцей машины. Не оборачиваясь, он подошел к дому, где еще толпились сотрудники милиции.

Дмитрий вернулся домой, включил компьютер. Перекачал снимки на жесткий диск. На одном из них увеличил штырь, торчащий из тела жертвы. Заметил небольшое клеймо. Увеличил сильнее. Рассмотрев, понял, что оно очень похоже на татуировки застреленных в подъезде. Внимательно изучил его и убедился, что это один и тот же символ.

— Точно! Это ритуальное убийство. Люди с татуировками, возможно, убили тех в квартире раскаленным штырем, помеченным таким же символом. Но кто-то помешал. Застал их и отомстил. Все. Начну с этого. Нужно расшифровать этот символ! Что он вообще обозначает?

Распечатав на принтере снимки, Дмитрий выключил компьютер и лег спать. На часах было около пяти утра. К десяти он должен был появиться в редакции, сдать написанную статью о коррупции земельных чиновников. Сон не приходил. Он почувствовал, что уже зацепился за что-то серьезное, и эти мысли разгоняли дрему. «Генерал ФСБ не зря приезжал. Утром могут наведаться. Вычислят. Нужно сделать копию снимков и спрятать их подальше». Дмитрий встал с постели. Включил компьютер. Записал на диск фотографии. Долго думал, куда его спрятать. Наконец нашел надежное место. После чего успокоился и уснул.

Утром к нему приехал капитан Сагулин. Он осторожно пытался выяснить, будет ли Дмитрий публиковать фотографии. Подольский понял его и, сказал:

— Да успокойся ты! Не обману! Публиковать не стану. Да и нечего пока!

— Точно? — переспросил капитан.

— Точно!

— Ладно, верю. Представляешь, утром всех вызывали еще раз. Про тебя даже и не вспомнили. Как будто не видели. Кстати, этот эпизод не первый, — уточнил капитан. — За последний месяц три подобных убийства, и всем раскаленный штырь в сплетение вжигают. Причем этот штырь тупой, и непонятно, как он в тело входит.

— Да он же раскаленный — прожигает.

— Возможно. Но ведь его надо сильно раскалить. На плите такую железяку докрасна не доведешь. К тому же в той квартире плита электрическая. Потом, нужно как-то держать его, чтобы не обжечься и вдавить до самого позвончика.

— Есть специальные рукавицы, — предположил Дмитрий.

— Это все ерунда. Не удержишь. Меня другое пугает, — взглянув на бутылку, выдал капитан.

— Не тяни...

— Все жертвы — члены одной преступной организации.

— Как одной?

— Да вот так! Арматурщики это. Слышал про авторитета Арматурова?

— Нет.

— Это его люди. Мы их арматурщиками зовем. В Западном округе его логово.

— Понятно.

— Что тебе понятно, корреспондент? Неужели ты хочешь к этому бандиту в гости наведаться? Так это, влегкую, поинтересоваться: кто раскаленными железяками мочит твоих людей? — с сарказмом прохрипел капитан.

— Ладно, ты давай допивай, и пойдем. Мне в редакцию пора. Нужно статью сдавать.

— Ты же обещал! — возмутился Сагулин.

— Да не о вчерашнем. У меня старый материал о том, как землю чиновники распродают и сколько стоят бумаги на незаконное строительство в экологической зоне.

— А, ни фига себе. Тебе что, взятку не предлагали?

— За что?

— Ну, чтоб ты их не сливал.

— Нет.

— Зря. Снять этих людей не снимут, но на «бабульки» тряханут. Уж лучше бы тебе заслали. Ведь всем проверяющим отстегивать придется. А нервов сколько! Тебя заткнуть дешевле.

— Да ладно. Я бы все равно не взял.

— Зря. Ничего ты не докажешь! А они злее станут. Придет теперь к ним человек за помощью, а ставки в два раза из-за твоей статьи выросли. Разве после этого вспомнят о тебе добрым словом?

— Пошли на улицу. Я смотрю, ты уже набрался....

— Есть немного. Я бы еще посидел, но раз ты торопишься на работу, тогда пошли. Я сейчас тоже домой. Что-то устал. Не успели налить, как прогоняют. Нет бы послушал меня и сам чего-нибудь рассказал.

— Да некогда мне болтать. Хочешь, оставайся. Я тебе телевизор включу — с ним разговаривай.

— А что, давай! Я пока у тебя тормознусь. Ты только жене моей отзовись.

— Хорошо! Скажу, что ты у меня в засаде застрял. Если не хватит «лекарства», в холодильнике вино и полбутылки текилы есть. Можешь взять! — уже в дверях крикнул Дмитрий и уехал в редакцию.

В огромном восьмиэтажном здании, построенном из стекла и бетона, уже началась повседневная суэта. Дмитрий, не обращая внимания на пробегающих мимо людей, зашел в свой кабинет, бросил сумку и сразу отправился к главному редактору Самсону Сергею Васильевичу. Полчаса рассказывал ему о коррупции в земельном департаменте и после этого отдал статью. Главред тут же начал ее изучать.

Дмитрий понял, что его миссия закончена. Он вернулся за свой стол, достал из сумки распечатанные фотографии и стал внимательно изучать их. Раньше, зацепившись за интересную тему, он не мог успокоиться. Сейчас же Подольский, чувствуя интерес и тайну странного убийства, не мог написать об этом. Не потому, что обещал молчать. Информации явно не хватало, и все увиденное казалось со стороны какой-то нереальной страшилкой.

Нужно найти четкие подтверждения, факты. Понять, кто за этим стоит и почему на подобные преступления наложен гриф секретности. Он еще раз внимательно посмотрел на фотографии. Карандашом перерисовал на листок бумаги татуировку и неожиданно вспомнил о профессоре Кружеве. Этот ученый увлекался знаками, татуировками и хорошо знал истоки и значение многих символов. Когда-то он уже встречался с ним, консультировался. Их неожиданное знакомство оказалось полезным для каждого.

Дмитрий позвонил жене капитана Сагулина. Успокоил ее и пообещал вечером вернуть его домой в любом состоянии. Покинув здание редакции, он решил съездить к профессору.

Московские дороги, как всегда, отнимали много времени. Олег Леонидович Кружев жил в центре, на Малой Бронной. Он очень не любил ждать и просил всех приезжать без звонка. Переживал, когда люди обещали, но из-за плотного движения и неожиданных пробок не могли вовремя добраться до его квартиры. Дмитрий не стал заранее звонить и беспокоить пожилого человека. Он поехал, даже не надеясь, что застанет его, но профессор был дома. Он открыл дверь и очень обрадовался приезду известного журналиста.

— Заходи, дорогой, давно не видел тебя. Совсем забыл о старике, — с улыбкой приговаривал Олег Леонидович.

— Я ненадолго.

— Понимаю. Дела. Сейчас жизнь суматошная, и как вы, бедные, везде успеваете?

— Приходится разрываться.

— Вот раньше Москва тихая была. Конечно, в магазинах люди толкались, но центр тишиной жил, а теперь толь-

ков выходные народу мало, улицы пустые, а в будний день хоть и не выходи. Ну да бог с ним. Проходи. Чай или кофе?

— Кофе.

Профессор заварил кофе, приготовил печенье, поставил чашки на столик с колесами и прикатил его в зал. Дмитрий стоял у книжного шкафа и рассматривал старые издания.

— Ну, молодой человек, — протянул Кружев, разливая кофе, — давай присаживайся и выкладывай, что у тебя. Я же понимаю, что просто так ко мне никто не приезжает.

— Да ладно, — засмеялся Дмитрий и достал из сумки фотографии убитых. Обратил внимание профессора на увеличенный символ на штыре. Профессор, внимательно взглянув на Дмитрия, спросил:

— У тебя сигареты есть?

— Да.

— Давай закурим? Захотелось. Врачи, правда, запрещают. Жена все заначки нашла и выбросила. А когда вот такое увидишь, как тут не закурить?

— Что-то очень серьезное?

Профессор затянулся, шумно выпустил дым и ответил:

— Все плохо: и то, что ты мне их показал, и то, что они у тебя появились. Что ты хочешь узнать?

— Что это за знак?

— Разбитый на шесть частей перевернутый крест. Если все части сложить — сам увидишь, а если между ними провести линии, то получится перевернутая звезда.

— Понятно. Сатанисты?

— Нет. Звезда только подразумевается. Она не нарисована. Это не просто секта безумцев. Это тайная организация. Очень серьезные люди. Убийство совершено ими.

— Вы это сразу определили?

— Да. Это ритуальная казнь.

— Подождите, про это даже кино есть. С этим... как его... Ну, с белыми такими глазами... Сейчас вспомню!

— Ненадо! Все они с белыми глазами...

Одно дело – лечить, другое – править страной

Александра Федоровна пришла в библиотеку. На большом инкрустированном столике из красного дерева ее ожидал фарфоровый чайник со свежим чаем и две белые кружечки, украшенные золотыми розами и царскими вензелями.

В комнату вошел Николай II. Императрица резко встала. Сделав шаг навстречу, вытирая слезы кружевным платком, Александра Федоровна всмотрелась в лицо мужа и нервно прошептала:

— Что будет с нами?

Император отвернулся. Он не мог смотреть в ее измученные, заплаканные глаза. Но разговор предстоял серьезный. Николай II понимал, что убийство Распутина — крах царской семьи, но нужно было как-то успокоить всех, и в первую очередь жену. Нужно с достоинством принять поражение.

Бросив осторожный взгляд, чтобы не расстроить ее своим не лучшим состоянием, император, задумавшись, отошел в другой конец библиотеки. Он тоже выглядел плохо, потерял сон: ему казалось, что от его души оторвали кусок чего-то самого дорогого. Того, что находилось в глубине, в самом потаенном месте.

«Хороший, простой, религиозный русский человек, — размышлял император. — В минуты сомнения и душевной тревоги я любил с ним беседовать, и после такой беседы мне всегда на душе делалось легко и спокойно». Только с Распутиным он мог говорить искренне и видел, что этот человек не врет. Возможно, именно эта искренность повлияла на их отношения. Конечно, царь не раз спорил с ним, избегал встреч, был несогласен и даже возмущен. Но при всем этом он никогда не сомневался в честности этого человека — старца, который всей душой болел за его семью.

Император вспомнил, что жена ждет ответа. Он тяжело вздохнул, подошел к ней, обнял за плечи и произнес:

— На все воля Божья.

— Да, а как ты мог допустить? Ты знал, что ему многие обещали расправиться, — с акцентом протараторила супруга.

— Люди всегда в порыве злости говорят то, чего сами не ведают.

— Но как же? Батюшка мешал им. После того как он стал открывать их совесть перед тобой, все эти люди не могли простить его, — подбирая слова, еле выговорила Александра Федоровна.

— О чем ты?

— Все о старом. Раньше Хвостов, твой министр, сам приносил тебе бумаги на назначение. Он гордился тем, что имел влияние на высочайшую особу. Брал с людей деньги за то, что ты не глядя подписывал и назначал по его рекомендации. Отец Григорий отобрал у него это право. Он видел каждого и рассказывал всем, что это за человек.

— Да, конечно, знаю. Это многих настроило против меня, ну и, естественно, против него. Зачем он полез в политику? — нервно сжимая зубы, процедил Николай II. — За неделю до смерти убеждал меня, что нужно срочно прекратить войну с Германией. Что это приведет к гибели всей страны. Откуда он мог знать?

— Он мог! — утвердительно фыркнула супруга. Императрица вырвалась из его объятий, перекрестилась и добавила: — Верь ему, его сердцу были дороги интересы России и твои. Бог недаром его нам послал, только теперь мы должны еще больше обращать внимание на его слова — они не говорились на ветер. Как важно для нас иметь не только его молитвы, но и советы! Скольких он вылечил, от смерти спас. Неужели это не урок тебе?

— Одно дело лечить, наставлять, а другое — править! — разозлился император.

— И в политике он был к месту. Когда он благословлял какое-нибудь начинание, оно удавалось, и если он рекомендовал людей, то можно было быть уверенным, что они — хорошие люди. Если же они впоследствии меняются, то это уже не его вина — но он меньше ошибался в людях,

нежели мы: у него — жизненный опыт, благословенный Богом.

У Анны Федоровны своя правда, но скупые слова императора не раз позднее подтвердились историей: любой, кто, не будучи политиком, войдет в политику, пострадает. Его все равно скинут, убьют, посадят. За ним рано или поздно все равно придут и укажут ему его место.

Не скрывая гнева, Николай прошел быстрым шагом в конец библиотеки, развернулся по-военному, одернул мундир и, собравшись с силами, произнес:

— Все они теперь злорадствуют. Убийца — Феликс Юсупов — вообще чувствует себя героем и принимает поздравления. Эка, какой молодец! Очистил царский двор от грязи. Освободил всех от ненавистных темных сил, которые якобы завладели душами всей царской семьи. Великий князь Дмитрий с ним заодно. Белецкий, Хвостов, Маклаков, да и все остальные руки потирают: ждут удобного случая, чтобы ударить исподтишка.

— Ты ему что-нибудь имел говорить?

— Еще бы! Юсупов от всего отказывается. Клянется, что не имеет отношения к этому зверскому убийству. Убеждает, что Распутин вылечил его от эпилепсии.

— Он пока не понимает, какой грех совершил. Божьих людей трогать нельзя. Не найдет его душа покоя, да и весь род, все его потомки прокляты будут, — со злостью добавила императрица. — Да, враги объединились. Собираются и выдумывают невесть что. Доносы пишут. Я уже получила их кляuzu. Даже и читать не стала. Аннушка прочитала, расстроилась. Сказала, что одни выдумки, грязь и сплетни! Они готовы на все, чтобы опорочить имя батюшки.

— А заодно и нас! — с ненавистью добавил Николай II. — Мы с этим мужиком в сознании людей неразрывны, а все твоя кровь: какого черта ты не сказала мне сразу, что в вашем роду гемофилия? Сохраняя наследника престола, мы пошли на великий позор в глазах мирового сообщества!

Александра Федоровна бросилась было прочь, но передумала, она все это уже выстрадала, она уже искупила, хватит!

— Григорий был больше чем лекарь. Он провидец! И пострадал не как лекарь, а как человек, который хотел остановить войну.

— Войну мы все равно не остановим. Народ воюет за веру, царя и отечество. Что будет с мужиком, вернувшимся в свое село без победы? «Где ты был?»— спросят его с хохотом бабы, и что он ответит? Если мы не победим, то пусть уж лучше революция прекратит войну, так будет достойнее.

— Господи, что ты говоришь такое! Распутин говорил наоборот. Как только мы будем побеждать, революционеры тут же захотят закончить войну. Они действуют, имея свои цели. Они против нас уже целую организацию собрали. Всех недовольных пригрели, — коверкая слова, как-то вяло предложила супруга.

— Откуда ты знаешь о тайной организации?— удивился император.

— Все об этом говорят. Все боятся. Злые люди, как волки, в стаи сбиваются.

— Прекрати!— не выдержал Николай II. Он быстрым шагом направился к двери, на выходе обернулся. Александра Федоровна заметила его испуганный взгляд. Император тяжело вздохнул и неожиданно спросил:

— Как дети?

— Спят. С ними Вырубова. Не волнуйся.

— А как сегодня себя чувствовал Алеша?

— С цесаревичем сегодня все было хорошо. После обеда его посмотрел Боткин и сказал, что состояние хорошее. Вечером он покушал и хорошо уснул, — пытаясь успокоить мужа, ровным голосом ответила супруга.

— Вот и ладно. Вот и хорошо. Слава Богу!— закрывая дверь, прошептал Николай II и после этого ушел в свой кабинет.

Императрица села за столик, посмотрела на остывший в кружке чай, встала. Подошла к бюро, достала лист бумаги, чернила и решила написать письмо дочери Распутина. Долго думала, с чего начать, но потом отложила бумагу в сторону и решила идти в спальню. Бросила взгляд на

икону Иисуса Христа. Взяла с полки молитвослов, подошла к иконостасу и начала читать молитвы.

Заказ

Коренастый, невысокого роста темноволосый юноша вышел из общежития. Со своим другом Вадимом они занимали комнату уехавшего в деревню старика. Он достал из кармана деньги, пересчитал и решил сходить в магазин за водкой. Его друг остался лежать на диване. После вчерашнего веселья он никак не мог прийти в себя. Чтобы помочь ему, Игорь решил на последние деньги взять бутылку. Сегодня им предстояло встретиться с одним коммерсантом и договориться о работе. Он знал, что Вадим, выпив, быстро придет в норму и сможет пойти на встречу.

Вернувшись в комнату, он поставил бутылку на стол. Включил электрическую плитку и стал готовить яичницу.

— Вставай. Подлечись, — обратился он к другу.

— Что вчера было? — из-под одеяла хриплым голосом спросил Вадим.

— Да ничего особенного. Нажрались. На гитаре играли. Солдат водку принес. Потом у тренера заняли. Оля у него взяла. Соседка Лиза приходила. Тоже принесла бутылку.

— О-о-о, — прохрипел Вадим. — Рассол есть?

— Какой рассол? Водки выпей.

— А ты?

— И я. Что ты думаешь? Я сам отрубился. Тоже болею. Но я коньяк, что Лиза принесла, пить не стал. А ты дорвался...

— О-о-о, — снова прохрипел Вадим. — Ну хоть воды принеси!

— Тыбы лучше водки выпил.

Вадим, укутавшись в одеяло, подошел к столу. Выдохнул и залпом выпил рюмку водки. И только выпив третью, больной не жуя проглотил горячую яичницу. Лег на диван, несколько минут лежал молча, затем закурил и, улыбаясь, произнес:

— Ну вот, и срок правильно дали, и хозяин друг.

— Давай не разлеживайся. Сегодня к Армену идем.
— Я помню. Дай оклемаюсь.
— Он обещал работенку подбросить.
— Да уж. В который раз пойдем наступать на грабли.
— Так наступает он, а не мы. Возьмем лавэ, а там посмотрим.

— Нет. На этот раз он не даст. Там жена его вмешалась.
Через эту кобылу просто так не перепрыгнешь.

— Но он-то поддержит. Хотя бы на жарчку даст.
— А мы опять все пропьем.
— Ну и что?
— Да нет. Все нормально. Чем еще заняться?
— В кабак ходим. Ты обалдеешь!
— Обязательно. Прошлый раз ходили. Я тебя еле утащил.

— Не рассчитал.
— Если не научишься рассчитывать силы, то очень скоро никто не сможет тебе помочь.

— Ладно. Сам что, лучше? Вспомни, как месяц назад в пивбаре столы переворачивал!

Несмотря расставшись с бутылкой, друзья вышли на улицу и отправились в центр города. В Уссурийске стояла осень, о чем свидетельствовала пожелтевшая листва. Около гостиницы Вадим встретил знакомых. Они пригласили его в «Грот» — местный пивбар. Выпив пива, Игорь и Вадим решили идти на встречу, но неожиданно за ними увязался сильно подвыпивший парень — Олег. У самых дверей фирмы юноша вынул из кармана деньги, и друзья поняли, что необходимость разводить Армена отпала.

— Ну и что будем делать? — спросил Игорь.
— Так, юноша. Мы сейчас пойдем к нам домой. Ты ляжешь на диван и отоспишься. Деньги давай мне на сохранение. Я потрачу немного: куплю водки и закуски. Отоспишься, остальное верну.

— Давай, — еле выговаривая слова, ответил Олег.
— А так тебя обчистят бомжи, пока ты будешь спать на лавочке. Посмотри, люди вокруг нищие, как шакалы, рыщут, кого бы обуть.

— На, — Олег протянул Вадиму пачку. Игорь отвернулся, чтобы спрятать улыбку. Забрав деньги, Вадим взял Олега под руку и повел домой, но услышал, как его окликнул Армен:

— Вадик, стой!

— Давай завтра, — резко ответил Вадим.

— Хорошо, завтра, но минуту подожди, послушай.

— Держи этого, пока я с Арменом переговорю, — обратился Вадим к Игорю. Он подошел к директору фирмы:

— Что, так срочно?

— Да.

— Ну выкладывай.

— В общем, у меня заказ серьезный, — начал Армен. — Вы можете в цеху немного поработать?

— Легко! А что делать нужно?

— Я видел, какое необычное оружие ты умеешь мастерить. Мне оно незачем, но заказчики заинтересовались. Придут люди, посмотрят на твои ножи с шипами, и все. Будем деньги делать.

— Интересно, кому они понадобились? Что, в магазине купить сложно? Там сейчас всякие продаются.

— Не знаю. Им твои понравились. Те, что ты мне прошлый раз продал. Тысяча сейчас, тысяча потом.

Армен достал из кармана пачку банкнот. Вадим положилих в карман ихмуро посмотрел на Армена:

— Это гуманитарный взнос... Но не бойсь: завтра к обеду подтянемся.

Он вернулся к еле стоящему на ногах Олегу и, взяв его под руку, сказал Игорю:

— Теперь этот нам не нужен. Армен бабла подбросил. Просит, чтобы я разных кинжалов наварил из прутьев.

— Да уж. Кинжалы серьезные. Приваренные крюки и шипы сильно пугают. Если такой всадишь — все. Без вариантов. Я как-то раз по пьяни перед пацанами достал — все потерялись. Потом спрашивали, что это за фишка.

— С прибамбасами фишка.

— Импровизация в старинном мистическом стиле.

— Твоя импровизация конкретно жуть нагоняет. И что, Армен отстегнул?

— А то!

— А с этим что?

— Теперь он нам на хрена? Давай в парк отведем, а завтра я ему его деньги отдам. Он наверняка в пивбаре будет похмеляться. Не люблю я пьяных трясти.

— Ты не любишь, но вспомни, сколько раз тебя пьяного бомжи обували.

— Да. Точно. Эти крысы нухом чуют поддатых.

— Давай домой отведем. Пацан вроде не буйный, нормальный. А завтра решим, что с ним делать. Проспится, домой уйдет, — предложил Игорь. — А так если не бомжи, то менты подберут и тоже обчистят. Жаль пацана.

Уже через час в комнате общежития был накрыт стол. Олег спал на диване, остальные сидели и чинно попивали сухое вино. Вадим предложил перейти на него, так как легко переносил винное похмелье. Это был один из его методов выхода из продолжительного запоя. Но Игорь возразил:

— Вино, пиво, с этого все и начинается. Раз денег немешно — значит, нажремся!

— Но болеть с утра не будем.

Игорь махнул рукой. Он знал, что переубедить друга трудно. Хотелуговорить его отдать деньги, но Вадим отнес их на сохранение к соседке, которая часто выручала и давала займы. Он знал, что у Игоря он их легко заберет, а тетя Валя больше чем на пузырь выпившему не даст.

К вечеру в комнату пришли вчерашние гости: Ольга и солдат. Девушка с пышными формами и длинными светлыми волосами любила эту компанию. Ей нравились песни под гитару и то, что в этой комнате никто не дерется.

Солдат, пришедший с Ольгой, служил в части, что стояла у вокзала. Всегда убегал в самоволки и возвращался пьяный. Командир махнул на него рукой, увидев однажды, с кем он связался.

Всю ночь продолжалось веселье. Гитару сменил магнитофон, и лишь к пяти часам утра пьяные гости улеглись спать. Проснувшись утром, Игорь удивился количеству

гостей, уснувших на полу. Одни спали на куртках, другие положили под голову ботинки. Всем было хорошо и удобно. Утром все коллективно стали думать, чем похмелиться. Игорь принес вина и пива. После этого гости разошлись по домам. Подобное происходило лишь в тех случаях, когда не было денег и если Вадим просыпался злой.

Сегодня он проснулся не просто злой и нервный: его взгляд испугал даже Игоря.

— Зря я с этим Арменом подписался! Думаю, что дело это мутное. Если этот ара подставит нас — заплатит по-другому.

— Да успокойся ты! — вспыхнул Игорь. — Не хочешь, не иди к нему. Кинем его в очередной раз.

— Кинуть не проблема. Мне самому интересно, кому понадобились мои кинжалы.

— Да, интересно, кому такое страшное оружие понадобилось?

— Вот-вот. Да еще кошмары всю ночь снились.

— Это от пьянки. Нужно тормознуться. Взять девчонку, купить мясо, арбуз и поехать на Шамору, отдохнуть...

Вадим выглядел неважно. Двухнедельная щетина, ввалившиеся мутные глаза и неприязненный взгляд отталкивали. Трезвый он казался высоким, но от постоянного пьянства ссутулился и казался ниже ростом. Притом его широкие плечи всегда внушали страх.

Недовольные понимали, что этот крепыш может неслабо врезать. Свои русые волосы он коротко стриг. Боялся, что в драке кто-то схватит его за длинные патлы, как когда-то в детстве. Однажды он пожалел, что носил модную прическу...

— А этот где? Вчерашний? У которого я деньги забрал?

— В магазин пошел, — ответил Игорь. — Оказывается, ты не все деньги у него забрал. Он с утра из кармана еще больше достал. Я его за едой отправил.

— А чего он вообще хочет?

— Не знаю. Придет, спросим.

В дверь постучали.

Вадим распахнул дверь и отошел в сторону. Олег спакетом в руках подошел к столу, который уже убрал и протер мокрой тряпкой Игорь. Достал буханку хлеба, тушенку, макароны, бутылку водки и фанту.

Вадим хотел возмутиться, но, имея в душе утреннее нехорошее предчувствие, решил заглушить его ударной дозой алкоголя.

— Нам это, по делу надо, на работу, — произнес Вадим. — Ты как, здесь останешься или погуляешь где?

— На работу? Ни фиги себе! А с вами можно?

Вадим посмотрел на Игоря, тот пожал плечами.

— Давай. За толпу сойдешь. Я там это, буду на станке кое-что делать. Ты не смотри.

— Да ладно. Весь город знает, что ты какие-то колючие и острые придамбасы к дубинкам приделываешь. Мне кто-то по пьяни показывал. Страшная штука, — выпив полстакана водки, поведал Олег.

— Ну во. Все знают. Значит, и менты в курсе. Нужно завязывать. А то кто-нибудь кого-нибудь замочит моим произведением. Потом не отмажешься.

— Да, менты все знают. Стукачи кругом, — поддержал его Олег.

— А ты сам-то кто? — резко спросил Игорь.

— Я не стукач, так, рядом в деревне живу. Треху отмотал за угон. К друзьям приехал. А с вами завелся чисто по пьяни. Мне кто-то из друзей рассказывал, что ты, Вадим, человек хороший — серьезный. Зря бодать не станешь. Вот, видать, спьяну такая тема в башке и включилась: что с тобой не пропаду. И ментам вы меня не сдадите.

— Нужно было тебя на скамье оставить и бабки твои забрать. Чтобы ты умнее стал, — проворчал Вадим.

— Но ты этого не сделал, потому что человек, — смело ответил Олег.

— Кобеду нам к Армену нужно.

— Это к этому чурбану, что возле моста фирму держит?

— А ты что, его знаешь? — удивился Игорь.

— Да. Хотел в кузнецы к нему устроиться. Но жить-то негде. А он обещал хорошо платить. Разные там решетки,

ограды кованые делать. У него печь неплохая. И рядом электрическая тоже ничего, для мелочевки.

— Ты что, кузнец, что ли? — недовольно спросил Вадим.

— Да. Как и отец. Да и дед баловался.

— А я вот только кинжалы да кастеты разные могу. А вот серьезный крест или там розу не пробовал, — с сожалением произнес Вадим.

— Так я тебя научу. Руки у тебя откуда надо растут, металл любишь, а остальное — раз показать, и все поймешь.

— Слушай, а может, мы к Армену устроимся решетки делать. Все втроем? — предложил Игорь. — Олег у нас поживает.

— Мысль хорошая, — согласился Вадим.

Армен встретил их радостно, а увидев Олега, обрадовался еще больше.

— Вот! И кузнец с вами хороший. Все в тему! — закричал директор.

— О чем это он? — спросил Игоря Вадим.

— Пойми этого чурбана, чего он хочет? Урод — одно слово!

Друзья вошли в мастерскую. Армен предложил включить контактно-сварочный станок и сделать нечто страшное и необычное. Вадим взял пятимиллиметровый прут и, прижимая на станке, приварил к нему несколько гвоздей. Включил точило, заточил прут и гвозди. Подправил их молотком, чтобы гвозди выглядели ровно и красиво. Взял полосу металла. Отрезал мощными ножницами сантиметров двадцать. Накрутил их вокруг прута, сделав необычную, но удобную ручку. Обточил заусенцы и, показав образец Армену, сказал:

— Вот! Самое простое. Я называю этот нож «елочкой». Туда легко, а обратно с мясом!

— Господа! Мастер своим несравненным гением заслужил того, чтобы именоваться «его высочество главный Мастер Империи», — директор взял тряпкой горячую от сварки «елочку» и ушел к себе в кабинет. Снял трубку телефона и начал набирать номер.

— Нормально! Только слабовата. Согнется! — качаясь, проямлил Олег.

— Эта вещь на один раз рассчитана. Вставить и не вынимать. Пусть врачи стараются, — возразил Игорь.

— Да. Но если ствол «елки» сделать кованым, то она и ребра пробьет. А так согнется.

— А что, он прав, — согласился Вадим. — Было бы жалко кованым — другое дело.

Из кабинета вышел директор. Улыбаясь, посмотрел на гостей и попросил их подождать.

Через полчаса приехала «волга». Из машины вышли двое в серых костюмах. Один из них долго рассматривал в кабинете «елочку», затем подошел к Вадиму и, развернув лист бумаги, показал чертеж.

— Сможешь, Мастер Империи? — спросил незнакомец.

Вадим стал крутить в руках непонятный ему чертеж. Незнакомец положил на верстак пачку сторублевых купюр. Игорь прижался к стене. Олег, протрезвев, удивленно посмотрел на деньги. Посмотрев в глаза пожилого лысого незнакомца, одетого в костюм и галстук, Вадим замер. Минута молчания затянулась. Незнакомец вынул вторую пачку, а за ней третью.

Олег выхватил чертеж из рук Вадима и испуганно спросил:

— Сколько штук?

— Каждая будет оплачена отдельно. Главное — строго соблюдать размеры. Это важно!

— А эти бабки за что? — спросил Вадим.

— Подъемные.

— Я понял, гуманитарный взнос за согласие.

— Какая марка металла? — влез в разговор Олег. Вадим посмотрел на него и уже хотел оттолкнуть или врезать подзатыльник, чтобы не мешал, но незнакомец ответил:

— Такая, чтобы эту вещь можно было легко разогреть докрасна.

— Без проблем. Завтра первую сделаем, — протараторил Олег, к ужасу Вадима, обретший дар рационального мышления.

— Делать будет Мастер Империи, а не ты! — незнакомец показал на Вадима. — А ты можешь помогать. Будешь мешать — пожалеешь!

— Ты это, брат, раньше времени качели не качай, — возразил Вадим. — Ну, выпил парень, ну и что? Проспался же. Я не знаю про марки металла. Признаюсь честно, и в этом чертеже особо не секу. Так что без него ничего не выйдет. Завтра попробуем. Получится, договоримся. Нет — значит, не судьба.

— Все нормально. Даже если первый раз не получится, ничего. У нас есть время. Научись. Здесь главное другое. Твоя внутренняя энергия важнее смертельного и болевого оружия. Не обижайся, но только садист может придумать что-то похожее на твою «елочку», — ответил незнакомец.

— Последний вопрос: этой штукой кого-то убьют?

— Интересно, а для чего ты свои извращенные ножи делаешь? На каждом печать смерти. Неужели ты думаешь, что после твоей «елочки» кто-то выживет? Или это так, страшные игрушки?

— Да, это орудие убийства, — согласился Вадим.

— Причем очень жестокого, с мучениями! — добавил второй незнакомец.

— Менты нас не вычислят?

Второй незнакомец, открыв дипломат, показал друзьям несколько кривых ножей, остро заточенных прутьев и пару кастетов с шипами.

— Ты не один. Но мы выбрали тебя. Деньги можешь взять. Они ни к чему не обязывают. Другьям-помощникам будем платить отдельно. Завтра первый образец сделаешь?

— Не знаю. Скажи мне, человек в костюме, кто ты? Знаток масонских практик?

Незнакомец окинул колючим взглядом стоящих рядом и нехотя ответил:

— И магистр для тайных обрядов. Ты, как Мастер Империи, должен знать это. Ты не можешь отказаться помогать товарищам по борьбе.

Худой высокий помощник знакомого достал из кармана пистолет и направил его на Вадима.

— Убери! Сказал же, завтра попробую, — но, видя, что пистолет все еще нацелен на него, добавил: — Завтра сделаю.

Загадка профессора

— Что это за организация? — заинтересованно взглянув в колючие глаза, поинтересовался Подольский.

— Все это похоже на вымысел, — ответил профессор Кружев. — Об этих людях мало что известно. Они всегда были в тени. Но это целые поколения. Свои тайны и знания они свято хранят. Передают их молодым. Соблюдают придуманные законы и жестоко наказывают каждого, кто встает у них на пути или узнает их секреты. Убийство совершено в их стиле. Они считают, что душа человека живет в солнечном сплетении. Ни ножом, ни пулей ее убить нельзя, а вот металл, раскаленный докрасна, сжигает ее, не нарушая способности к загробной жизни. Человека таким образом обрекают на вечное мучение.

— Человек оказывается в аду?

— Хуже. Живое тело без души не примут ни в один из миров. В металле в момент убийства появляется сила самого первого, изначального небесного огня. Раньше наши предки выжигали огнем все, что им не нравилось. Их символ — разбитый перевернутый крест. Их ритуальное оружие — тупой железный кол.

— Так кто они? Язычники? Сатанисты?

— А ты видишь большую разницу? У них — одна общая семья, где предательство исключено. Ответь мне, Дмитрий, все жертвы убиты раскаленным штырем в солнечное сплетение?

— Да.

— Похоже, что они очищали мир от «знающих», посторонних, кто прикоснулся к их тайне, но не следует по их стопам.

— Но вы тоже о них знаете?

— Знаю, поскольку связан с той же самой идеей. Первым делом, когда нашел новую идею, надо стряхнуть с нее

пыль. А стряхивая пыль, невозможно избежать чиха окружающих. Чихнуло так, что мне пришлось затаиться. Поэтому я и знаю о них совсем немного. Дальше все покрыто мраком. Их цели, идеология — все это за гранью понимания.

— А что за идея?

— Одна из самых неприкосновенных тайн — Распутин. Это необыкновенный человек, народный праведник, ключевая фигура в истории. Мужик, говоривший правду царю. Скорее всего, эти люди действительно догадываются о его истинной миссии в этом мире. Он открыто противостоял таким, как они. Узнав, расшифровав его послания, люди станут другими, ими невозможно будет управлять.

— Не пойму... Какую тайну могли узнать уголовники? Или она столь проста, что ее может выкрасть простой грабитель? Вот уж воистину, вершина мудрости — быть понятным каждому дураку...

— Что, всеубитые — судимы?

— Как ни странно.

— Возможно, они украли их реликвию. Наказание за это такое же.

— Понятно, спасибо.

— Пожалуйста, но смотри, они везде имеют влияние. Наверное, уже знают, что ты ими заинтересовался. Как только что-то узнаешь или опубликуешь — все. Никто тебе не поможет: ни ФСБ, ни друзья-оперы, ни общественное мнение.

— Надо же, как все сложно. Еще вчера жил, никого не трогал, а сегодня узнаю о существовании тайной организации и уже приговорен. Может, они переворот готовят?

— Нет, ты неправильно понял. Они не стремятся к власти. Эти люди всегда были во власти, но одновременно в стороне, в тени. Влияли на всех царей, до Николая II включительно. Некоторые их влиянию противились и погибали. После появления Распутина все изменилось.

— Что изменилось?

— Распутин стал внедрять своих людей во властные структуры. Раздавал генеральские мундиры. Все над этим

смеялись, укоряли царя в податливости. Никто не знал, что они готовят свою смену и свой силовой кулак.

— Распутин назначал своих людей, и они вместе с ним противостояли этой организации на самом высоком уровне?

— Да. Кстати, после его смерти ни одного из генералов не разжаловали. Это были, как это ни удивительно, порядочные и честные люди. Но самое смешное: они соответствовали своим постам. Знали, что и как делать. После смерти Распутина продолжали делать свое дело.

— А до этого их задвигали?

— Да. Бюрократов и тогда хватало. Честному всегда труднее.

— И что, всему этому есть доказательства?

— Очень мало. Ты, Дмитрий, пей кофе, он почти остыл.

— Да, конечно. Так чего мы не начать?

— Попробуй изучить материалы Распутина, может, раскопаешь что-то новое, и эти данные подскажут тебе, где искать разгадку, выведут на убийства. Сейчас много литературы о нем: одни утверждают, что он был не совсем чистым человеком, другие, основываясь на исторических фактах, доказывают его святость. Многие Распутин предсказал: и смерть царской семьи, и революцию, но что-то он недосказал. По крайней мере, мне так кажется. На старца, сумевшего предвидеть собственную смерть, это не похоже, чтобы он ушел из жизни, не попытавшись как-то спасти царя и всю Россию. А с этими преступниками зря время не теряй. Они, скорее всего, чем-то завладели. Возможно, над чем-то надругались. Тайное общество раздавило мерзавцев.

Дмитрий сидел и слушал профессора. Он понимал, что зацепился за нечто очень серьезное, но тогда еще не догадывался о значимости начатого дела. Он вернулся домой, отвез пьяного Сагулина к жене и всю ночь просидел в интернете, собирая материалы о Распутине и тайных организациях России. Нашел много разных документов, но ничего конкретного, касающегося тех, кто делал татуировки разбитого перевернутого креста, не увидел. Он тем не ме-

нее собрал много интересных воспоминаний о Распутине, его собственные дневники, предсказания и ничего не значащие записки того времени.

Проснулся Дмитрий к обеду. Его разбудил неожиданный звонок. Профессор Кружев сообщил ему о человеке, проживающем на Дальнем Востоке недалеко от города Уссурийска. Этот гость должен был приехать к ученому и пролить свет на тайную организацию. Дмитрий быстро встал, оделся и отправился к Олегу Леонидовичу. Через час он сидел за тем же столиком на колесах и пил сваренный кофе. Профессор заметно нервничал.

— Наверное, в пробке застрял, — волнуясь, предположил он.

— Вполне возможно. Когда он обещал прийти?

— В два, а уже полтретьего.

— Ничего подождем. А как вы на него вышли?

— Он сам меня нашел. У него есть одна старинная книга. То ли старообрядцы ее писали, то ли отшельники, но в ней с подробностями рассказано о тайной темной силе людей, живущих при дворе. Эта книга начинается с царствования Петра I. Вот и думай!

— Неужели вы хотите проникнуть в тайны этих людей?

— Хочу, от тебя скрывать не стану.

— А не боитесь?

— Страшно, конечно, но по-другому не получается. Пока не выясню, кто они и что за цели и тайны они скрывают, не успокоюсь.

— Понимаю вас. А этот человек точно придет?

— Да. Ему нужны деньги, и он хочет продать мне не саму книгу, а копию, тайно переписанную одним из монахов. Не знаю, зачем им нужны деньги, но, по-видимому, и в их безупречном клане не все гладко.

— Сейчас везде проблемы. Хорошо, подождем.

Дмитрий взял сигарету и вышел на балкон. На улице уже чувствовался свежий весенний воздух. Он глубоко вздохнул, закурил и, облокотившись на раму, посмотрел вниз.

— А что у вас здесь случилось? Милиция понаехала.

— Не знаю, — ответили из комнаты профессор и тоже вышел на балкон.

— Пойдемте, посмотрим, — предложил журналист.

Подольский и профессор Кружев быстро спустились на лифте и, увидев в подъезде двух милиционеров, спросили их:

— Что здесь произошло?

— Да вот, человека на первом этаже застрелили, — ответил молодой курносый сержант. К профессору подошел второй милиционер и, внимательно посмотрев в глаза, задал вопрос:

— Вы ничего не слышали? Мы всех опрашиваем!

— Нет, — волнуясь, ответил профессор.

— А что вы так занервничали? — с ходу стал давить на него лейтенант. — Вы что-то знаете? Этот человек вам знаком? Может, вы хотите с нами проехать?

— Успокойся, лейтенант! — вступил в разговор Подольский. — Это профессор Кружев, если вы не знаете, а я, — он достал из кармана удостоверение корреспондента газеты и протянул его офицеру.

— А, известная личность! — ухмыльнувшись, ответил лейтенант. — Ну что ж, придется проехать с нами.

— С удовольствием, но все, что мы знаем, можем сказать здесь и сейчас. Потом начальство по головке не погладит, когда я напишу статью о незаконном задержании.

— Пугаете? — немного опешив, затараторил лейтенант. В подъезд вошел высокий мужчина в сером плаще. Остальные спустились вниз к трупу.

— Ну, что ты тут выяснил? — спросил он лейтенанта.

— Да вот двое: журналист и профессор.

— Вижу, что журналист. Интересно, что вы здесь делаете, господин Подольский? — посмотрев на Дмитрия, спросил оперативник.

— Собираюсь заметку написать о происшествии в центре города.

— Что-то я не видел, чтобы вы с улицы заходили.

— Я в гостях у профессора был.

— Понятно. Не знаете убитого человека?

Подольский взглянул на убитого. Увидев лежащего в неудобной позе сорокалетнего седоватого мужчину в сером костюме, отрицательно покачал головой.

— А вы, профессор, тоже не знаете?

— Нет.

— Эй, Сидоркин! Что у тебя? — обернувшись к сержанту, крикнул оперативник.

— Да ничего. Здесь он не живет. Прописан в Приморском крае. Опять гастролер какой-то.

— У вас есть ко мне вопросы? — спросил следователя Дмитрий.

— Нет.

— Тогда мы пошли. Если понадобится, мы в четырнадцатой квартире. Потом я в редакцию поеду.

— Будете писать об этом?

— А что тут писать? Этих приезжих каждый день убивают. Приехал человек заработать, попал в переплет, погиб, и все — забыли. Никто за ним не приедет: жена дома сидит без денег. Даже если ей сообщат, как она его отсюда повезет? Похоронят с бомжами, и никто из родственников не узнает, где его могила. Если бы люди могли дома зарабатывать, они бы не ехали сюда за сотнями километров...

Дмитрий посмотрел на профессора. Увидев состояние ученого, взял его за руку.

— Вы, Олег Леонидович, идите. Здесь ничего интересного нет. Я скоро подойду.

— Что это он так разволновался? — спросил оперативник.

— Творческая личность, а тут труп. Он теперь это место год обходить будет. Это для вас дело привычное — на покойников смотреть, а такие люди воспринимают подобное очень болезненно.

— Да, моя жена такая же. Даже на фотографии смотреть не может.

— Я тоже пойду. Успокою его. А то он из дома больше не выйдет.

— Да, — согласился следователь. — Идите. Жизнь пошла тяжелая. Убивают среди бедня. Вот что он мог такого совершить? Мужик вроде простой.

— Можно я его посмотрю?—спросил Дмитрий.

— Посмотри. Перчатки дать?

— Нет, не надо.—Подольский подошел к убитому, расстегнул на рукавах пуговицы и, закатав их, посмотрел на внутреннюю сторону каждой руки. На левой, как и ожидал, увидел татуировку разбитого на шесть частей перевернутого креста.

— Уголовник, похоже, — произнес из-за плеча следователь.

— Да, похоже. У арматурщиков вроде такие татуировки?—решив проверить оперативника, произнес Дмитрий

— Нет, ты что!—возмутился тот.—У группировки Арматурова что-то с паутиной. Надпись какая-то, череп, а это другая, непонятная. Да что гадать? Приехал с Приморского края. У них там свои дела. Личность устанавливать не надо, паспорт есть. Кому нужна его татуировка?

— А ты можешь мне его данные дать?

— Перепиши паспорт. Только быстро.

Дмитрий открыл страницу регистрации жительства и постарался запомнить данные. Затем открыл первую страницу, прочитал имя и год рождения убитого.

— Он вообще из села, — недовольно произнес он и отдал паспорт следователю.

— Во-во, а мне с ним возись, — так же недовольно ответил сыщик.

— Я пошел к профессору, если что, еще, наверно, час там просижу.

— Успокаивать будешь?

— Попробую.

Профессор оставил дверь открытой. Подольский зашел в квартиру и, увидев испуганные глаза Кружева, спросил:

— Что, еще не передумали заниматься этим?

— Да уж! Может, совпадение, и это не он?

— Он. Я на руке татуировку увидел. Да и костюмчик тот же — серенький.

— Разбитый крест?

— Да.

— Я так и знал. Что делать будем?

— Ничего. Своими делами заниматься. Если бы вы что-то знали, вас давно бы достали. Вы же не получили книгу. А то, что хотели узнать тайну, — это ерунда. Я может, тоже хочу узнать, кто на самом деле Кеннеди убил.

— А разве об этом не написал со всей достоверностью Игорь Ефимов? Вы все шутите. А я понимаю, что игры кончились. Они все знают.

— Это пугает, но нужно быть сильнее страха. Если хотите что-то узнать, забудьте об этом.

— Давайте коньяка выпьем? Успокоимся.

— Нет, пить сейчас я не стану. У меня машина внизу стоит, и вам не советую. Олег Леонидович, вы можете дать мне все документы по этому делу? Все, что вам удалось собрать.

— Пожалуйста. Советую прочесть несколько книг о Распутине. Вот диск, там электронные книги, файлы с моими заметками по этой личности, и вот еще.

Старик достал из стола толстую перевязанную тесьмой папку.

— Это все тайные организации, о которых я смог что-то найти.

Профессор отдал собранные документы и диск Дмитрию и с грустью добавил:

— Пусть все это будет у вас. Здесь много интересного, то, о чем еще никто не писал и не говорил.

— А вы что, умирать собираетесь?

— Скорее всего, меня тоже убьют.

— Да что вы, успокойтесь. Может, вы что-то знаете такое, о чем даже думать нельзя?

— Да, знаю.

— Расскажите мне, — взволнованно попросил Дмитрий.

— Расскажу, только дай я выпью коньяка. Пусть сосуды расширятся.

Профессор достал из бара бутылку, налил коньяка в рюмку и разом выпил. Взял шоколадную конфету, развернул ее и в этот момент обернулся к гостю. Его глаза увеличились, зрачки расширились. Старик схватил себя за

горло, покраснел и, пытаясь что-то сказать, с пеной у рта упал на ковер.

Жертва

Незнакомец посмотрел на помощника, и тот убрал пистолет.

— Завтра к семи вечера подъедем, — сухо произнес он.

— Хорошо, — ответил Вадим. Игорь и Олег продолжали, не двигаясь, стоять у стены. Они взглядом проводили людей в костюмах. Те сели в машину и сразу уехали. Вадим сунул деньги в карман и зашел в кабинет к директору.

— Ты видел? — спросил он.

— Да, — дрожащим голосом ответил Армен.

— Тогда получай!

Вадим хлестко ударил его в челюсть. Директор упал со стула. Встал. Вадим взял его за воротник и с размаху ударил головой об стол.

— Это что за подстава? Меня сейчас подстволставили! А если бы он шмальнул? Ты попал! — прорычал Вадим и со всей силы ударил директора в ухо. Тот отлетел в сторону и сильно ударился головой об стену.

— Подожди! Стой! — закричал Армен. — Я сам не знал!

— Чего ты не знал?

— Кто они такие!

— Такие? Сколько ты с них поимел?

— Нормально!

— Ах, нормально? — Вадим еще раз ударил директора. Тот отлетел, упал в угол и больше подниматься не стал. Вытирая кровь, попытался возразить:

— Я что, должен, как экстрасенс, каждого видеть? Откуда мне знать, что они со стволом гуляют? Приехали, сделали заказ — я нашел людей — все! Если будешь бить — отведишь!

— Отвечу. И перед крышей твоей, и перед ними! Ты подставил меня под ствол! Ты попал! Любой, кто за тебя встанет, поймет, что я прав!

— Ладно, что ты хочешь?—сжимаясь в углу, спросил Армен.

— Твоя, что ли, машина во дворе?

— Вадь, даты че? Тачку забрать хочешь?

— А ты что думал? В рабы меня загнал? Эти отморозки сказали, если откажусь, пристрелят! Мне теперь что, всю жизнь на них пахать?

— Нет, ты что!

Вадим не выдержал и с размаху ударил директора ногой в живот. При этом он немного зацепился за стол. Ему стало больно. Он разозлился и добавил Армену еще пару раз. Тот, корчась, достал из кармана ключи и бросил их на стол.

— Сейчас к нотариусу поедем! Генералку напишешь!

— Ладно. Только успокойся.

Вадим отвернулся и, прихрамывая, пошел в цех.

— Игорек, ты не помнишь, где мои права?

— В тумбочке.

— Ну так слетай за ними по-быстрому!

— А ты это не наезжай! Мы сами на взводе, — смело ответил Игорь, косо посмотрев на Олега. Тот кивнул головой в знак согласия. Вадим, увидев их лица, не выдержал и улыбнулся.

— Тут Армен мне машину подарить хочет. Без прав тачку менты отберут, — усмехаясь, ответил он.

— Так бы и сказал. А то беги! Быстрой! Правда, Олег?

Юноша вновь молча качнул головой.

— Пошли! Ты смотри тут его не убей! — усмехнувшись, попросил Игорь, увидев, как возле умывальника смывает кровь директор.

— Все нормально будет. Не задерживайся.

— Пузырь взять?

— Ты что? Я же теперь за рулем!

— Не помню что-то я, когда ты трезвым ездил. Денег навалом, откупимся, если что.

— Ладно, возьми.

Игорь вышел из цеха и быстро пошел в общежитие. Олег трусцой побежал за ним. Чтобы не скучать, Вадим взял старый плоский напильник и стал делать из него нож.

Яркие искры посыпались на пол. Армен из-за спины посмотрел на орудие труда и, ни о чем не спрашивая, ушел в кабинет.

Через час Вадим и Армен вышли из кабинета нотариуса. Остальные ждали на улице.

— Ты только меня теперь не подставь, — попросил директор. — Никому не говори, что машину забрал. Вы тоже молчите, — обратился он к его друзьям.

— Хорошо, не волнуйся. Это задаток за будущую работу, — успокоил его Вадим.

— Ну, давай пока. Завтра во сколько придете? — спросил директор.

— Часов в двенадцать. Раньше не проснемся, — ответил Вадим.

— Буду ждать.

— Садитесь, поехали! — крикнул Вадим. Олег и Игорь запрыгнули в новенькую «тойоту».

— Вот ты дал! — восхищенно произнес Игорь.

— Молчи! Сам знаю!

Игорь сел впереди и начал разбираться с магнитофоном. Олег спрятался на заднем сидении и замолчал.

— Что утих? — спросил его Вадим.

— Машину отобрали. Авдруг он заявит?

— Не боись! Все нормально! Он не дурак! — ответил Вадим и, нажав на газ, резко сорвался с места и помчался в центр города к пивбару. Именно там друзья решили обмыть приобретение и обсудить предстоящую работу.

Подъехав к питейному заведению, Вадим остановил машину, посмотрел на Игоря и Олега и предложил:

— Бухать позже будем. Пошли в магазин!

— Зачем? Водка в баре есть.

— Какая водка? Давай прикинемся. Шмоток приличных купим.

— А давай! — радостно согласился Игорь.

Друзья зашли в недавно построенный бутик. Увидев ярко одетых молоденьких продавщиц, немного засмутились. Из-за прилавка вышла женщина лет сорока.

— Ребята, вы не ошиблись? — спросила она.

— В смысле? — переспросил Вадим.
— Мы уже платим, — ответила женщина
— Не понял, — удивился Игорь.
— Да нет, мадам, мы не наезжать, мы приодеться хотели.
— А, понятно. Извините! Но у нас цены — сами понимаете. Может, лучше на рынок?

— А сами-то где одеваетесь?

— На рынке. Нам все это не по карману, — ответила женщина. Она работала заведующей отделом. Звали ее Раиса.

— «Стукнул по карману — не звенит, стукнул по другому — не слышать», — процитировал Вадим и показал продавщицам бумажные купюры.

— Хорошо. Девчонки, помогите этим господам! — хлопнув в ладоши, крикнула заведующая.

— Ну только не хамите, тетя! — возразил Игорь. — Мы не господа.

— А кто же вы?

— Люди!

— Девочки, помогите людям! — поправилась Раиса.

Одна из девушек подошла к стеллажам, немного подвигала вешалки. Сняла рваные джинсы с разноцветными латками. Протянула их Вадиму и попросила примерить. Игорь и Олег, улыбаясь, отвернулись.

— Нет, подруга. Ты над нами не издевайся. А то люди неправильно поймут. Что-нибудь посолидней! — кусая губу, спокойно попросил Вадим.

— Ну, не знаю, — засмущалась девушка.

— Так, давайте я сама, — вмешалась Раиса. Она принесла три серых костюма. Увидев их, Вадим вспомнил о заказе и чуть было не сорвался. Положение спас Игорь.

— Другого цвета есть? — спросил он.

— Да, — ответила женщина и принесла модные черные костюмы с полоской.

— Теперь полосатики, как в зоне, — особый режим, — прошептал Игорь. Вадим сжал кулак. Еле сдерживая себя, спросил:

— Можно мы сами посмотрим?

— Конечно, пожалуйста.

Через полчаса друзья выбрали приличные джинсы, футболки и куртки. Купили кроссовки. Вадим купил себе льняные брюки, белую шелковую рубашу и рыжие мокасины. Рассчитался за все вещи и спросил, не желает ли Раиса выпить по этому поводу шампанского. Женщина оглянулась и одобрительно качнула головой.

Через десять минут в подсобке был накрыт стол. К компании присоединились продавщицы Юля и Катя. В зале осталась уборщица Семеновна приглядывать за товаром.

Кроме шампанского на столе появились виски, коньяк, водка, конфеты и пряники, которые никто не ел. Через два часа, изрядно выпив, Вадим подобрел и подарил Раисе платье, которое она давно облюбовала. Женщина тут же превратилась в девушку и очень понравилась всем. Стала шутить и рассказывать анекдоты.

Закончился день в общепитии. Как всегда, пришли старые знакомые и все вместе устроили на площадке танцы. Игорь, чтобы не бегать, купил ящик водки и столько же вина. Раиса ходила в магазин. Набрала продуктов и устроила много закуски. Вечер затянулся, танцы и пьянка тоже.

Утром Вадим высунулся из-под одеяла. За столом сидели Игорь и Олег и, похмеляясь пивом, изучали чертеж.

— Что вчера было? — прохрипел Вадим.

— Ты же достал с этим утренним вопросом! — взорвался Игорь. Он знал, что Вадим с утра безобидный, и мог позволить себе грубость.

— Не рычи! — отбиваясь, ответил Вадим.

— Тетку забодал. Нас в комнату не пускал! Пришлось у тренера отрываться, — объяснил Игорь.

— А где все?

— Работают. Вставай! Нам тоже на работу пора.

Вадим встал, оделся.

— Ну ты ответь, в общем, все нормально?

— Нормально, вот только американцы в Ирак вторглись.

— Ну и что?

— Как что? Ты же сам просил рассказывать тебе о положении дел в мире!

— Хорошо. А с чертежом разобрались?
— Да, — прошептал хмельной Олег. — Болванка какая-то. Штырь, тупой и круглый!
— Ну и что?
— А как им убивать будут?
— В одно место вставят тем, кто много знать хочет!
— Для этого сойдет, — прорезанным голосом просвистел Олег.

Увидев вмятины на крыле грязной машины, Вадим понял, что кто-то всю ночь катался на ней. Не стал спрашивать, молча сел, завел, и друзья поехали в цех.

Увидев побитую машину, Армен тяжело вздохнул, но ничего не сказал. Выпив по три бутылки пива, мастера сумели понять, что им нужно сделать.

Взяв болванку, Вадим долго мерил ее штангенциркулем, затем бросил в печь, разогрел и стал вытягивать металл молотком. Олег включил токарный станок и выточил деталь точно по размерам. Игорь сходил в магазин.

На заказе было обозначено три основных размера: длина и ширина в конце и в начале. Вадим отковал молотком, как умел. Отрезал ножовкой лишнее, проверил размер — совпадало. Олег за это время выточил еще три штыря.

Нарезав колбасы и хлеба, друзья пообедали. Слегка запили все это водкой. После обеда Вадим сделал еще один штырь. Этот он обточил на станке и даже шлифанул. Немного ошибся в длине, но потом поправил, сточив лишнее.

— Все! Рабочий день закончился. Пять штук! Хватит! — выдохнув, произнес он.

— Да хорош! — согласился Игорь. Он сидел на стуле в стороне, стараясь не испачкать новую одежду. Все зашли в кабинет к Армену и положили на стол свои произведения.

— Ну, вот эта слишком битая, страшная. Остальные ничего, — обрадовался директор.

Вадим и Олег переделались и решили подождать заказчика в машине. Игорь ушел в бутик к новым знакомым с предложением продолжить вчерашнее.

Через час подъехала все та же «волга». За ней джип. Из машины вышли люди и вывели за руки худого высокого парня. Вадим почувствовал опасность. Он вошел в кабинет директора и увидел, как вчерашний незнакомец рассматривает их работу. В одной руке он держал штангенциркуль, в другой деталь. Косо посмотрел на Вадима и сухо спросил:

— Это все?

— Нет. Есть еще одна, но она не получилась.

— Неси!

Вадим принес кованый образец и показал его заказчику.

— Да, вмятины серьезные. Старался! — произнес тот. — А как размеры? — Он внимательно промерил деталь, странно улыбнулся и добавил: — Совпадают! Вот! Это то, что надо! Так, директор, уезжай. Оставь ключи от цеха ребятам.

Армен кивнул и, отстегнув от связки ключ, отдал его Вадиму и сразу ушел.

— Ну что? Где остальные мастера? — спросил незнакомец.

— Олег в машине, Игорь ушел.

— Ну, Игорь нам и не нужен. Да и Олег, в принципе, тоже. Пошли в цех.

Вадим подошел к печи.

— Давайте этого сюда! — крикнул заказчик трем амбалам, что приехали на джипе.

Они затащили в цех худого. Незнакомец взял молоток, достал из кармана что-то похожее на гвоздь и, прислонив к детали, ударил по гвоздю. Вадим увидел поставленное клеймо.

— Сейчас проверим, — ухмыляясь, приговаривал незнакомец. — Разогрей свою работу докрасна.

Вадим включил печь и через десять минут положил щипцами на стол раскаленную деталь. Заказчик взял ее голый левой рукой, а правой — поднял с пола молот и подошел к худому. Парни продолжали держать его, расстегнув ему рубашку, и положили жертву на пол. Незнакомец поднес штырь к животу худого и одним ударом вогнал его

в солнечное сплетение. Один из качков проверил пульс жертвы и тихо прошептал:

— Сразу!

— Отлично! — обрадовался заказчик. — Уберите его. Работа принята. Такие и делай! Завтра сделаешь? Хотя нет, к понедельнику три штуки. Хорошо?

Вадим покачал головой. Он смотрел на руку незнакомца и не понимал, почему она не сгорела. Вглядывался в смертельную рану худого, рассматривая следы ожога. Все это шокировало даже его, человека, не раз видевшего смерть.

Незнакомец достал из кармана пачку долларов. Положил ее на стол. Похлопал той рукой, что должна была быть прожженной, но не прожжена, Вадима по плечу. Сухмылкой посмотрел в глаза и пошел к выходу. Качки одернули рубашку убитого и утащили его в джип. Незнакомец в дверях обернулся. Вадима поразил его дьявольский взгляд. Минуту тот смотрел молча, затем отвернулся и вышел из цеха. «Волга» и джип уехали. Олег вбежал в мастерскую. Резкий запах сгоревшей кожи остановил его, и он, зажав пальцами нос, спросил:

— Что здесь было?

— В каком смысле?

— Человека прожгли?

— В общем, нет...

Страницы

Дмитрий приподнял голову профессора, проверил пульс. Кружев был мертв! Нужно вызывать милицию! Он выскочил на балкон и крикнул стоящему у машины оперативнику:

— Еще один труп!

Сыщик недовольно хлопнул дверью автомобиля и зашел в подъезд.

Пока милиционеры поднимались, Дмитрий нашел на кухне пакет. Сложил в него диск, папку с документами.

Чтобы не привлекать внимание, положил пакет в коридоре около обуви.

В дверь позвонили, Подольский открыл.

— Ну, что у тебя? — буркнул оперативник.

— Профессор.

— Что с ним?

— Похоже, отравлен. Выпил рюмку коньяка и упал на пол.

— Иди на кухню. С тобой позже разберемся, — приказал следователь. Он пригласил в квартиру остальных сотрудников милиции и понятых. Через десять минут пришел на кухню, закурил. Сурово посмотрел на Дмитрия и спросил:

— Когда ты пришел что здесь делал?

— Да ничего особенного. Разговаривали.

— Да уж, это точно.

— Я вчера приезжал. Хотел узнать историю одного символа.

— Ну и что, узнал?

— Да так, вскользь.

— А сегодня что?

— Он нашел более точные данные и сам пригласил. Мы мирно беседовали. Я вышел на балкон покурить. Увидел милицию, и мы решили узнать, в чем дело. Дальше вы все знаете. Мы спустились вниз. Когда я вернулся, он сильно нервничал. Решил выпить.

Следователь вошел в зал и оттуда крикнул:

— Дмитрий! Иди сюда!

Подольский вошел в комнату и замер на месте. Профессору расстегнули рубашу и закатали рукава. На левой руке Дмитрий увидел татуировку разбитого креста.

— Что это тебя переклинило? — увидев глаза журналиста, ехидно прошептал следователь. — Пошли на кухню! — злобно добавил он. — Давай колись, что это за знак такой особенный.

— Символ тайного общества. Но я не ожидал, что он один из них.

— То есть связь застреленного в подъезде и профессора очевидна. Давай рассказывай, что это за общество и как эти убийства связаны.

— Да не знаю я. Это преступление не первое. Позавчера на Гороховом двоих с такими же татуировками нашли.

— Вон оно что...

— Да. На то преступление генерал ФСБ приезжал. Дело под грифом секретности. Меня друзья уговорили, чтобы я ничего не писал. Всех переписали, вызывали и предупредили: пикнете—порвем. Но я сфотографировал трупы и приехал к профессору узнать, что это за татуировка. Мало того, такой же знак был на металлическом штыре. Там же в квартире нашли еще двух из группировки Арматурова. Им этот штырь, видимо, раскаленный докрасна, в сплетение вставили.

— Что, правда, что ли?

— А вы что думали?

Василий Иванович вернулся в зал и прошептал лейтенанту:

— Оформляй, но не пиши в рапорте о татуировке. Твое дело—труп.

— Криминалисты приехали. Они все равно укажут, — возразил лейтенант.

— Ладно, пиши общий осмотр и как-нибудь вскользь об этой татуировке. Никаких там сравнений, что в подъезде второй труп такой же. Пусть другие разбираются. Дело непростое. Можно влипнуть.

— Да протого, в подъезде, уже отписали.

— Вот хорошо. Будь умнее—коси под дурака. В таких делах умников не любят. Вот если на нас повесят это дело, тогда мы все вспомним и доложим.

Следователь вернулся на кухню.

— Слушаю дальше, — всматриваясь в Дмитрия колючим взглядом, прошептал он.

— У меня просьба.

— Что еще?

— Покажите левую руку.

— Ты, я смотрю, совсем с катушек съехал, — обидевшись, ответил Василий Иванович. Он расстегнул рукав. Закатал его и, сунув под нос корреспондента руку, со злостью ответил:

— На, смотри!

— Вы извините, но верить в такой ситуации никому нельзя. Я считал, что профессор пытается раскрыть эту организацию, а он, оказывается, один из них. Ничего не понимаю! Зачем же он мне все это рассказывал?

— Подстраховаться хотел. Сейчас в газету все сливают. На депутатов и руководство страны жалуются. Может, думал, что ты его прикроешь. У тебя ж в нашем ведомстве много своих людей. И не отрицай, я это точно знаю.

— Хотел мне что-то рассказать, но не успел. Странно все это. Словно кто-то его остановил специально.

— Да уж, судя по отравлению, коньячок зарядили. Экспертиза все покажет. Может, ты ему только что в рюмку сыпанул?

— Да вы что!

— А что? Сам отравил! Сам вызвал! Очень похоже.

— Когда смогут определить, в какое время яд в коньяк добавили? В долгу не останусь, — умоляя, проскулил Дмитрий.

Следователь вернулся в комнату и попросил эксперта срочно провести экспертизу коньяка. Он вернулся на кухню и сказал Дмитрию:

— Завтра жду вас в 83-м отделении. Я все запишу, а пока свободен. Никому ничего — молчок. Понял?

— Да.

— Я прощупаю все сам. Возможно, мы резко обо всем забудем. Если нет, подумай, что в протокол писать. А сейчас иди, дай показания, что был в гостях и видел, как профессор выпил и упал. Все. Может, у него сердце откажало?

Дмитрий продиктовал лейтенанту показания, распечатался и направился к выходу. В коридоре взял пакет и уже почти вышел, но Василий Иванович остановил его.

— Что это у тебя? — спросил он.

— Материалы по земельной статье. О том, какая коррупция процветает в этом департаменте. Нужны? Хочешь посмотреть? Это тоже дело опасное. Сейчас все любят незаконно дачи строить и землю захватывать.

— Да зачем мне это. Ладно, иди. Завтра жду.

Дмитрий вышел из дома, сел в машину и поехал в редакцию газеты. Руки его тряслись. Он задыхался: казалось, что он и сам отравился. За рабочим столом редакции развязал папку и увидел титульный лист с названием материала: «В.М. Руднев. Правда о царской семье, Г.Е. Распутине и темных силах». Вставил диск в ноутбук, стал просматривать файлы. Но мысли в голове путались. Дмитрий не переставая думал о профессоре. О его татуировке и о тайном обществе, в котором, судя по татуировке, он состоял.

Время пролетело быстро. Дмитрий вышел из здания и подошел к своей машине. Открыл дверь, сел за руль и хотел поехать домой, но неожиданная мысль остановила его. Весь день он читал различные исторические документы. За ними он видел людей: одни противостояли Распутину, другие, наоборот, выступали на его стороне.

«Профессор явно симпатизировал Распутину, — подумал Дмитрий. — Видел в каждом поступке и сказанном слове особую доброту и святость. Но профессор Кружев не просто видел в Распутине хорошего и доброго старца, он во всех своих записках и пояснениях показывал, что тот как минимум великий святой старец, явившийся на землю ради спасения царя и отечества. А ведь на сумасшедшего Кружев похож не был. Значит, все, что он мне говорил, в какой-то мере правда?»

— Ну что ты сидишь? Ждешь? Езжай и не оборачивайся! — неожиданно услышал Дмитрий с заднего сиденья женский нервный голос. — Не оборачивайся! — грубо повторила девушка.

Подольский завел машину и медленно поехал по улице. Он не сразу понял, что происходит, и даже не успел испугаться. Неожиданная встреча отвлекла его от мыслей, и он, очнувшись, вернулся на грешную землю и с улыбкой посмотрел в зеркало заднего вида. Увидев симпатичную блондинку, спросил:

- Вы, девушка, террористка?
- Молчи! Скорее узнаешь!
- У вас пистолет есть?

— А это что?— перезарядив затвор, отреагировала блондинка.

— Ух ты! Страшно! С самим Хаттабом лично знакомы? А его телефончик не дадите? Я тоже хотел бы познакомиться.

— Послушай, Подольский, я не собираюсь тебя убивать. Мне помощь твоя нужна. Но учти, я выросла среди серьезных людей, и воспитывал меня отец. Мама умерла, когда мне был год. Ее убили из-за него. Он известная личность, может, слышал об Арматурове?

— Слышал. Вы его дочь?

— Да. Зовут меня Юля.

— Ну и денек сегодня!— возмутился Дмитрий. — Что ж ты сразу не призналась?

— А ты б меня стал слушать?

— Конечно! Я за сегодняшней, вчерашней и даже позавчерашней день имя твоего папочки каждый час слышу! Что делать дальше? Ты же меня похитила? Командуй!

— А ты что можешь предложить? Я не хочу, чтобы нас видели.

— Поехали ко мне на дачу. Я понял, ты что-то очень важное хочешь рассказать.

— Да, хочу. Я тебе отдам одну вещь, из-за нее уже погибло много ребят.

— Из группировки твоего отца?

— Да. Ты должен забрать то, что я отдам. Распорядись этим правильно.

— Хорошо. Давай доедем до дачи, и ты по порядку мне обо всем расскажешь.

— Договорились. Я пригнусь здесь, чтобы меня не видели, — прошептала Юля и спряталась на заднем сидении.

— Эй, Никита! А вы их тоже мочите.

— А то! Ждать, что ли? Пока они всех нас!

— Позавчера в подъезде на Гороховом— двое. Сегодня в доме профессора.

— В доме профессора не наши. А тех— да. У нас парни дежурят. На Гороховом не успели пацанов спасти— опоз-

дали! Но с убийцами разобрались. Хотели своих забрать, но соседи уже ментов вызвали.

— Понятно. А дальше что?

— Вот ты мне и поможешь все это остановить! — немного успокоившись, ответила Юля.

Дмитрий подъехал к дачному домику. Вышел из машины, открыл дверь и позвал девушку. Юля, прижимая дипломат, быстро забежала в дом и, не включая свет, встала у стены. Подольский вошел за ней, включил свет, посмотрев на испуганную девушку, съязвил:

— Ты с пистолетом аккуратней. А то еще, не дай Бог, выстрелит.

— Не волнуйся, — через силу изображая злость, ответила Юля и засунула оружие за пояс джинсов.

— Пупочек не поцарапай!

— Прекрати издеваться! Я к тебе с очень серьезным делом!

— Хорошо, извини. Проходив комнату, я сейчас чаю заварю.

— Какой чай? Пошли! Свет не включай.

— Так машина у дома стоит. Значит, чего прятаться? Я дома — любой поймет.

— Прячусь я, а не ты!

— Хорошо. Будь по-твоему. Вот, здесь кресло есть, присаживайся. Я пепельницу принесу. Курить-то можно?

— Можно. Ты же дома. Давай только быстрее, а то я или сума сойду, или передумаю говорить.

Дмитрий поставил чайник и сразу вернулся в комнату.

— Пожалуйста, сядь и послушай. Все это, может, покажется бредом или нереальной мистикой, но это действительно правда. Внее должны поверить все. Только ты сможешь правдиво рассказать об этом.

— Говори, я настроен очень серьезно. Тем более мне известно, что некие сектанты убивают людей твоего отца. У них есть отличительный знак — татуировка на внутренней стороне левой руки.

— Да. Ты должен всех спасти, потому что ты журналист и занимаешься Распутиным и сектами.

— Что ж, нет сил больше скрывать это. Да, это так. Я слушаю.

— Я начну с самого начала. Мне известно, что Распутин предсказал свою смерть и убийство царской семьи, а также то, что будет с Россией.

— Это факт довольно известный.

— Да, но ты не знаешь истинного предназначения Распутина. Он был не просто спасителем, он остается им и сегодня. Этот человек восстал против людей темной силы. Они его убили, а те английские разведчики, Юсупов, князь Дмитрий и многие другие были лишь пешками в их руках. Он хотел очистить страну от зла.

— Почему ты так думаешь? Я считал до сих пор, что темной силой и нечистым называли его. За тайное влияние на царскую семью.

— Нет! Это не так! Распутин был другим—его умышленно оклеветали. Столыпин специально собирал сплетни. Как он совратил девицу, которая пришла изгнать бесов и уснула рядом с ним.

— Буду рад совратить рассказывающую мне все это прелестную девушку и изгнать заодно из нее массу бесов...

— Я серьезно. Но ничего не могли найти предсудительного на него. Все грязь, грязь.

— Я вспоминаю слова убитого профессора. Он тоже подобное писал.

— Кружев?

— Да.

— Он был один из них. Этот сумасшедший пытался найти книгу тайного общества и использовать ее. Этот старик мечтал управлять миром. Нашел помощников в своем обществе и решил с помощью этих людей добраться до тайны.

— Но что нужно от меня?

— Сейчас попробую объяснить. Ты человек, чье слово может прозвучать очень громко. Журналистов сейчас не трогают.

— Да уж, не трогают, — возмутился Дмитрий, — а как же Листьев, Политковская?..

— Подожди! Послушай. Об этом потом. Знаешь, моему отцу часто приносят дорогие старинные вещи.

— Краденые?

— Какая разница. Приехал однажды человек из-за границы и предложил отцу достать книгу. Пообещал за нее миллион долларов. Догадываешься, что за книга?

— Страшно даже подумать.

— Книга этой секты. Все, кто по наводке иностранца искал ее, погибли от рук сектантов. Когда книга оказалась у отца, я увидела ее и поняла, что это такое. Объяснила ему, и он передумал ее продавать. Этот факт стал известен многим. Отца стали преследовать и спецслужбы, и друзья-бандиты, и, конечно, сектанты. Вчера отец отдал книгу мне и попросил избавиться от нее. Я вспомнила о тебе, и он почему-то сказал, что ты в курсе. Вот поэтому я здесь, а в дипломате та самая книга.

Девушка открыла дипломат и достала потрепанную старую книгу. Открыла ее на середине и показала написанные каракули на пожелтевшем листе. Дмитрий взял книгу в руки и стал внимательно рассматривать ее. Прочитал все, что было написано на обложке и первых страницах. Посмотрел на вклеенную вставку из пожелтевших страниц, исписанных корявым почерком. Взглянул на Юлю и с удивлением произнес:

— Это же книга монаха Илиодора «Святой черт»! Это не то, о чем ты говорила. Какая же это история «Темного общества»? Эту книгу написал монах, ставший потом чекистом. Он секту создал, лично Дзержинскому подчинялся. Руководил отрядом карателей. А когда ее писал, просто хотел отомстить Распутину и вспомнил сплетни да собственных вымыслов добавил — сплошной бред. Но, похоже, потом он и его рукопись кому-то понадобились. Ложь Илиодора явно кто-то подхватил и обработал. В Америке все это издавали, а большевики поддерживали. Я как раз сегодня читал об этом в материалах Кружева. Много сомнительного, но профессор смело ссылается на некоторых

знаковых людей нашей истории. Якобы они имели отношение к этому изданию.

— Нет. Эту книгу вообще переделали. Вставили рукописные страницы Распутина. Это какая-то молитва. Так мне объяснили. Я отдавала копии на расшифровку.

— Неужели? А зачем их сюда вставили?

— Чтобы эта грязная книга прятала ее и сдерживала!

— Значит, все это тайной силой обладает?

— Конечно. Здесь сплошная мистика, замешанная на крови. Мы с тобой знаем лишь несколько последних жертв, а сколько их было: и революционеров, и ученых. Один Николай Ключев чего стоит. Тоже грязи на эту персону было повешено, а все потому же: Распутин и распутинцы... Многие хотели прикоснуться к этой страшной тайне — спасти от беды, да сами в беду попали.

— От какой беды? От большевиков и революции?

— Не знаю.

— Да. Почерк у этого старца — сама видишь какой. Получилось что-нибудь расшифровать? — рассматривая каракули Распутина, поинтересовался Дмитрий.

— Только несколько предложений, — Юля протянула распечатанную на принтере страницу. — Перед молитвой несколько листов о недостатках веры в Бога, а за ними вообще порочащие церковь факты. Но к этому всему есть еще одно дополнение. Сама история их «Темного общества». Об этом на первом листке кто-то отдельно написал. А эти страницы, на которых Распутин обратился к потомкам, обладают особой силой. Именно там объясняется, как это все правильно читать и что с этим делать. А сама молитва, я так поняла, разбросана по воспоминаниям и записям. Это определенный **Код**, который нужно суммировать. Вот, например, что мне удалось понять, самое простое. Читай его воспоминания о благодати великой субботы...

Дальше Юля назвала номера строк и процитировала: *«Правда, как былинка в осеннюю ночь, ожидает восхода солнца, как правду найдут, так солнце взойдет».*

— Да. Интересно. И не жалко расставаться с такой книгой?

— Нет,—ответила Юля.—Ты освободишь меня и мою семью от того, что нам не по силам. Отец просил сказать: если понадобится—он поможет. Вот мобильник передал на всякий случай. Он свяжется с тобой.

Дмитрий взял мобильник, отложил его в сторону и загадочно посмотрел на девушку.

— Что дальше?

— Ничего!—Юля позвонила и через полчаса уехала на джипе с людьми отца.

Дмитрий долго рассматривал книгу, затем завернул ее в бумагу и положил в один пакет с документами профессора Кружева. Спрятал в шкаф и лег спать. Долго думал, вспоминая услышанное и увиденное. Разбудил его стук в дверь. На пороге стояли двое в костюмах и протягивали ему в сонное лицо удостоверение сотрудников ФСБ.

Трифон

Вадим два часа никого не пускал в цех. Олег, услышав об убийстве, сразу убежал за водкой. Вскоре подошел Игорь с девушками из бутика. Они так и стояли у входа и ждали. Пили, закусывали на капоте машины. Девчонки предложили разобраться без них. Решили подождать ребят в ресторане. Раиса было возразила, но, быстро сообразив, не подала виду, что очень хочет увидеть Вадима. Где-то в ста метрах от цеха за пьянкой на капоте наблюдал ее отвергнутый муж-алкаш. Он бы подошел, но их было больше.

Дверь в мастерской открылась. Игорь перенес с капота на верстак водку и закуску.

— Ну, что тут произошло? Кого-то слили?

— Ну,—промычал Вадим.

— Пошли домой. Там разберемся.

— А эти?

— Недоних сейчас. Поймут, когда мы в следующий раз бабла выкатим.

— Ну хорошо. Я переодеваться не буду. Закрой тут все и этого найди.

— Олега? Да что его искать! Вон он во дворе.

Заехав в гастроном, друзья купили всего необходимого. Наварили большую кастрюлю пельменей. Приготовили сок, пиво и налили по сто граммов. Вадим взял в руку сырое яйцо и слегка сбил верхушку. На мгновение замялся оттого, что взял стакан в левую руку.

— Ну и что там было?— смело спросил Игорь, настраиваясь на дозу.

— Этот чел в пиджаке моим штырем хлопца прожег,— забыв о водке, заикаясь, выдавил из себя Вадим.

— Ну и что! Да мало ли маньяков! Не бери в голову! Забудь!— дерзко ответил Игорь, поднимая стакан.

— Как? Ты не понял! Моим штырем!

— Ну и что?

Раздался хруст. Вадим вбил ему в лоб сырое яйцо. Оно разлетелось, оставив на лбу пару мелких скорлупок. Возникла пауза. У первого глаза стали наливаться кровью, у второго— стекленеть.

— Ты че творишь?— прорычал Игорь.

— А ты че тупишь! Не въезжаешь, какое попадалово?

— Не въезжаю! За что меня яйцом приземляешь?— прошипел, потеряв голос, пострадавший.

— Стволынадобрать! Стволы!— заорал Олег. Этот крик разрядил напряжение. Вадим махом вплеснул стакан и опухающим взглядом посмотрел на Игоря. Тот не заставил себя ждать. Выпив, выдохнул и просвистел сорванным голосом:

— Я не пойду!

— Я тоже!— справляясь с немеряной дозой, ответил Вадим. Они посмотрели на Олега.

— Че, я?— немного замялся юноша. Но тут он увидел их бешеные глаза, сразу все понял, кивнул головой и громко гаркнул:

— Говно вопрос! Хоть завтра!

Вадим протянул ему стакан. Игорь стал «насыпать дозу».

— Скоко?— спросил он.

— Че, краев не видишь?— пытаюсь соответствовать, кисло буркнул юноша и грубо добавил:— Полный!

Сжал в кулаке «губастый», покрутил носом, стараясь не сбить шапку, и приступил к действию.

Минуту сидели молча. Затем резко накиннулись на кастрюлю с пельменями. Вадим вытер Игорю лоб, протер шишку водкой и похлопал друга по плечу. Друг, покачав головой, пересел на диван и вспомнил песню о пересылке.

Через десять минут добавили еще. Потом к ним пришли девушки из бутика. Они, даже не возмущаясь, сходили в магазин и взяли еще.

Утром никто не мог решиться что-либо сказать. Вадим, вспомнив вчерашнее обещание, вручил Олегу три штуки баксов. Тот перепуганно забегал по комнате. Наступил на солдата, пытаясь найти хоть пятьдесят граммов спасительной отравы.

— Ладно, не трепыхайся! Вместе ходим! — успокоил его Вадим.

Народ вернулся из магазина. Похмелились, но чего-то веселого не хватало: гитара не звучала, не было радости, которая могла стереть вчерашнюю жуть. И она постучалась в дверь.

— Кто там? — прорычал Вадим.

— Травим крыс, мышей, тараканов! — писклявым голоском за дверью крикнула женщина.

— Нашего травить бесполезно, — открыв дверь, улыбаясь, ответил Игорь. — Он проспиритован наглухо.

Женщина пожала плечами и ушла. Истеричный смех народа сорвал пелену страха. Теперь можно было говорить обо всем спокойно. Вадим, как всегда, нашел единственно правильный выход, с которым согласились все. Девушек отвезли в магазин и пообещали, что к концу рабочего дня заедут за ними.

Игорь включил магнитофон, но, посмотрев на Вадима, сразу выключил. Друзья ехали молча. Дорога вела за город в то место, где находилась небольшая церквушка. Настоятелем в ней был Трофим, или отец Тихон. Трофимом его звали лишь те, кто знал его раньше. Этот человек недавно стал священником и настоятелем церкви Всех Святых, до этого он, как и многие в этом городе, отбывал наказание.

Когда-то в молодости заступился за жену, да перестарался. Убил двоих. Человек он был сильный, высокий, с пышными темно-русыми волосами и окладистой бородой. Его взгляд мог просверлить насквозь, а мягкий баритон располагал к общению. Его одновременно и любили и боялись. Он не разрешал нарушать церковные правила: мог кратко сказать так, что человека пробирала дрожь. К вере он пришел еще в лагере. Сам построил церковь, сам достал иконы и сам вел задушевные беседы, спасая тех, кто потерял интерес к жизни. Его не трогали и уважали. Когда он освобожден, вся зона рыдала. Дубаки-охранники скрипели зубами и прятали слезы. Трофим никого не забыл и каждый год два-три раза приезжает и помогает тем, кому еще долго тянуть лямку. Вадим встретился с ним именно там. Он, как говорится, «прорубал фишку» — был дерзким, кидался в драку за каждое слово. Трофим успокоил его — объяснил, что жизнь не кончилась. Он помог ему вдохнуть воздух чистоты и выдохнуть самое злое. Вот и теперь в этой ситуации он мог довериться только ему. Ну, купили бы они стволы, отстрелялись, и что? Опять в зону, где эти сектанты легко достанут. Здесь нужно было подойти по-другому, со знанием дела. Раз вмешалась дьявольщина, значит, выход только там, где ближе к Богу.

Машина остановилась у церковных ворот. Вадим вышел не сразу, долго молчал, изредка поглядывая на друзей. Игорю все это было ни о чем, а вот Олег сжался, спрятавшись на заднем сиденье.

— Не бойсь, Олежка! Он твой страх развеет. Это — Человек!

Вадим, как положено, перекрестился и вошел в церковь. Отец Тихон стоял у алтаря и разговаривал с бабушкой. Увидев Вадима, он положил старушке руку на голову, перекрестил ее, и та засеменила к церковной лавке.

— Здравствуйте, отец Тихон! — пряча глаза, произнес Вадим.

— Здравствуй!

— Я это... В общем, поговорить надо.

— Вижу, что надо.

— Не знаю, как быть? Вот бес-то силу берет, окаянный... Попал в такое!

— Да, понимаю. Я тебе говорил — не пей! Женись! А ты?

— А что я?

— Вот скажи, как ты заработал на такую машину?

Вадим обернулся, не понимая, как священник увидел машину. Он ведь оставил ее за воротами, не хотел показывать.

— Украл? Или отобрал?

— Второе.

— А теперь хочешь грехи свои на кого-то сгрузить и успокоиться. Нет уж, за все когда-то платить придется.

— Да я не поэтому, — буркнул Вадим.

— А что ж еще может быть у тебя кроме краж, драк да пьянок?

— С сектантами связался. Они в моей грязи святость обнаружили, на гордости сыграли, мастером назвали. Сказали, на Гришку Распутина похож. Тоже проходимец, пьянь, грязный, полуграмотный мужик. Сейчас столетие его знакомства с царской семьей. Вот меня и приурочили к этой дате — оружие для них делать.

— Во как!

— Они в серых костюмах ходят.

Отец Тихон промолчал. Отвернулся. Подошел к иконе, что-то прошептал, затем позвал Вадима.

— Никого не убил еще с ними?

— Нет. Но штыри, которыми они глушат, я, окаянный, сделал.

— И что дальше?

— Дальше нужно делать новые штыри, а я не могу. Раньше бы смог. Наплевал бы на все и смог. Но теперь что-то не так. Они платят исправно, не наезжают, но я не могу, — почти проскулил парень.

— Душа в тебе проснулась. Это хорошо. А то, что ты с ними связался, — не очень. Пошли, не хочу об этом в церкви говорить. Все это уже выходит за рамки исповеди.

Отец Тихон вывел Вадима на улицу, выслушал внимательно его рассказ и попросил привести друзей.

Все вместе вошли в комнату небольшой желтой пристройки. Настоятель усадил их на единственную в комнате кровать. Куда-то ушел, вернулся и резко, не предупреждая, стал брызгать и хлестать ребят по глазам какой-то мокрой мочалкой. Все сидели и терпели. Закончив, отец Тихон принес трехлитровую бутылку из-под пива с прозрачной жидкостью.

— Ты езжай, делай,— обратился он к Вадиму.— Ты ему помогай!— сказал Олегу, а посмотрев на Игоря, дал ему бутылку и добавил:— Ты протирай этой святой водой каждый штырь.

— А что дальше будет? — не выдержав, спросил Олег.

— Они или о вас забудут, или пришлют смотрящего за работой.

— Зачем? — удивился Игорь.

— Ты видел, как они убивают?

— Да,— ответил Вадим.

— Вот после этого он не сможет взять раскаленный металл в руку.

— Да? — удивился Вадим.— Ладно.

— Все езжайте. Ко мне сами не приходите. Если что, пришлите кого-нибудь. Давно я хотел с ними пободаться, да зацепиться не мог. Этот шанс не упущу. И главное, молчите! Слово пикнете, они вас сами за это кончат! — голосом серьезного авторитета произнес Трифон.

— Да. Забыли! — ответил Вадим. Он вытолкнул друзей из комнаты и закрыл за собой дверь, оставив там священника. Его тяжелый взгляд обжег и перепугал парня. Почти бегом Вадим оказался в машине. Забыв о плохой загородной дороге, понесся в город.

Игорь сидел, трясся и молчал, а Олег, наоборот, воспрянул. В нем появилась сила, и это было видно по его лицу.

— Да, согласен, Человек! — протянул Игорь, крепко сжимая бутылку.— Ну что, возьмем водяры и за девчонками?

— Ага,— согласился Вадим. Он пристально смотрел на дорогу, но, казалось, не видел ее.

Около первого магазина они остановились. Взяли все, что хотели. Игорь сел в машину, негромко включил магнитофон и, улыбаясь, произнес:

— Ну, теперь мы им все штыри заряженные святой водичкой сделаем!

— Но стволы все равно купим, — сквозь зубы процедил Вадим и посмотрел через зеркало дальнего вида на Олега.

— Ага! — ответил тот. — Съездим, я знаю, где взять.

— В понедельник они за штырями приедут. Вот и посмотрим, что будет...

Подпись

— Ну вижу! Вижу, — спросонья воскликнул Подольский. — В чем дело?

— Пройти можно? — спросил высокий худой мужчина.

— Заходите, раз пришли. На диван садитесь. Я сейчас кофе заварю.

Дмитрий принес три кружки с дымящимся кофе и сделал бутерброды.

— Вы с миром или арестовывать за отравление профессора Кружева?

— Пока с миром, а там посмотрим, — ответил худой. По всей видимости, он был старшим.

— Слушаю вас внимательно.

— Ты тут одно дело копаешь. Оно нам давно покоя не дает.

— Это вы о чем?

— Я сразу к делу перейду. И смотри! Не в твоём положении сейчас амбиции показывать, — привстав, произнес худой.

— Да вы сидите. Все нормально. Раз без ордера — значит, я вам зачем-то нужен.

— Да. Вы правы. Так вот! Люди в серых костюмах с татуировками разбитого креста — наша больная тема. Мы только на них плотно вышли — тут Арматуров с этой книгой влез. Все испортил!

— Какой книгой? — продолжал не сознаваться Дмитрий.

— Которая у вас!

— Нету меня ничего.

— Нет и нет — ладно! Она нам не нужна. Все, что мы хотели из нее узнать, давно знаем.

— Да? — удивился Дмитрий и посмотрел на второго, лет тридцати, толстячка с небольшими усиками.

— Об этом потом, если захотите, — добавил худой.

— Хорошо.

— Дело в другом! В костюмах ходят лишь пешки. Это не просто показуха. Они их отдают нам в жертву. Как бы показывая — берите, все равно ничего не узнаете.

— Ну и что — брали?

— Сидят у насам...

— Ну а я-то вам зачем?

— Будете удивлены! Предлагаем сотрудничество, и даже скажу больше — именно вы нам нужны как особый агент.

— Ничего себе! А крест разбитый на руке нарисуете? — съязвил Подольский.

— Друга своего армейского Вадима Тарасова помните?

— А при чем тут он? Его посадили. Даже не знаю, освободился или нет.

— Освободился. Сейчас работает на секту.

— Во как!

— Вы видели штыри, которыми они убивают — прожигают сплетение?

— Ладно, давайте начистоту. Штыри видел, — серьезно ответил Дмитрий.

— Эти штыри делает Тарасов. Раньше их старик по прозвищу Нефедыч в деревне делал, но он умер недавно. Теперь ваш дружок армейский старается. Живет, кстати, на Дальнем Востоке. Пьет, правда, много. Он имеет контакт с непосредственным заказчиком. Тот хоть и носит костюм, но не последний человек в их секте. Знает людей, кто принимает решение о казни. Это нам известно точно. Мы бы его давно взяли, но он, как и остальные, не расколется.

— Что, даже вы разговорить бы не смогли?

— Даже мы.

— А как вы связь между мной и Вадимом нашли? Если не секрет, расскажите. Как узнали, что мы служили вместе? Для этого нужен был какой-то шаг.

— После убийства на Гороховом я собирался приехать к вам и серьезно поговорить. Взял личное дело и случайно увидел, что вы были в горячей точке. Название и то, что там произошло, показалось мне знакомым. В тот момент, когда мы ехали за вами к профессору Кружеву вас арестовывать, я вспомнил, что месяц назад что-то подобное видел в деле Тарасова. Вернулся. Проверил. Все сошлось. Мало того, вы были друзьями. Он приезжал к вам в Москву?

— Нет. И что дальше?

— А дальше нужно, чтобы вы съездили к нему. Мы вас подготовим. Поймите, нам нужно разобраться с этой сектой. Дело держат под контролем на самом верху. Кстати, наша беседа тоже там согласована. Все очень сложно: и то, что они молчат, и то, чего они хотят. Похоже, что они в своей секте людей зомбируют.

— А они уже знают, что книга у меня?

— Нет. Мы вас прикрыли.

— Значит, следили?

— Пришлось. Вы же сами на Гороховый влезли. Трупы сфотографировали. Засветились, одним словом. А теперь еще Юля-арматурщица к вам приезжала. Зачем?

— По старой памяти.

— А в затылок ствол за что? Неужто обидели?

— Рассмотрели? Это наши дела! — сухо ответил Подольский.

— А у нас все дела наши—и ваши, и наши, и их тоже. Нам лишний скандал с убийством журналиста не нужен. Поэтому и контролировали. Вы же прете— кругом лезете.

— У меня есть выбор?

— Боюсь, что нет. Убийство профессора—дело серьезное. Яд в коньяке, и он труп. А вы потом с документами ушли.

— Да он сам мне их дал. В них ничего секретного нет.

— Прокурору объясните, кто вам их дал. А наши эксперты подтвердят, что в бумагах Кружева есть секретная информация. Вот вам и мотив.

— Да, умеете вы за жабры брать.

— Профессия такая, что поделаешь.

— Хорошо. Я подумаю.

— А я вам времени не дам. Давайте по-хорошему! Да, кстати. Если хотите, я вам помогу. Каллиграфические расшифровки этой злосчастной книги пришло.

— Вы что, их делали и знаете тайну?

— Да. Мы много об этом спорили. Конечно, очень достоверно, что пророк Распутин оставил код. Молитву, которая поможет всем. Если у вас получится расшифровать — занимайтесь.

— Я вижу, вы не верите в это? — с недоверием спросил Дмитрий.

— Сами подумайте! Неужели в это можно верить? Кто-то сложит из его где-то сказанных или написанных фраз что-то, и это что-то перевернет весь мир? Мистика! Очередная сказка о знаменитом человеке.

— А вы бы сами попытались сложить отрывки воедино и посмотрели бы, что это такое...

— Мне некогда, но другие из отделов пытались — полная белиберда. Правда, один полковник сказал, что нужно с другой стороны подойти к личности Распутина. К его жизни и смерти. Посмотреть на все реальным взглядом сегодняшнего дня. Ведь все документы, публикации и даже воспоминания царских чиновников делались под контролем чекистов. А то, что издавалось в Америке, вообще не серьезно. Голодные «бывшие» могли за кусок хлеба наплетсти такого... и сослаться, что подтверждающие документы у большевиков. В Штатах в то время за каждую сенсацию цеплялись. Деньги зарабатывали — как мы сегодня. Так что — «истина где-то рядом». Большевики свое дело хорошо знали. Могли опустить до лагерного ничтожества, а могли в икону превратить. И книга эта, «Святой черт» монаха Илиодора, — это их рук дело. Распутин лишь крайний. Большевикам нужно было очернить царскую семью.

Показать людям грязного царя. Истребить веру в него. Ведь гражданская война была за царя и отечество. Оружие брали те, кто не верил в пропаганду. Но не верили люди образованные, а крестьяне и рабочие — у-у, рожи оголтелые, лапы загребущие! Дай — мое. Эта шваль за кого хочешь пошла бы. Только пальцем ткни и скажи — виноват. Знал бы ты, кто над этой книжонкой работал.

— Кто?

— Писатели, которых мы сейчас уважаем и с удовольствием читаем. У них это здорово получилось. Царя опустили дальше некуда. Правда, теперь канонизировали.

— Ну вот — начало положено. Я смотрю, вы и сами советскую власть недолюбливаете.

— А за что ее любить? Квартира — сарай. Нормальных денег не платили. Да и теперь не лучше — еще хуже. В конторе за честное слово работаю — привычка!

— Да. Лечите вы неслабо! — возмутился Подольский.

— Бывают и у меня минуты откровения. Знаешь, Распутин — это бренд суперразвратника. Во всем мире так считают. Я знаю три музея, где хранится его огромный член, — усмехаясь, добавил худой. — Если ты докажешь, что он — святой, тебе памятник поставят. Многие об этом говорят, но такую крутую легенду «Темной силой» переосмыслить не могут. Забудь ты об этом. Время только потеряешь.

— Нет, я чувствую, что не все тут так просто, — возразил Дмитрий.

— Ну тогда давай — вперед! Начни с дома Юсупова, с воспоминаний самого Феликса. С убийства. Могу подбросить рассекреченные данные английской разведки тех лет. Мне интересно, может, что и раскопаешь. Сейчас мы мистики и ужасиков насмотрелись. Обряды по телевизору показывают, и мне кажется, что убийство Распутина было явно ритуальным. Пляски с переодетыми мужиками, эта комната — явно подготовленная. Ну что греха таить! На улице они его добивали, орали и никого не стеснялись. Что, не могли сразу пулю в лоб, и все? Нет — устроили представление. Почитай материалы, подумай, если что,

я помогу. У меня от многих дверей ключи есть. Но! Есть одно железное условие. Ты с этого момента наш человек. Мы подпишем с тобой очень непростую бумагу.

Дмитрий задумался.

— А что ваш полковник еще сказал? — отвлекая от главного, спросил Дмитрий.

— Чтобы расшифровать код — нужно понять Распутина. Кто он был: бес, пророк или действительно хотел спасти Россию. У нас, кстати, много материалов разных сумасшедших, которые считают, что могут спасти страну. До сих пор приходят и приносят талмуды папок. Особенно когда весеннее обострение. Тамна входе ребята прапора их встречают, относятся с пониманием. Но вот в этом деле что-то меня самого корябает. Он ведь предсказал, помню: «Отравят — не верьте, что Григорий мертв, убьют — не верьте, что Григорий мертв, сожгут — тоже не верьте. Я не умру и оставлю слово для спасения». — Худой немного помолчал. — Да и потом, как он мог с царской семьей чем-то там заниматься? Вот чисто по-человечески, если кто-то называет людей папой и мамой, как можно в койку залезть? Извращенцы, конечно, встречаются — понятно, но он читал молитвы, исцелял. Нет, не согласен. Много в этой истории мутного. Мне заморачиваться с этим некогда, а ты думай. У меня то сектанты, то баптисты. Одни людей — другие детей... Куда мир катится? Мне бы сейчас этих серых пиджачков достать!

— А что вы о них вообще знаете?

— Вот именно! Ничего! Началась демократия, откуда то из тайги вылезли и расплозились по всей стране, как крысы. Причем мы не можем вычислить ничего! Кругом обрывы! Даже где костюмы эти шьют. Качество очень хорошее, материал — чистая шерсть. Но сшито не за границей. У нас тоже не нашли. Да мы и шить так еще не научились. В общем, сплошные головоломки. Ну что, ты решился?

— Почему же они так за этой книгой носятся? Что в ней?

— Да ничего особенного. Типа реликвии, святыни. Они сами не знают, что там написано. Им нужно на что-то молиться, вот, наверное, на эту книгу.

— Я следующий в списке жертв?—предположил Подольский.

— Нет, они отстанут. И даже не вспомнят.

— Это почему? Вон сколько людей штырями прожгли, и все из-за книги.

— Хорошо. План такой: ты подписываешь—мы принимаем тебя в нашу дружную семью, после этого я привожу тебе полную копию этой книги со всеми докладными и расшифровками. Ты отдаешь оригинал мне. Я вызываю на допрос с пристрастием одного из них и показываю во время допроса книгу. Пытаю его: что это? Почему из-за нее люди гибнут? Он мне ничего не расскажет—как всегда. Я скажу: «Срок задержания закончился, но я тебя достану». После этого отпущу бедолагу. В этот же день вся их секта будет знать, что книга на Лубянке. Ты и арматурщики вообще ни при чем. Они начнут искать варианты забрать ее. Кстати, это может нам помочь, но вряд ли. Опять приедут лишь исполнители, пехота. Центр у них там—на Дальнем Востоке, и твой друг боевой в самое логово зарылся. Ты не думаешь, что ему угрожает?

— Думаю.

— Ну а что тогда тебе мешает? Совесть? Так я ведь стучать не агитирую.

— Слишком хитро вы у меня книгу выпрашиваете. Может, все из-за нее?

— Вот дурак! Тимофеев, за мной! Придержи-ка его!

Худой встал с дивана, его помощник за ним. Он безошибочно нашел пакет, вытряхнул лишние бумаги и документы Кружева и приказал помощнику отнести книгу в машину.

Дмитрий пошел было следом, но худой резко схватился за пистолет и, выставив вперед левую руку, остановил Подольского.

— Если бы я пришел за книгой, я бы ее давно забрал. Еще у девочки Юли, которая страсть как боится красных удостоверений.

— Ну ладно! Уговорил! Давай свою бумагу!—сдался Дмитрий. Он опустил голову и сел в кресло.

— Тимофеев! — крикнул худой. — Папку захвати!

Через пять минут Подольский подписал разрывающий его душу документ. Он понимал, что другого выхода нет. Как он, такой хитрый и ловкий, оказался прижатым к стенке? С одной стороны — сектанты. Придут, штырем прожгут, а у них информаторы хорошие. До ФСБ, конечно, не добрались, но от арматурщиков быстро узнают, у кого теперь их раритет. С другой стороны Вадим. Вот ведь бедолага! Нужно ехать спасать и жизнь, и мозги его. И еще эти конторские! Задержать по подозрению в убийстве Кружева могут. Выхода нет. Только вперед! Напролом!

День трезвый - день последний

— Куда за стволами поедем? — спросил Олега Вадим.

— На рынок.

— На рынок? А что, там уже на прилавках в открытую продают?

— Нет. У цыган.

— Понятно. Тогда погнажи.

— Вадь, водяры хлебнешь? — спросил Игорь.

— Пока нет.

— А ты, Олег?

— Можно.

Игорь открыл бутылку, приготовил фанту и сделал два глотка водки. Однако тут же выплюнул ее на лобовое стекло и переднюю панель машины.

— Ты че фонтаны пуляешь? — возмутился Вадим.

— Паленую подсунули! Такая гадость!

— Дай сюда.

Вадим взял бутылку, понюхал, пожал плечами, вышел из машины и сделал глоток. Секунды две стоял спокойно, затем резко повернулся, и его вырвало.

— Ох! Надо же, какая гадость! Аж выворачивает!

— А ну дайте мне! — выскочив из машины, попросил Олег.

— На, травись!

Олег взял бутылку, фанту, крутанул водку, чтобы создать внутри вихрь, и сделал один большой глоток из горлышка. Глубоко вздохнул, выпил фанты и, посмотрев на друзей, произнес:

— Хорошо пошла! Сразу прижилась. Мягкая и в совсем паленая.

— Че, серьезно? — удивился Вадим.

— Да.

— А ну дай я еще раз проверю!

После второй пробы произошло то же самое. Вадим не мог воспринимать водку, Игорь тоже. Друзья вытерли машину и решили ехать на рынок. Всю дорогу молчали. Почти у места Вадим вдруг сообразил:

— Спасибо, Трофим! Закодировал!

Остановились у центральных ворот рынка. На входе на ящике сидела толстая цыганка и что-то жевала. Ее сто пятьдесят четыре платья запутались в ногах, обутих в новые кроссовки. Она косо посмотрела на машину и сделала вид, что ей все равно.

— Тамара, пошли за Алеком! — открыв стекло, крикнул ей Олег.

Цыганка подозвала девочку, шепнула ей, и та весело побежала вдоль торговых рядов.

Дверь в машине открылась, Олег подвинулся, в салон сел черноволосый небритый цыган.

— Олег! Ты, я смотрю, компанию сменил?

— Ну, — промычал парень.

— Тачка нехилая. Когда окончательно ее убьете, мне продайте. Я ее подшаманю и загоню.

— Хорошо, — спокойно ответил Вадим. Он сидел за рулем и смотрел вперед. Обернулся и, увидев желтые, больные глаза цыгана, спросил прямо в них:

— Нужна плетка и маслята!

— Понятно, — спокойно ответил Алек. — Вы ребята свои — поехали.

— Куда?

— Да прямо. За рынком к сараям, а потом к реке.

Вадим сорвал с места. Машина понеслась.

— Да не гони ты, успеем! — крикнул цыган. — Тарас (так иногда называли Вадима), ты, говорят, в кузнецы пошел?

— Ну.

— Лошадь подковать сможешь?

— Не.

— А че кузню занимаешь? Мехами дышишь?

— Дабухаем мытам, и все. Иногда ножи делаю.

— А, видал я тут твою колючку — кишки выколупывать. Сыну подарил — пусть балуется.

— Короче, Алек! Куда дальше? Вот она река!

— Вон к домам давай, — показал пальцем Алек.

Машина остановилась около полуразрушенной избы. Ребята вышли и увидели во дворе две лавки. На одной спал прилично одетый наркоман. То, что цыгане торговали наркотой, секретом не было. Милиция пыталась пару раз что-то сделать, но обломала все зубы и успокоилась. Дело в том, что цыгане не расписываются официально, у них свои свадьбы. Детей в каждой семье много. Вот и получается, что каждая цыганка многодетная мать-героиня. Как такую посадишь? Их бизнес остановить невозможно. Каждый больной наркоман из последних сил тянется на эту слободу. Получает дозу, отлеживается, если надо, а потом уходит. Как правило, долги отдают все. Не потому, что заставляют, а потому, что берут все подряд. В их нехитром хозяйстве может пригодиться любая мелочь.

Алек проводил гостей в большой сарай. В углу лежало сено, а надальной стене висели мишени из тира. Алек вернулся быстро. Посмотрел на Вадима, улыбнулся и произнес:

— Вообще-то цыгане не доверяют русским кузнецам. Сами своих лошадей куют. Вот! Смотрите! — он положил на ящик старый чемодан. Открыл его сам. Все увидели несколько пистолетов и коробки с патронами.

— Почему? — спросил Игорь. До этого он молчал и старался не смотреть на цыгана.

— Я че, с тобой базар веду? — вспылал Алек. — Ходишь рядом, вот и будь тихо. Тебе, баклану, башку оторвать бы, да люди с тобой приличные. Знаю, вступятся.

— Что он на носорезил?— посмотрев на Алека, спросил Вадим.

— У цыганки на рынке пузырь отобрал. Сволочь! Подошел бы, сказал, мы бы тебе его и так дали. Реальный пацан такие косяки не порет!

— Ладно, забудь,— попросил Вадим.

— У, чудило! Смотри, еще раз провиснешь, на перо посажу,— слегка замахнувшись, сквозь зубы процедил Алек.

Игорь отскочил назад, опустил глаза и ответил:

— Ну все, сам знаю— косяк!

— Все, хорош, давай по делу. Ну и сколько за три ствола?— спросил Вадим.

— Цены разные. Ты выбери, постреляй.

— Нас не услышат?

— Кто?

— Да не, это я так. Конечно. Ща попробую.

Вадим зарядил три обоймы по три патрона. Выбрал три одинаковых пистолета ТТ и по очереди отстрелял каждый.

— Тебе не кузнецом, а стрелком. Глянь, метко как,— усмехнувшись, произнес Алек. — Где научился?

— В армии. Там, если стрелять не умеешь, быстро превращаешься в труп.

— Понятно. Для тебя все три за два косяря отдам. К каждому по две пачки маслят. Годится?

— Годится. Я еще тройку пустых обойм возьму?— улыбаясь, спросил Вадим.

— Валяй. Раз неторгуешься. Когда бабки будут? После дела?

— Нет. Сейчас. Олег, рассчитайся.

Олег достал из потайного кармана доллары, которые получил утром, отсчитал две тысячи и отдал их цыгану.

— Ты, Олег, я смотрю, разбогател? Прибабках?— спросил цыган.

— Это его,— качнув головой, показал тот на Вадима.

— Понятно.

Цыган закрыл чемодан и ушел в дом. Вадим снарядил к каждому пистолету по две обоймы и отдал их друзьям. Олег долго дергался, не зная, куда спрятать пистолет.

Игорь молча засунул его за пояс, положил запасную обойму в задний карман и спросил:

— Сейчас куда?

— За девчонками. Ты как с Катей, нормально?

— Да. Пока Лиза у нас дома бухала, я у нее в хате на диване успел.

— А ты со своей? — спросил Вадим Олега.

— Мы только целовались в подъезде.

— Да ладно! — возразил Игорь. — Я слышал в комнате у Лизы охи и вздохи. Че врешь-то?

— Приучили меня так. Чего бы там с девушкой ни было, нужно говорить — целовались, и все! Это наши дела! А вам расскажи, посмеялись бы, и все? Может, она мне понравилась, и это наше личное дело! — обидевшись, ответил Олег и ушел к машине.

— Видал, какой влюбчивый? — усмехнулся Игорь и вместе с Вадимом пошел за ним.

Через час они стояли у бутика и ждали, когда его сдадут под охрану в милицию. После этого поехали в ресторан. Водку не пили, пробовали разные вина и закуски. Как выразился Игорь — гурманили по-наркомански. Чтобы не стеснять друзей, Вадим снял номер в соседней гостинице. Там все это делалось очень просто. Пришел, сказал «привет», дал денег и взял ключ. Перед этим он отвез оставшуюся компанию домой. В этот вечер Вадим был уверен, что никто не напьется. Дал им еще денег, купил арбуз и пару бутылок красного сухого вина. Сам же он ушел в номер с Раисой. Они накупили фруктов, вина, шампанского. Вадиму так хотелось поскорее избавиться от левых денег, которые «жгли ляжку», но они, как назло, не кончались.

Утром Раиса летала, как пчелка. Заваривала кофе, делала бутерброды, а Вадим, как Плюшкин, лежал, раскинув ноги под простыней, и вкушал виноград. Бедная Рая не верила своему счастью: ведь он для нее так старался и совсем не обижал. Был нежным и ласковым. От этого можно сойти с ума. Был бандит-грубиян, а тут раз, как в сказке, — принц заморский с нежностью и уважением. Она не верила, что

такое вообще бывает. Утром встала, нашла у уборщицы кипятильник, в круглосуточном купила пакетики быстрорастворимого кофе—в общем, все сделала от души. Вадиму это понравилось—он оценил.

Покинув гостиницу, они поехали к остальным, в комнату. Удивило все! Потом не удивляло ничего. Чистые полы, скатерти и чудак Игорь за столом. Он важно сидел, положив ногу на ногу, и из блюдца попивал чай.

— Прикалываешься?—спросил его Вадим.

— Нет! Ты попробуй, как вкусно!—ответил «купец».

Откуда-то пришел Олег с Юлей. Огромные глаза девушки стали еще больше.

— Ну ладно, нам на работу пора, —скомандовала Рая.

Катя заскулила.

— А может, прогуляем?—спросила Юля.

— Нет,—сурово ответила Рая.—В этой дыре лучше работы не найти, и терять ее нечего.

Вадим посмотрел на все это со стороны, ухмыльнулся. Неожиданно дверь распахнулась, и в комнату вломился небритый солдат с опухшим лицом и бутылкой водки. Увидев чистоту и порядок, он попятился:

— Извините, я, кажется, ошибся, —и сбежал по лестнице вниз.

— Нет девушки, гулять не будем, — продолжил Вадим.— Нам тоже по делам нужно ехать. Завтра воскресенье—отдохнем!

— А давайте в кино сходим?—предложила счастливая Юля.

— Можно и в кино, а можно во Владик на день или к морю на Шамору съездить.

— Ух ты!—обрадовалась Катя и, как малышка, захлопала в ладоши.

— Ну, все, договорились. Сейчас закрываем комнату и пошли по делам! Мы вас на работу отвезем.

Проводив девушек, ребята отправились в цех. Приехали, и сразу закипела работа. Олег включил и разогрел печь. Вадим переоделся, выбрал кувалду и молоток, а Игорь сбежал в магазин, накупил белых полотенец. Убрал бумаги со

стола Армена, протер поверхность и поставил в центре бутылку со святой водой.

— У меня все готово! — отрапортовал он Вадиму.

— Не гони лошадей! Ты у нас последний! Жди! — ответил кузнец.

Печь заохала, молоток застучал, штангенциркуль забегал. На столе один за другим стали появляться штыри. Игорь каждый бережно протирал, при этом менял полотенца.

— Каждому штырю — свое, — приговаривал он.

Вадим мощными ударами ровнял металл. Олег крепко держал его щипцами и после каждого замера говорил:

— Вот сюда, разок, вполсилы.

Время пролетело быстро. Приближалось закрытие магазина, и нужно было забирать девчонок.

Вдруг входная дверь в мастерской открылась, и в цех, к ужасу народа, вошел незнакомец в сером костюме.

— Работаете? Молодцы! Я мимо проезжал, слышу, мастер стучит. Звук пронзительный, на всю округу, прямо как у деда Нефедыча. Дай, думаю, заскочу, пивком ребят побалую. Э! Кум! Неси ящик пива нашим! — грубо крикнул он сидящему здоровяку в джипе. Тот вылез, открыл багажник, взял ящик пива и принес его в цех.

Игорь сидел в кабинете Армена. Увидев джип, он все спрятал. Штыри разложил на столе и, подавая знак, что все нормально, вошел в цех.

— А вот и третий! — обернувшись, произнес незнакомец. — Ну вы не стесняйтесь, берите пиво. Это вам!

Ребята открыли побутылке и, встав у печи, сделали несколько глотков.

— Меня зовут дядя Егор! А это Кум — так его и называйте. Ну, покажите, что у вас, — произнес дядя и потянулся к недоделанному, не протертому святой водой штырю.

Вадим сообразил и тут же, взяв его щипцами, бросил обратно в печь. Дядя Егор недовольно посмотрел на него. Кум сделал шаг вперед.

— Готовые там, в кабинете. Эта еще не доделана, — резко ответил Вадим.

— Да? Хорошо. Пойду посмотрю.

Человек в сером костюме сел за стол Армена и взял в руки первый штырь. Погладил его, понюхал, сжал в кулаке. Вышел в цех, взял штангенциркуль, проверил размеры и произнес:

— Кум, глянь! Да он деда перещеголял! Глянь, как ладошка его чувствует! Глянь, какой он живой! Ой, молодца! Ой, порадовали! Ну-ка, Кум, неси мой портфельчик.

Здоровяк ушел к машине и через минуту вернулся с потрепанным кожаным портфелем. Дядя Егор подошел вплотную к Вадиму, заглянул в его глаза, увидел ярость и как-то по-дьявольски усмехнулся:

— Перещеголял ты деда! Давно я говорил, кузнец нужен новый! А мне не верили! Вот теперь я им покажу! Завтра мы все это испробуем, — как-то мило, но со злорадством произнес он. — Я приеду и расскажу, как мне все это понравилось. Но уже сейчас я чувствую силу, чувствую, как в нем кипит злость и жизнь. Если мне не кажется и остальные подтвердят, что он живой, все — считай, что ты в полном шоколаде. Кум, выдай этим поштуче евро, а Вадиму я сам заплачу. Сейчас в евро очень модно давать.

Дядя Егор достал из портфеля пачку соток евро и протянул ее Вадиму.

— Бери, сынок! Бери, мастер! Порадовал ты меня, — с какой-то издевкой произнес он. Вадима так и тянуло расколоть ему черепкувалдой, дважды тянулся он к пистолету, но сумел перебороть себя.

— Завтра нас не будет, — сухо ответил кузнец. — Мы с девчонками во Владик едем.

— Вот и хорошо. Погуляйте. Послезавтра, как приедете, мы и встретимся, — с жутким блеском в глазах ответил заказчик.

Вадим увидел эту жуть. Он вспомнил ее. Когда-то там, где стреляют, у людей, готовых убить, также блестяли глаза. Кузнец взял деньги, понимая, что этот убивец просто так неотстанет.

— Остальную работу завернуть?

— Нет, ты что, мы сами!—возразил дядя в сером костюме. Он собрал штетыри в портфель, вернулся в цех, похлопал Вадима по плечу, махнул рукой остальным, сел с Кумом вджиши и уехал.

— Ты все протер, как учил батюшка?—заорал на Игоря Вадим.

— Да!—попятившись к стенке, ответил тот.—Аж три раза каждый!

— Ну, тогда завтра, возможно, последний раз отдыхаем. В понедельник они приедут, поймут, что мы сделали, и накажут! Готовитесь, братцы, отрываться по полной программе! Копец не за горами!

— Эх, жалко, что нас закодировали,—вздыхнул Игорь.

Вход

Подольский весь день просидел на диване: размышлял, пытался досконально разобраться в том, что с ним произошло. Хотел выпить, но не стал. Разложил на столе документы, собранные профессором. Стал рассматривать их, но думало другом.

...Перед уходом худой представился. Он понял, что Дмитрий утром не запомнил его имени и не прочитал его в удостоверении. Им оказался полковник ФСБ Седых Олег Михайлович.

— Что ж,—ответил журналист.—Я о вас слышал. Вот и встретились.

— Да. Встретились. Жаль, что при таких обстоятельствах, но, как говорится, все, что ни делается,—к лучшему. Оставайтесь на даче. Никуда не выходите. Ждите, я скоро приеду. Нужно кое-что согласовать и подготовить.

Много раз Подольскому приходилось слышать о дерзком полковнике. За глаза его прозвали «Черным полковником». Весьма неординарный человек: волевой, умный, расчетливый. Каждый раз, когда в газету к Дмитрию поступала информация о сорванном теракте или аресте известных террористов,—везде фигурировало его имя. Об-

ращало на себя внимание то, что он лично приехал и сам объяснил ситуацию. Другие поступили бы жестче: арестовали, подержали бы в камере, потом вызвали и поставили вопрос ребром. «Черный полковник» был другого замеса. Он понимал, что Дмитрий не просто мальчик, закончивший институт и умеющий кусаться в своих статьях. Он изучил дело Подольского, а узнав, что тот воевал и прошел серьезную школу жизни, решил, что с этим парнем лучше договариваться по-хорошему. Озлобленный человек, которого трудно чем-либо напугать, мог стоять на своем до конца. Дмитрий оценил все это, но сам факт подписания нехорошего документа, обязывающего ко многому, рождал в душе подозрения.

«Это же не вербовка, — успокаивал себя Подольский. — Никого сдавать не надо, информировать тоже. Нужно выполнить работу! Вспомнить, как когда-то умел воевать и видеть скрытого врага. Тогда, на войне, было что-то похожее: днем все мирные, ходят, разговаривают, улыбаются, а ночью берут в руки автоматы и стреляют на верняка. Вот и сейчас нужно было выявить тех, кто потерял над собой контроль. Вырвать их из «серого костюма» повседневной жизни и показать всем истинное лицо этих людей. Возможно их зомбируют, а может, все это происходит умышленно. Люди к чему-то идут! Видят цель, о которой я не знаю. Кто они? Откуда появились? Почему до сих пор об этой секте никто не знал? Нужно ехать на Дальний Восток и искать Вадима Тарасова. Ох, Тараска — лихая башка! Всю жизнь лез напролом! И пули его облетали, и люди почему-то понимали, жалели и прощали все его выходки. Как он мог так запутаться? Неужели спился и стал безвольным? Все! Небуду париться, голову ломать...»

Дмитрий решил покопаться в бумагах Кружева, отвлечься.

Он уже видел в редакции первую страницу, но тогда не обратил на нее внимания. Теперь написанный в центре текст бросился в глаза, и он, к удивлению, прочитал:

«Вы взяли в руки то, что я смог собрать! Мне не суждено довести это дело до конца. Я не пророк, но я точно

знаю — скоро умру. Попробуйте поверить и понять, что все это истинная правда. Отнеситесь серьезно и начните изучение с прочтения слов Распутина, записанных царичей в июле 1910 года в Покровском. Первые два абзаца, до слова «Осторожен». У вас возникнет много трудностей и появится много врагов. Я верю, вы победите их и сделаете первый шаг к спасению всех нас! Знайте главное: секта разбитого креста и тайна Распутина связаны между собой. Раскроете одно — откроется второе. Расшифруйте послание, постарайтесь сохранить собственную жизнь, чтобы рассказать о ней людям».

Кружев (подпись).

«Не пойму? Он что, ко мне обратился? Подготовил и отдал документы и так это, издавека намекал — у вас получится. Юля Арматурова, дочь авторитета, тоже мне в ухо — только ты сможешь! Да что они все, сговорились? Бред какой-то! Но Кружев мертв, и это последняя его просьба. Что ж, надо быть внимательным. Раз все в меня верят. Вот и вернулась война! Я так долго уходил от нее! Избавлялся от кошмарных снов, и теперь она вновь настигла. Вернулась! Неужели мне придется убивать? Эх, Тараска! Если бы не он! Меня бы сейчас как минимум допрашивали в связи с убийством профессора. И еще неизвестно, что лучше — сидеть или воевать! Можно считать, что он меня своей дружбой спас от ареста. Теперь мой ход — я должен ответить ему тем же».

Дмитрий заварил кофе, постарался отвлечься. Стал искать документы за 1910 год.

Так, вот! Григорий Распутин, «Избранные мысли, письма и телеграммы царской семье», Покровское, июль месяца, 1910 год. До слова «осторожен».

Дмитрий прочитал:

«В гоненьях Твой путь. Ты нам показал крест Твой за радость. Господи, крест Твой тяжел, и минутная жизнь — пресветлый рай — нет конца!

Моя жизнь в дальнейший путь во Христе — рай! О, как весел, да крест тяжел. Радостный день в гоненье, да не всяк вместит. Тяжелы скорби без привычки. Пойми грехи свои,

и крест будет всласть. Без креста Бог далек! И сам не ищи креста, а Бог даст, понесешь сколько сможешь. Бог знает, что тебе нужно, только будь осторожен».

«Путь мой в гоненьях, — подумал Подольский, — это действительно. *Показал крест.* О каком кресте речь? О разбитом или о кресте вообще? Дальше ничего особенного. Вот! *И сам не ищи креста, а Бог даст, понесешь сколько сможешь.* То есть что это? Я, возможно, открою лишь часть кода — информации, доступной мне. Это моя ноша, и большего я открыть не могу, или это понимать по-другому — не хватайся за все сразу. Раскрывай тайну по частям, чтобы каждую осознать и понять. Да! *Неси сколько сможешь* — это слова из Библии, но как кстати они здесь сказаны! Да, какую-то внутреннюю дверь во мне это открывает. Чувствую, что готов. Где он, этот Седых? Почему запретил выходить? Жди его тут. С ума сходи!..»

Дмитрий метался по даче, не зная, чем занять себя. Он чувствовал внутри тягу подойти и перечитать все, что оставил Кружев, но кто-то извне останавливал его и как бы говорил: «Всему свое время. Успокойся! Осознай то, что прочитал». Заметив, что кончились сигареты, Подольский не выдержал и все же сходил в палатку, что находилась на окраине дачного поселка. Свежий воздух разрывал легкие. Небольшой холодок забирался под куртку. Асфальт почти высох, но на обочинах лежал снег. Дмитрий купил блок, пару бутылок пива и быстро вернулся домой. Он решил на время убрать документы подальше. Нужно было приготовиться к командировке, собраться с мыслями и, главное, продумать свои действия там. То, что ему расскажут оперативники при подготовке, конечно, поможет, но все это лишь слова.

Дмитрий стал складывать документы. Один из листовок выпал. Он посмотрел на название: «Пророчество, сделанное царской семье. 1916 год».

«Надо же, перед самой смертью написал», — подумал журналист. Забыв о предстоящей командировке, стал внимательно читать текст:

«Я пишу и оставляю это письмо в Петербурге. Я предчувствую, что еще до первого января я уйду из жизни. Я хочу русскому народу, папе, русской маме, детям и русской земле наказать, что им предпринять. Если меня убьют нанятые убийцы, русские крестьяне, мои братья, то тебе, русский царь, некого опасаться. Оставайся на троне и царствуй. И ты, русский царь, не беспокойся о своих детях. Они еще сотни лет будут править Россией. Если же меня убьют бояре и дворяне и они прольют мою кровь, то их руки останутся замаранными моей кровью, и двадцать пять лет они не смогут отмыть свои руки. Они оставят Россию. Братья восстанут против братьев и будут убивать друг друга, и в течение двадцати пяти лет не будет в стране дворянства.

Русской земли царь, когда ты услышишь звон колоколов, сообщающий тебе о смерти Григория, то знай: если убийство совершили твои родственники, то ни один из твоей семьи, то есть детей и родных, не проживет дольше двух лет. Их убьет русский народ. Я ухожу и чувствую в себе божеское указание сказать русскому царю, как он должен жить после моего исчезновения. Ты должен подумать, все учесть и осторожно действовать. Ты должен заботиться о твоём спасении и сказать твоим родным, что я им заплатил моей жизнью. Меня убьют. Я уже не в живых. Молись, молись. Будь сильным. Заботься о твоём избранном роде».

Подольский отложил листок в сторону, закурил и задумался:

«Да, в убийстве замешан родственник, великий князь Дмитрий, тезка, блин! Да и главный персонаж Феликс Юсупов, в доме которого убили Распутина, тоже имел родственные связи с высокородными особами. Этот старец Григорий буквально кричал царю, что будет. Но его не слышали. А почему? Как понять это? Он говорил, писал, добивался, чтобы его слова прогремели, предлагал подумать и, скорее всего, знал выход, но все это было кому-то невыгодно. Понятно, страна жила войной с Германией. На фронте, в окопах гибли люди, а в столице оставался царь и Распутин. Люди шли в бой за царя, но чувствовали, что

вся царская семья испачкана, осквернена. Григорий жил, ходил где хотел и всем видом показывал, что он хозяин. Почему? Неужели он вот так оберегал? И зная, что погибнет, не уехал в деревню или за границу. Остался до последнего. Интересно, если бы сейчас президент нашел какого-нибудь духовного отца, который был бы известен всей стране. Пустил бы его в семью, что бы о нем говорили? Да, гадости было бы много. И не потому, что президент такой поступок совершил, а потому, что мы народ такой. Нам все надо испоганить. Наверное, все те, кто обливал Распутина грязью, уже через несколько лет поняли, кто он. Возможно, чувствовали свою вину, потому что видели, как страну заливает кровью. Возможно, все они каялись, но остановить запущенный механизм не могли. На фронте все солдаты думали: «За кого мы воюем? За царя?» — и смеялись. А что теперь? Все очень просто! Где-то здесь, вот в этих бумажках есть код. Возможно, это молитва, но, может быть, я увижу что-то другое. Что это даст? Вернем царя?» Дмитрий вспомнил, что в бумагах Кружева было объяснение, что такое царь для земли русской. Он стал перебирать документы, нашел помеченный карандашом листок и погрузился в текст.

«Много лишнего пишет профессор. Все гораздо проще, — прочитав, сам себе сказал Дмитрий. — У католиков папа — наместник Бога на земле. У нас — помазанник Божий. Он является незаменимым звеном, объединяющим Бога и людей. Через него к нам идет Благодать. А сейчас получается, мы верим в Бога, но мы сами по себе, а Бог видит это, но достучаться до душ русских не может. И все потому, что нет этой связующей нити — помазанника — представителя Бога на земле.

Возможно, Распутин все это знал. Терпел до последнего, пытаясь сохранить связь Бога и народа. Когда понял, что все рухнуло, оставил несколько пророчеств и, главное, зашифрованную тайну, как нам восстановить наш разрушенный мир. Тот полковник ФСБ, о котором упоминал Седых, был прав. Так это сразу не поймешь. Нужно узнать, изучить, понять, кем был Распутин. Но то, что этот ста-

рец—пророк, сомнений не вызывает. Возможно, поэтому существует эта секта. Она хранила книгу с вставленными страницами. А для чего? Скорее всего, эти люди знают правду. Они понимают, что в этом пророчестве есть тайная сила. Вот только как они намерены распорядиться ею?

Сейчас начался век скрытых энергий. Мы заглянули в ауру, нашли разновидности влияния на человека, проникли в его мозг. Остается только одно—понять, что же такое Божественная благодать. Как она исцеляет, спасает и, главное, дает жизнь? Возможно, старец Распутин не знал о существовании такой энергии. Он просто искренне верил в Бога и слышал его. Но один слышащий не смог остановить сотни тысяч глухих».

Дмитрий встал с дивана. Прошелся по комнате, собрал все документы Кружева и убрал их в тумбочку.

«Нужно все осознать, подготовиться, чтобы не упустить мелочь или одно связующее слово. Возможно, именно оно станет решающим. А тут еще эта командировка! Но в любом случае мне это не повредит. У этих сектантов все напрямую связано с Распутиным: эта книга «Святой черт», икона, которую он с себя намалевал, его рукописи. Седых говорил, что они все расшифровали. Значит, книга, побывав в ФСБ, снова вернулась в секту. Интересно, как это произошло? Ее выкрали или выкупили? Эти ребята явно не промах. Эх, Черный полковник! Вот здесь-то вы и прокололись. Как книжка вернулась к ним, если она была в конторе? Забрал он книгу бесцеремонно, силой. Знал, что не дернусь. Смерть профессора тянет, как якорь! Сам понимаю, что не отмажусь и никто не поверит, как бы ни старался! Сидели, пили, он умер, а я унес документы. Все как в кино! Ничего, прорвемся. А если закроют, как говорил ротный, — там тоже люди живут. Главное, что я начал понимать, вокруг чего все это крутится. Вот только одного не могу догнать: если эти сектанты—хранители тайны, почему они варварским методом убивают людей? Зачем? А зачем это послание прятать в пошлой книге монаха-чекиста Илиодора? Нужны документы, все материалы, чтобы начать собирать этот код. Мне нужна расшифровка текста его послания...»

В дверь постучали. Дмитрий открыл. На пороге стоял полковник Седых.

— Здравствуйте, приехали? А я вас заждался.

— Приехал, как видишь.

— Чай, кофе?

— Что-то ты слишком добрый.

— Да подумал тут над происходящим и решил: все нормально! Засиделся я в Москве. Драйва не хватает. Может, что-то в жизни изменится? Тем более цель святая — друга спасти.

— Это точно. Изменится. Начнешь на этот мир с завистью смотреть, когда смерть почувствуешь.

— Видел я ее. Ничего особенного. К смерти тоже привыкаешь.

— Знаю, поэтому честно отвечаю. Давай сразу к делу, у меня, как всегда, со временем проблемы. Еще в три места ехать надо.

— Слушаю.

Полковник сел на диван, поставил большой рыжий портфель рядом и начал говорить:

— В общем, так. Поедешь поездом.

— Ничего себе! Целую неделю трястись! — возмутился Дмитрий.

— А ты как хотел? С оружием в самолет не пустят. А делать для тебя спецпропуск значит засветить. В аэропорту данные о провозе оружия сохраняются.

— А что, там нельзя найти?

— Можно, но не нужно. Мы все подготовим, чтобы ты с неба несвалился и не судулся в первый день. Понял?

— Да.

— Знаешь, на Дальнем Востоке уже лето. Там климат другой, как в Крыму.

— Знаю.

— Тебя в Артеме встретит человек. Даст машину и проведит до Уссурийска. Вот смотри! — Полковник достал из портфеля карту города. — Здесь живет Тарасов. Здесь их цех. Ты будешь жить около ресторана «Уссури». Ключ тебе передадут. Твоя задача: на почве старых отношений войти

в доверие, вычислить, с кем встречается Вадим. Как у них все это происходит. Возможно, все гораздо проще, но ты прощупай. Мы приблизительно круг общения знаем, но ты зацепись за главное: прояви интерес, рвение, покажи, что ты патриот, который рвется в бой. Сумеешь выйти на Егора, это будет очень хорошо. Ты человек обстрелянный, сам понимаешь: в таких делах нужно идти по запаху, чують опасность и не переступать за грань. Постарайся выяснить, где они обитают и где их главная база.

— Понял. Вы столько всего хотите. А я всего один...

— Инструкции получишь позже. Это я в общем, а уж что сможешь — и на том спасибо.

— Хорошо. Вопрос можно?

— Давай.

— Раз у вас есть расшифровка и копия книги «Святой черт», значит, эта книга была в ФСБ и вернулась в секту?

— Да, была. Мы взяли одного подозреваемого. Он ее тоже выкрал. Вез, чтобы продать за границу. Покупателя также арестовали — представителя потомков царской семьи. Время тогда было мутное, но многие загорелись этой тайной. Через полгода все остыли. Выводы были разные. Одни говорили, что умный человек все это состряпал, другие утверждали, что это сделано за границей специально. Но помнишь, я рассказывал об одном полковнике, который вник в это дело?

— Помню.

— Вот он показывал книгу и материалы специалистам, психологам. И все, как один, заявили — она составлена психически неуравновешенным человеком. Бредовая идея, эмоционально высказанная и сумбурно зафиксированная.

— Ну а вы сами что об этом думаете?

— Я тебе уже говорил — сомневаюсь! Тогда все работали на отписки. Что-то там умное нацарапали — от них отстали. Никто не стал тратить время. А может, просто им не дано видеть главное.

— А я, значит, смогу?

— Я тебя не заставляю. Вижу, ты, как и я когда-то, загорелся. Ладно, помогу. Кстати, вот я, как обещал, все привез.

Копия книги, расшифровка рукописи Распутина, материалы наших специалистов. Все это даже под гриф «Секретно» не попало. Такой макулатуры о спасении навалом!

— Как книга ушла от вас?

— Нашелся один умник. Продал ее сектантам. Его уводили.

— Что, сразу заметили?

— Нет. Он попался на другом. Стали копать, проверять, всплыла и эта книга. Если бы не те дела, о ней бы не вспомнили.

— Понятно. Давайте, что вы там мне принесли.

— Вот, — Седых достал две толстые папки и протянул их Подольскому. — Если с собой возьмешь, за неделю дороги прочитаешь. Если что, звони — самому интересно.

— У меня в дорогу и так уже целый диск материалов от профессора. Что ж, скучать в поезде не придется.

— В последнее время в Чечне, да и здесь, многих друзей потерял. В Бога начал верить. Сейчас время такое, не знаешь, где спасения искать. Пытаюсь за слабый шанс ухватиться.

— А как же секта?

— Это все взаимосвязано. Возможно, Распутин и сектанты имеют общие цели, но средства у них существенно разные.

— А вы далеко, глубоко вникли.

— Можно знать многое, но не познать ничего.

— Тут важна фактологическая непогрешимость, а там — разберемся.

— Я сложил отрывки, как смог.

— И что?

— Получилась молитва. Он пересказывал фразы, взятые из Библии и молитвослова, но силы в ней не было. Я понял, что где-то ошибся, что-то упустил. В общем, отложил это дело. Тебе я свой вариант специально не дал, чтобы не сбивать и не путать.

— А сначала мне говорили — времени нет.

— Говорил. И это правда. Было бы больше времени, я бы, возможно, добился другого результата. Пойми, иногда

то, что хочешь, только кажется, что рядом. Ладно, Дмитрий. Давай собирайся, готовься, в поезде считаешь. Завтра за тобой машина приедет. Отвезут на вокзал и проводят. Вот тебе мои телефоны: прямой московский, мобильный и домашний. Звони, если что, но будь осторожен. Учти, они люди неглупые. Дело у них поставлено профессионально. Без наших бывших там не обошлось.

— Понял.

Дмитрий проводил полковника, посмотрел на принесенные им папки, хотел открыть, но передумал. Решил положить и убрал к остальным документам.

Смерть за царя

Кучер Егорыч остановил карету. Открыл дверь и низко поклонился. Первой вышла Анна Вырубова. Она помогла сойти царевичу Алексею. Мальчуган почувствовал свободу и побежал к фонтану.

— Ваша милость, куда вы?— возмутилась фрейлина. Анна посмотрела на императрицу, и та показала жестом, чтобы она не дожидалась ее и шла за царевичем.

Александра Федоровна медленно спустилась с подножки кареты. Глубоко вдохнув свежий воздух, немного щурясь, посмотрела в чистое голубое небо.

Услышав веселый голос Анастасии, взглянула на дочерей, которые вышли из второй кареты и, обсуждая новую книгу, направились во дворец.

Александра Федоровна отпустила сопровождающих царскую особу охранников и медленно пошла к фрейлине и сыну. Остановилась у фонтана, любуясь тем, как играет брызгами царевич.

В это время в Царском Селе наступило затишье. Николай II уехал со штабом к западной границе. Еще недавно бушевавший страстями и командами дворец опустел.

— Аннушка, скажи, что в мире нового? Ты недавно встречалась с членами кружка батюшки. О чем они думают, что говорят?

- Всеговорятвойне,—сухобросилафрейлина.
- Расскажи мне все, что знаешь. И не бойся, говори правду!—с акцентом потребовала императрица.
- А с какого времени?
- С того дня, как Григория убили. Мне интересно, поменялось ли что в этом мире?
- Да, перемен много. В феврале Германия напала на крепость Верден. Говорят, было большое наступление. Разгорелись сражения в Галиции и предгорьях Карпат. Там австрийцы голову подняли. Наши им хорошо поддали, если бы не помощь Германии, разбили бы их полностью.
- Не понимают люди, что убивать друг друга грех.
- Всех почему-то радуют победы на войне. Румыния вступила в Антанту.
- Прекрати мне говорить газетными фразами,—разозлилась царица. Она нахмурила брови и строго добавила: —Правду!
- Как прикажете. В начале лета еще ничего было, а теперь и думать страшно. Цены растут, как грибы после дождя. Спекулянты наживаются. По всей стране перебои с продовольствием. Да что говорить, и в армии то же самое. Солдаты голодные, злые.
- Мы вот с вами приехали в Царское Село. Тут тихо, выстрелов не слышно, а в городах беспокойно. Царя-батюшку уже не только господа, но и простые люди не уважают.
- Как это? Он же обо всех заботится.
- Ваши близкие друзья говорят, что царь стал близоруким. Не может повлиять на ситуацию в стране.
- Как это? Не может быть!—возмутилась императрица.
- Может,—с сожалением ответила Вырубова.—Не слушают его! Не верят! Недовольство растет. Что будет дальше, не знаю.
- Успокойся!—пригрозила Александра Федоровна.
- Аннушка пожалала плечами, взяла за руку царевича Алексея и предложила пойти во дворец. Царица пошла за ними. Она пристально наблюдала со стороны за своей фрейлиной. Ей хотелось задать ей один главный вопрос: неужели люди так быстро забыли о Распутине? Но она боялась это

сделать, так как знала, что Анна Вырубова может ответить то, что ее испугает. Она боялась, что во всех бедах и невзгодах страны и людей обвинят именно его. Многие укажут, кто сделал царя слепым и безразличным к внешнему миру, кто увел его во внутренний мир.

Но она была уверена, что ее муж Николай II старается изо всех сил. Он много встречается с военными, обсуждает дальнейшие действия и хочет исправить сложившуюся из-за изнурительной войны ситуацию в стране.

Вырубова неожиданно остановилась. Она как будто услышала мысли императрицы. Обернулась и, опустив глаза, произнесла:

— Не могут люди вам отца Григория простить. Не хотят слышать, что он был хорошим человеком. Все вероят сплетням и считают, что дыма без огня не бывает.

Выходной

Вадим проснулся раньше всех, разбудил остальных — пора готовиться к поездке в город Владивосток. На улице стояла жара. В этом регионе поздней весной подобное природное явление случается часто. Смелчаки уже открыли купальный сезон, но Вадим решил провести этот выходной в городе. Прогуляться по набережной, сходить в цирк или кино и посетить хороший ресторан. Пока Игорь и Олег собирались, он вышел на улицу и, увидев соседа Толика, предложил ему за столик помыть машину. Шустрый мужичок сбегал за ведром и тряпками и через полчаса сдал чистый сверкающий автомобиль Вадиму.

Еще через полчаса «тойота» подъехала к площади, и только теперь стало ясно, что все в одну машину не сядут. По родному городу можно было ездить и так, но ехать во Владик с лишним человеком было опасно. Игорь предложил бросить жребий, но вмешался Олег:

— Давайте я останусь. Мы с Юлей здесь погуляем, сходим в кино, в кафе.

Юля немного расстроилась. Олег обнял ее за плечи, достал из кармана деньги, показал их и с гордостью спросил:

— Вот этого нам хватит классно отдохнуть?

— Конечно, — загорелась девушка.

— Только ключ от комнаты оставьте, — попросил Олег.

— Будь осторожен, — предупредил Вадим. — Ты «друга» с собой взял?

— Да, — улыбаясь, ответил Олег.

Увидев пачку денег, Юля быстро повеселела. Поняла, что сегодня оторвется по полной. До этого она так рвалась во Владик! Надела модные джинсы с разноцветными заплатками, широкий низкий пояс и майку с блестящей аппликацией. Катя все утро накручивала и укладывала ей волосы. Девчонкам так хотелось блеснуть в приморском городе, но все вот так неожиданно рухнуло. Юля пошмыгала курносый носиком и согласилась остаться. Спорить смысла не было. Она решила, что так даже лучше, им никто не будет мешать. Вадим дал им ключ от комнаты, пожал руку и, хлопнув дверцей автомобиля, умчался.

— С чего начнем? — спросил Олег девушку.

— С кафе, где мороженое хорошее.

— «Шоколадница», что ли?

— Да.

— Пошли, — он взял Юлю за руку, и та легкой походкой полетела за ним. В кафе девушка заказывала мороженое, шоколад, фрукты, понимая, что такое случается не каждый день. Олег любовался тем, как отрывается Юля. Он тоже купил мороженое, взял шампанского и совсем забыл о том, какая угроза висит над ним. Изредка он вспоминал об этом, и его лицо вытягивалось, становилось злым. К тому же пистолет мешал ему за поясом и обжигал своим смертельным холодом.

Но долго побыть вдвоем им не удалось. Около «Шоколадницы» остановилась машина Вадима. Он вошел в кафе и отозвал в сторону Олега.

— Нам нельзя расставаться.

— Почему? — удивился тот.

— Сам знаешь, ситуация какая! Нужно быть вместе!

— А если менты во Владике остановят, мы сразу загре-
мим. Мало того что машина с лишним человеком, еще и
стволбу всех найдут.

— У нас что, денег мало?— возразил Вадим.— Я такси
нанял. Будет ездить за нами. Рассчитывайся, и поехали.
И так время потеряли.

— Хорошо,— согласился Олег. Он расплатился, взял
Юлю за руку и радостно произнес:

— Поехали! Праздник продолжается.

Юля, ничего не понимая, встала и пошла за ним. Села
в такси, а когда машина поехала за «тойотой» Вадима, со-
образила, в чем дело.

— Понятно! Вместе лучше! А то бы Катька с Раисой
скучала.

— Почему?— удивился Олег.

— Ну ты что? Она начальник и немного старше. Она
как мама, а мы как подружки.

— Понятно.

Такси, бывалая «волга», еле успевало за машиной Ва-
дима. Он притормаживал, но скоростная машина просила
скорости, и от этого он немного нервничал. Через полтора
часа друзья вышли к памятнику на центральной площади,
где солдат в вытянутой руке держит шапку. Купили моро-
женого, погуляли около подводной лодки и отправились
в ресторан Морвокзала. Игорь и Вадим решили, что имен-
но этот ресторан со старыми традициями достоин того,
чтобы оставить в нем деньги.

Юля по простоте душевной захотела пельменей, все
посмотрели на нее с недоверием. После этого она пред-
ложила Вадиму заказать для всех. Тарасов долго выби-
рал, советовался с официантом, но все же сделал заказ.
Шашлык, кальмары, странное блюдо из трепангов, крас-
ная икра, дорогое вино, фрукты и папоротник с нежным
вкусом грибов быстро появились на столе. Над столом по-
висло молчание. Никто не знал, о чем заговорить. Девчон-
ки стеснялись спросить лишнее. Спас положение Игорь.
Он вспомнил старое проверенное кино «Джентльмены
удачи». Все начали цитировать персонажей, вспоми-

нать смешные моменты и слово за словом разговорились о жизни.

Оказалось, что у Юли вся семья сидит на зоне, а она живет с бабушкой. Ее родители где-то на какой-то базе устроили семейный подряд. Катя была дочерью милиционера, но из вневедомственной охраны. Рая нехотя поведала о муже, о разводе и о том, как он ее каждый раз пьяный достает своими визитами. За ребята отдувался Олег. Он долго рассказывал, как красиво у него в деревне, какая добрая и заботливая у него мать и чудак-самоделкин — отец. Но закончил он свой рассказ мрачным сообщением, что почти все спились из-за того, что никакой работы поблизости нет. Один-единственный фермер что-то пытался сделать, но и его сломали налогами.

Время текло за беседой, планировался поход в кино на популярный отечественный боевик. Рекламу этого фильма они увидели на огромной афише. Но все планы могли рухнуть. За соседний стол сели двое в серых костюмах. Вадим сразу понял, кто это. Моргнув, предупредил Игоря, а Олег растерялся. Он с испугу стал пристально смотреть в суровые лица незнакомцев. Один из них не выдержал, повернулся к нему и грубо спросил:

— Ну че ты, баклан, уставился?

Пристальный взгляд в этих краях всегда воспринимался неадекватно. Считался вызовом или оскорблением.

— Все нормально, братан, отдыхаем! Или вопросы какие-то есть? — спокойно спросил Вадим.

— А ты че, дельный? — прорычал небритый качок в сером костюме.

Игорь сжал в куртке пистолет, Олег опустил глаза и немного занервничал, застучал вилкой по тарелке, пытаясь зацепить кусочек кальмара.

— Не напрягайтесь! — успокоил Вадим друзей.

Рая, не понимая, что происходит, вмешалась:

— Ну что вы, ребята? Мы сами по себе, никого не трогаем!

— Заткнись, кукла! Я че, с тобой базарю? — рыкнул небритый.

— Ты это, не хаами! — с хрипотцой ответил Вадим.

— Че ты сказал? — возмутился небритый и встал из-за стола. Второй, такого же размера, поднялся за ним. Не успел он сделать шаг к столу, как Вадим вскочил, выхватил из бокового кармана куртки пистолет и, прикрывая его рукой с салфеткой, направил на незнакомца. Небритый оставился.

— Вы чьи, птицы?

— А ты чей, голубь?

— Мы известно кто! Но можем и пояснить!

— Мы тоже не с дуба рухнули! Знаем, за что базарим! Кстати, кони, вы случайно нам привет от дяди Егора не привезли?

Услышав кодовое имя, небритый сделал шаг назад и посмотрел на второго, сутулого парня с вытянутым лицом.

— Так, братва, ша! Разошлись! — прохрипел второй. — Плетку спрячь, пока менты не нарисовались. Все! Терки закончены!

— Все так все! — ответил Вадим, убрал пистолет и сел на свое место. — Закрыли тему!

— Отойдем, потрещим? — предложил сутулый.

Вадим встал из-за стола и отошел с ним к барной стойке.

— Ты тут за дядю заикнулся? Что, знаком?

— Я мастер с Уссурийска. Заместо Нефедыча!

Сутулый шархнулся в сторону.

— А какого ж ты молчал?

— А что, если вы в серых костюмах, я должен вам докладывать?

— Нет, брат, ты что! Нет, да мы за тебя! Сам пойми, непонятка вышла!

— Что, бздишь, что на штырь нарвешься?

— Ты этим не шути! — сменив интонацию, ответил сутулый.

— А ты отдыхать не мешай! Видишь, мы с телками!

— Да! Давай закроем тему без передачи!

— Хорошо! Но дружба на своего предупреди, если он на моего помощника поперет — кончу.

— Базара нет! Все! Куда ему переть с одним легким!

— Я к своим!

— С нас пузырь шампуня. Только давай это, чтоб никто не знал.

— Что, все-таки боишься, что спросят?

— Я в своей жизни никого не боюсь, не этого базара опасаясь. Сам знаешь, какой у нас строгач.

— Хорошо! Забыли. Я пошел.

Сутулый остался у стойки. Попросил кружку пива, залпом выпил ее, вернулся к небритому и что-то шепнул ему на ухо. Олег и Игорь держали руки на курках пистолетов. Вадим сел за стол и, посмотрев в глаза друзей, улыбнулся и произнес:

— Разобрались! Свои!

Рая тяжело выдохнула, а Юля и Катя попросили налить им вина. Через пять минут небритый принес бутылку шампанского и промычал:

— Братаны, приносим извинения. Не знали.

— Бывает, — ответил Вадим. — Выпьешь с нами?

— От души!

Двое в серых костюмах подсели за стол. Заказали водки и стали намекать на возможность крепкой дружбы. Рая ерзала на стуле, да и остальным эта компания не нравилась. Вадим понял это и, поблагодарив за презент новых знакомых, рассчитался за стол и увел друзей. Серые костюмы хотели пойти с ними, но он резко отсекал их:

— Мы сегодня отдыхаем! Хотим побыть в своей компании!

— Как же? Мы же одна семья! — возразил небритый. Сутулый взял его за руку и спокойно ответил:

— Не будем мешать! Видишь, они отдыхают по-своему!

Небритый понял, качнул головой, пожал каждому руку, после чего две компании вышли из ресторана и пошли в разные стороны.

— Куда теперь? — с ухмылкой обратился к девушкам Вадим.

— В другой ресторан! — предложила Катя. — Я есть хочу! Эти не дали.

— Да, пошли в какое-нибудь маленькое кафе, — предложила Рая. — Только сначала давай оставим ваши игрушки в машине. Вы можете хоть раз в жизни расслабиться? Если что, у вас есть я!

Вадим улыбнулся, с доброжелательным любопытством посмотрел на Раю и согласился с ней. Остальные тоже. Ребята сгрузили арсенал в багажник «тойоты» и свободно вдохнули приморский воздух. Стараясь не думать о плохом, пошли искать хорошее кафе.

Что-то тяжелое отошло в сторону, и первый это почувствовал Вадим. Он знал, что пистолет — не выход. Если захотят разобраться, он может только помешать. Все годы, в армии и после нее, он всегда рассчитывал только на собственные силы. Пистолет был лекарством от страха. Он успокаивал, придавал уверенности, но все это происходило лишь с похмелья, когда в голове занозой сидит страх: пугаешься каждого шороха и милиционера. В трезвом состоянии он чувствовал уверенность: знал, что ответить и как выйти из самого трудного положения без применения силы. Сейчас эта уверенность вернулась, и он, расправив плечи, с удовольствием шел рядом с Раем. Эта женщина в том самом подаренном им платье, видимо, почувствовала его силу. Ее лицо изменилось, и ей было приятно находиться рядом с мужчиной, который не гнется из-за проблем. Игорь и Олег тоже преобразились. Один за другим полетели анекдоты, смешные истории.

Но дорога привела их на дискотеку КТОФ. Клуб Тихоокеанского флота встретилих с радостью. В баре Игорь и Олег стали заказывать самые дорогие и вкусные ликеры и коктейли. Девчонки упивались шампанским, стараясь не мешать его с другими напитками, чтобы не опьянеть и не испортить вечер. Затем заиграла музыка. Заняв угол в зале, друзья сделали свой круг и вспомнили, как когда-то в детстве умели танцевать. Окосевший Олег стал выдавать брейк-данс, но сильно ударился рукой и передумал выделяться. Все медленные танцы они плавали, забыв о том, что будет завтра.

Утомившись на дискотеке, друзья медленно пошли к машине, но Вадим не хотел заканчивать вечер. Он пред-

ложил зайти в гостиницу и снять номера. Компания его поддержала.

Администратор усомнился в трезвости гостей, но, увидев крупные купюры евро, разогнал все сомнения. Вадим снял три отдельных номера. Два были рядом, один напротив. Целый час расселялись и коллективно ходили друг к другу в гости. Затем заказали в ресторане ужин, который очень быстро принесли. Расположились в комнате Игоря. Ему повезло больше всех: из окна был виден залив Золотого Рога. Немного выпили, посмеялись и разошлись по своим комнатам.

Ночь прошла тихо. Лишь изредка Игорь и Олег пугали дежурную хождениями из комнаты в комнату в трусах и с бутылками.

Утренняя суета Раи достала всех. То она рвалась на работу и хотела заказать такси, то срочно ей нужен был телефон. Все бегали и успокаивали ее, выполняя прихоти, чтобы она не нервничала. Скорее всего, причиной нервного срыва была ночь «с самым сильным тигром в зоопарке». Через час она успокоилась.

Завтрак в ресторане, утренний морской воздух опьяняли. Никто не хотел возвращаться. Рая дозвонилась до директора, чего-то наплела, и тот разрешил сделать в магазине выходной. Вадим тоже не хотел возвращаться домой. Он знал, чувствовал, что что-то произойдет. Когда Олег предложил «забить на это дело», все дружно поддержали его. И опять начался выходной. Взяв шампанское и конфеты, друзья пошли к морю-океану. Закатав штаны, гуляли в прохладной прибрежной воде. Любовались яхтами. Вадим, как всегда, удивил народ. Он договорился с яхтсменом, и тот за нескромную сумму прокатил их на яхте. Сделал все, как попросил Тарасов. Они отошли от берега так далеко, что со всех сторон до горизонта была лишь вода. Тарасов забрался на корму, и как артист в кино «Титаник», долго стоял, расправив руки.

Яхта вернулась к пристани. Решение идти в кино было принято единогласно. В кассе выбрали vip-места, чтобы прочувствовать весь «правильный звук». Купили, как аме-

риканцы, каждому по большому кульку попкорна, по бутылке пепси.

На экране герой бился с силами зла. Он был Избранным и шел к своей цели. Вадим смотрел этот фильм, но думал о своем:

«Неужели что-то подобное может быть в жизни? Неужели эти люди не понимают, что творят?»

— Ну, как фильм? — услышал он за спиной знакомый голос. Вадим хотел обернуться, но его резко предупредили: — Сиди, не крутись! Это я, дядя Егор, привез посылку от вашего мальчика.

— Что? Что-то случилось? — сдавленным голосом спросил Вадим. Он посмотрел на друзей и понял, что они слишком увлечены фильмом и ничего не слышат.

— Да так, кое-что! — ответил дядя Егор, положив правую руку ему на плечо. Вадим увидел, что она забинтована.

Взгляд со стороны

Вечером Дмитрий Подольский сел в поезд. Ему оплатили отдельное двухместное купе, но ехал он один. Утомленный, он сразу лег спать. Проснулся утром, разложил на свободном диване по стопкам документы и попросил у проводницы чаю. Поезд мчался на восточную окраину страны. Колеса стучали, а в окне одни пейзажи сменяли другие. Дмитрий открыл ноутбук, просмотрел папки, не зная, с какой начать. Вышел в тамбур, покурил, заметил, что парень из соседнего купе следит за ним. Проверил в боковом кармане полученный от Олега Михайловича «макаров», затушило окурок и вернулся в купе.

«Так! Документы Кружева я пролистал. Интересно, что мне принес “Черный полковник”?» — подумал он и взял в руки верхнюю папку.

Открыв ее, Дмитрий увидел распечатанный текст книги Илиодора «Святой черт». Прочитал несколько страниц и отложил ее в сторону. Сейчас он не мог воспринимать грязь, сказанную о Распутине. Решил позже изучить

текст, потому что заметил, как грамотно подаются некоторые выходы старца. О том, сколько женщин с ним пошли в баню и как некая прихожанка каялась Илиодору в грехах, виновником которых был Распутин. Подольский не смог удержаться и заглянул на страницы, где были расшифрованы каракули старца: буквы, цифры, непонятные краткие пояснения. Во всем этом Дмитрий увидел систему кодировки. Механическое раскодирование ни в коей мере не отразит идеологию самого Распутина. Он пока не знал, как правильно складывать информацию, но уже видел понятные ему сноски на тексты. Номера страниц, абзацев — все это было просто, а вот некие пояснения типа «отон», «за М» — как-то выпадали из общего видения. Возможно, «за М» означало «записала Мама» — так он называл царицу. А «отон» — означало «от слова он» и так далее. Возможно, все это так и было, но Дмитрий чувствовал, что это отвлекающий ход. Нужно рассматривать эти записи как некую целостность. И тогда они смогут явить нам то, что неразлично для сектантов. Григорий Ефимович был хоть и деревенский мужик, но он слишком неординарно видел суть человека и его поступков. Он знал, что такое историческая жизнь нации. Все великие открытия, теоремы, формулы удивляют своей простотой, но, чтобы дойти до этой простоты, люди потратили целые жизни.

Дмитрий решил не торопиться, почитать о Распутине, увидеть старца со стороны и для этого выбрал из электронных документов воспоминания очевидцев. Поместил в отдельную папку. Его интересовало, как люди, знавшие Распутина, воспринимали и видели этого странника. В этой папке все материалы Подольский разделил на две части: в первой были свидетельства тех, кто участвовал в убийстве или имел к нему отношение, во второй — очевидцев, знающих Распутина, и тех, кто вел расследование по убийству и деятельности старца.

Первым для изучения документом Дмитрий выбрал воспоминания В.М. Руднева под названием «Правда о царской семье, Г.Е. Распутине и «темных силах»».

Руднев в то время состоял товарищем прокурора Екатеринославского окружного суда. 11 марта 1917 года ордером министра юстиции Керенского он был откомандирован в Петроград, в чрезвычайную комиссию по расследованию злоупотреблений бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц. В Петрограде во время следствия он получил специальное поручение обследовать источник «безответственных» влияний при дворе, причем этому отделу комиссии было присвоено наименование «Обследование деятельности темных сил».

Работа в комиссии продолжалась до последних чисел августа 1917 года. Затем В.М. Руднев подал рапорт об отчислении его «ввиду попыток со стороны председателя комиссии Муравьева побудить на явно пристрастные действия».

«Ну вот, — подумал Дмитрий. — Его подбивали на то, чтобы опорочить Распутина. Значит, кому-то это было слишком выгодно?»

Руднев указывал, что лично рассмотрели и разобрал архивы Зимнего дворца, Царскосельского и Петергофского дворцов, а также переписку государя, императрицы, некоторых великих князей, а также переписку, отобранную при обыске у епископа Варнавы, графини Игнатьевой, доктора Бадмаева, В.Н. Воейкова и других высокопоставленных лиц.

При производстве расследования было обращено особое внимание на личность и деятельность Распутина, А.А. Вырубовой, а также отношение царской семьи к германской императорской фамилии.

Следующие строки Подольский с удивлением прочитал вслух:

«Прибыв в Петроград в следственную комиссию, я приступил к исполнению моей задачи с невольным предубеждением относительно причин влияния Распутина вследствие читанных мною брошюр, газетных заметок и слухов, циркулировавших в обществе, но тщательное и беспристрастное расследование заставило меня убедиться, насколько все эти слухи и газетные сообщения были далеки от истины.

Одним из самых ценных материалов для освещения личности Распутина послужил журнал наблюдений негласного надзора, установленного за ним охранным отделением и веденного до самой его смерти. Наблюдение за Распутиным велось двоякое: наружное и внутреннее. Наружное сводилось к тщательной слежке при выездах его из квартиры, а внутреннее осуществлялось при посредстве специальных агентов, исполняющих обязанности охранителей и лакеев.

Журнал этих наблюдений велся с поразительной точностью изо дня в день, и в нем отмечались даже кратковременные отлучки, хотя бы на два-три часа, причем отмечалось как время выездов и возвращений, так и все встречи по дороге. Что касается внутренней агентуры, то последняя отмечала фамилии лиц, посещавших Распутина, и все посетители аккуратно вносились в журнал; при этом, так как фамилии некоторых из них не были известны агентам, то в этих случаях описывались подробно приметы посетителей».

Дмитрий вышел покурить в тамбур. Встал у окна и засмотрелся на бесконечные провода.

«Слухи не подтвердились, — подумал он. — Об этом говорит человек, который вел следствие. Да и как там могло что-то произойти, когда со всех сторон велось наблюдение — слежка работала круглосуточно. Все фиксировала и докладывала. Возможно, у этих людей из охраны была иная задача — найти порочащие подтверждения, но их не было, а соврать никто не решался. Любой шаг Распутина можно было отследить и проверить... Несмотря на слежку, слухи рождались. Кто был так заинтересован в этом? Феликс Юсупов? Нет, этот человек восстал ввиду оскорбления собственной жены, якобы она отвлекла от императрицы Распутина в момент перевозбуждения. Поступилась честью и спасла царицу. Это одна из версий, но она тоже уязвима.

Кружев указывал, что великий князь Дмитрий и Юсупов были людьми нетрадиционной ориентации. Женщины их не интересовали. Если это так, то можно понять, почему в доме Юсупова на верхнем этаже переодетые в женщин

мужчины устраивали пляски. Эти люди очень чутко умеют чувствовать опасность, среди них нет ярости и стремления быть вожаком стаи! А что же тогда? Нравы того времени? Нет, им было плевать на общество! А что же тогда? То, что они состояли в масонской ложе? Масон Юсупов отомстил за поруганную честь жены? Нет. Это бы всплыло, раз такая слежка велась. Скорее всего, факт связи жены Юсупова с Распутиным—очередной вымысел. Скорее всего, причина гораздо проще. Начался передел власти. В том числе церковной. Особенно это касалось кандидатур на посты руководителей Святейшего Синода и передвижения епископов в различные епархии. На последнем этапе своей жизни Григорий Распутин принимает участие и в подборе кандидатур на посты министров и губернаторов. Он не настаивает—он высказывает только свое мнение. А царь воспринимает его мнение как санкции Божественной власти. Получалось, что опосредованно, через свою духовную власть Распутин ставил на должности своих людей, а это многим не нравилось. Люди стали терять деньги, и, возможно, очень большие.

Руднев как-то странно описал отношения Распутина и бывшего министра внутренних дел А.Н. Хвостова. Сначала министр платил ему деньги, хотя это тоже под вопросом, а Распутин, в свою очередь, проводил при дворе кандидатов на желательные посты. Через два месяца их союз рухнул. Руднев указывает, что Распутину это не понравилось, он предупреждал Хвостова и Белецкого, последний был директором департамента полиции, что это сокращает круг его клиентуры. Но какая клиентура была у Распутина? Были люди, которые шли к нему с душевной болью и проблемами. Он не мог их считать клиентами и не имел ничего, все раздавал. Тот же Руднев свидетельствует, что Распутин не был богатым, отдавал все, что у него появлялось: дорожные деньги, пожертвования. Двери в его доме были всегда открыты. Любой мог обратиться к старцу. Но Руднев мог быть предвзятым, он ведь был человеком высокого положения и имел не только власть, но и хорошие связи. В какой-то момент в нем проснулась совесть, и он

стал реально отслеживать события и факты. Но понять главного противостояния он не смог: столкновение людей, теряющих деньги, и тех, кто хотел спасти страну от гибели.

Стоит учесть, что эти воспоминания написаны после революции. Он оказался одним из тех, кто вспомнил пророчества старца и попытался хоть как-то искупить вину. А вину, видимо, он чувствовал, может, за то, что пустил все на самотек, не смог настоять на своем, доказать правоту и снять с Распутина обвинения? Увидев, что впоследствии произошло в стране, а главное, потеряв все, что у него было, он наконец-то прозрел».

Дмитрий заказал еще чаю и вернулся в купе. Взял в руки воспоминания Руднева и продолжал чтение:

«К сказанному выше необходимо добавить, что Распутин несомненно обладал в сильной степени какой-то непонятной внутренней силой в смысле воздействия на чужую психику, представляющей род гипноза. Так, между прочим мной был установлен несомненный факт излечения им припадков св. Витта у сына близкого знакомого Распутина — Симановича, студента Коммерческого института, причем все явления болезни исчезли навсегда после двух сеансов, когда Распутин усыплял больного.

Запечатлен мною и другой яркий случай проявления этой особенной психической силы Распутина, когда он был вызван зимой 1914—1915 года в будку железнодорожного сторожа Царскосельской дороги, где после крушения поезда лежала в совершенно бессознательном состоянии, с раздробленными ногами и тазобедренной костью и с трещинами черепа Анна Александровна Вырубова. Около нее в то время находились государь и императрица. Распутин, подняв руки вверх, обратился к лежащей Вырубовой со словами: «Аннушка, открой глаза». И тотчас она открыла глаза и обвела ту комнату, в которой лежала. Конечно, это произвело сильное впечатление на окружающих, а в частности на их величества, и, естественно, содействовало укреплению его авторитета».

Анна Вырубова была фрейлиной императрицы. На глазах у царской семьи Распутин вылечил ее, привел ее в чув-

ство. Это уже не гипноз и не психическое воздействие. Как повлиять на человека, если он без сознания? До сих пор мы не можем объяснить этого, есть лишь версии.

Причем Распутин мог воздействовать и по телефону. У больного царевича Алексея началось сильное кровотечение, когда император взял его с собой вставку. Распутин по телефону сказал, что оно прекратится в 18.30. Именно в это время кровь остановилась. Кем же он был, Распутин—мужик из Тобольской губернии, родившийся в селе Покровском? Стоп! Покровское, а тот убитый в подъезде дома профессора был из села Покровка Приморского края! Совпадение? Возможно. А может, и нет...

Стук в дверь оборвал ход его мыслей. Дмитрий открыл и увидел проводницу. Она мило улыбалась, держа в руке три стакана чая.

— Хороший заварила. Крепкий. А сахар отдельно. Сколько хотите?

— Давайте всетри.

Подольский взял стаканы, поставил их на столик перед окном, достал купленные на вокзале бутерброды, посмотрел на часы и решил через пару часов сходить в ресторан. Время летело быстро. Он вновь погрузился в раздумья.

Царь не был простачком. Он сразу бы понял, что Распутин пользуется своим положением, чтобы продвинуть нужных людей. Почему он смирился и молчал?

У Руднева об этом было написано так:

«Источником средств для Распутина служили те прошения разных лиц по поводу перемещений, назначений, помилований, которые составлялись на высочайшее имя и передавались во дворец через его руки. В целях большей авторитетности своего голоса Распутин поддерживал такие ходатайства при беседе с его величеством, облакая их в особые формы предсказаний и подчеркивая, что удовлетворение этих просьб ниспошлет особые дары и счастье царской семье и стране».

Все это подтверждает, что он создавал оборону вокруг царской семьи — защиту из нужных людей. И это никому не нравилось. Сильный царь — это узурпатор. Его нужно при-

землять, а то, не дай Бог, головы срубать начнет! Все во все века именно так и думали. Всем хотелось видеть слюнтя, слабачка и крутить у него за спиной свои делишки. Даже если и брал Распутин деньги, то на дорогие вещи не тратил. Он видел, сколько нуждающихся рядом, вот только о семье забыл. После его смерти у семьи Распутина ничего не осталось. Хотя нет! Осталось имя, которое кормило и спасало. Так что же там происходило на самом деле? Одни боролись с другими за прибыльные должности? Или кто-то реально хотел развалить страну, а Распутин противостоял этому?

Дмитрий решил перейти к другим документам и изучить, что говорили о Распутине остальные, но неожиданно в конце последней страницы увидел знакомое название книги «Святой черт». Он вгляделся в текст:

«Года за полтора до переворота 1917 года известный бывший монах Илиодор Труфанов прислал в Петроград из Христиании свою жену с поручением предложить царской семье купить у него в рукописи написанную им книгу, выпущенную впоследствии под названием «Святой черт», где он описывает отношение Распутина к царской семье, набрасывая на эти отношения тени скабрёзности. Этим вопросом заинтересовался департамент полиции и на свой страх и риск вступил в переговоры с женою Илиодора о приобретении этой книги, за которую Илиодор просил, насколько помню, 60 000 рублей. В конце концов дело это было предоставлено на усмотрение императрицы Александры Федоровны, которая с негодованием отвергла гнусное предложение Илиодора, заявив, что белое не сделаешь черным, а чистого человека не очернишь».

«Эх, государыня, — подумал Подольский, — очернили, и еще как! Теперь очень трудно доказать миру, что Распутин был хорошим человеком. Для всех он — воплощение зла. Этого хотели и добились».

Дмитрий, немного расстроившись, взял сигареты и вышел в тамбур. Закурив, он вновь стал смотреть на бесконечные линии проводов. Где-то вдалеке у леса виднелась деревушка, но и она вскоре растаяла в начинающих зеленеть кустах и деревьях.

Было ясно, что надо ознакомиться с воспоминаниями священников. Дмитрию не терпелось начать складывать код: фразы, слова... Илиодор наплел многое со зла, собрал в кучу сплетни. Может, денег хотел, как это Руднев показывает, а может, это было частью плана. Какого-то зловещего действия, последствия которого докатились до сегодняшнего дня. Страну разрушили, весь цвет нации истребили! Неужели вот так глобально мог кто-то все задумать? Конечно, что там мог старец-экстрасенс. Видел, кричал! Его слышали враги — убрали и очернили, а свои осознали его слово, когда потеряли его. Возможно, сейчас пришло время реабилитации? А может, мы действительно стоим перед порогом, за которым спасение. И он дал нам маленькую соломинку, с которой мы все вышлывем — спасем себя.

Хотелось взяться за его послание, но он чувствовал, что не готов к этому.

Дмитрий вернулся в купе. Взял свидетельство епископа Гермогена, сказанное мужу дочери Распутина В.Н. Соловьеву. Внимательно прочитал его и усмехнулся: ну и ловкач этот епископ. Сначала говорит, что верил в его миссию, потом стал бороться с ним, но осознал, что не прав. А когда прочитал в газете об убийстве Распутина, услышал его голос: *«Чему обрадовался?.. Не радоваться надо, а плакать надо! Посмотри, что надвигается!»* С трудом дождался вечера, отслужил панихиду и духовно примирился с ним. Ловко — ничего не скажешь! А виноват во всем, конечно, презренное существо Илиодор! Он вертелся рядом и внушал злобу епископу.

Эх, люди! Какой народ вы могли за собой вести, если в себе запутались! Веру предали! А когда, интересно, это написано?

Дмитрий посмотрел последнюю страницу и увидел, что она датирована 1919 годом.

Все понятно! Революция уже случилась. После нее можно было говорить что угодно. Голос он услышал? А чего он его раньше не слышал, не помогал? А ведь уважаемый человек. Его при дворе принимали и прислушивались к нему. Можно понять царя. Пришел этаким священник с

седой бородой и начал свою тему гнуть. Грязью обливать. И как поспоришь, человек жизнь прожил, сан духовный имеет, а своего ума, оказывается, не нажил. Кого-то крайним делает, ссылается, что Илиодор виноват. А сам что? Предал, и этот факт неоспорим!

Дмитрий выпил холодного чая, доел бутерброд и стал рассматривать уходящую вдаль дорогу. Неожиданно ему пришла в голову мысль найти воспоминания Вырубовой. Распутин спас ее, да и она, будучи фрейлиной, знала обо всем, что творится в царской семье. Он стал перелистывать бумаги и в одной из папок увидел: «А.А. Вырубова. “За все годы ничего непристойного не видела и не слыхала о нем”».

«Ну вот! Само название за себя говорит. Можно и не читать, но раз решил, полистаю», — Подольский взял в руки страницы и стал читать воспоминания фрейлины императрицы.

Перед самым убийством она по поручению императрицы должна была отнести икону Знамения Божьей Матери, привезенную из Новгорода. Вырубова боялась сплетен, не хотела лишний раз ходить к тому, кто спас ей жизнь. Ведь каждое посещение расценивалось вполне определенно. Позже эта самая икона из Новгорода окажется в могиле Распутина и на ней оставят свои подписи все члены царской семьи. Что это, дань уважения? Или, может быть, нечто более значимое? Возможно, тогда об этом знали лишь избранные. Молчали потому, что очень боялись этой тайны. Но сегодня эта икона не просто символ — это ключ к главному событию, раскрытию кода, оставленного старцем, и проведению службы по возвращению на Русь помазанника Божьего. Распутин знал, что так и будет, собрал на ней благословление тех, кто его услышал, — людей, ставших сегодня святыми. А услышала его вся царская семья. Но они не смогли противостоять вырвавшемуся наружу злу. Все в то время говорили: «Распутин — темная сила — зло», но не прошло и двух лет после его смерти, как все вспомнили его пророчество и увидели настоящее зло. Спихватились, стали вымаливать прощение, но красная гидра уже поглотила

страну. Как ни странно, предали царя почти все. А потом осознали, что предали сами себя. Нельзя поднимать руку на Святое— помазанника Божьего, через которого на нас снисходит Благодать Всевышнего. Вырубова вспоминала:

«Преданные родственниками, оклеветанные людьми, которые в глазах всего мира назывались представителями России, их величества имели около себя только нескольких верных друзей да министров, ими назначенных, которые все были осуждены общественным мнением. Всем ставилось в вину, что они назначены Распутиным. Но это суцая неправда».

...Нет, это как раз правда. С царем остались те, кого успел приблизить Распутин. Они знали нечто большее, чем продажные царедворцы. Стояли до конца, но их раздавило предательство народа. Позже все нахлебались крови, но тогда они не верили в такой исход. Они вообще ни во что не верили. Им хотелось растоптать, унижить все святое, царя, страну и веру. Как ни странно, у тех, кто не умел читать, писать и говорить, нашлись покровители с мозгами, и все это получилось...

Дмитрий с появившейся в душе злостью стал просматривать остальные страницы воспоминаний фрейлины императрицы:

«Все книги полны рассказами о влиянии Распутина на государственные дела, и утверждают, что Распутин постоянно находился при их величествах. Вероятно, если быя стала это опровергать, то никто бы мне не поверил. Обращу только внимание на то, что каждый его шаг, со времен знакомства их величеств у великой княгини Милицы Николаевны до его убийства в Юсуповом доме, записывался полицией».

В купе выключили свет. Загорелась тусклая ночная подсветка. Дмитрий вышел в тамбур, прикурил сигарету и задумался.

Распутин не был монахом или священнослужителем. Он был странником— простым мужиком, в котором проявилась особая сила видения грядущего. Конечно, он выпивал и, как мужик из провинции, вел себя неадекватно.

Позволял себе застолья и веселье. Но он не имел сана и ничего не нарушал. Для русского мужика это нормально: цыгане, веселье, попойки. Но он был еще и паломником. Ходил по святым местам. Все видел, все примечал: «В Вифлееме громадный храм, много в нем престолов и наций и всяких удобств, но для русских паломников всегда одни неудобства. Зато когда увидишь ясли Самого Спасителя—забудешь усталость и многие разные интриги. Приклонились к Его яслям, и не верится от радости, что Бог милость Свою явил к нам. Где родился Христос—поклонились, и где положили Его, то место тоже облобызали странники и паломники, и у всех радость в лице! Тут же Ирод избил младенцев. Какое зло и зависть повлияли на него, что он решился в своем народе убить младенцев, и не постыдился насмешек своих близких, и не сжалился над детьми. Сколь коварна зависть. Тут и пещера всех избитых младенцев, много тысяч числа их. Русские паломники с ужасом посмотрели на Иродово зло и на его коварную зависть, а о младенцах невинных, чьи косточки лежат здесь,—поплакали! Каково было матерям с ними расставаться! Зло и зависть до сих пор в нас, между большим и более великим, и интрига царствует в короне, а правда, как былинка в осеннюю ночь, ожидает восхода солнца, как солнце взойдет, так правду найдут».

Набравшись знаний, осмыслив все человеческие беды и пороки, предупреждал и исцелял. А теперь мы, потомки, по прошествии стольких лет понимаем, что как мужик из деревни он ничего особенного и сверхвызывающего не совершил, а вот как пророк оставил нам знание о силе молитвы, способной исцелять неисцелимое, и саму молитву, причем закодированную, чтобы ее не очернили, не изгадили. И расшифровать ее должен чистый человек, не такой грешник, как Дмитрий. Но ему пора нести свое, как было сказано, ту часть, которая откроется ему. Пусть он ничего не узнает, но этим шагом приблизит того, кто появится после. Нужно только найти исток пути, по которому мы можем выйти к свету.

Подольский вернулся в купе, допил чай, доел бутерброды. В ресторан он так и не сходил, решил, что утром плотно позавтракает. Расстелил постель, лег и долго не мог уснуть, размышлял о том времени, революции, страннике, который пришел из Сибири, где до сих пор можно встретить людей с простой русской душой.

— Завтра начну с Феликса Юсупова.

Очищающая злость

— Выйдем, — предложил дядя Егор.

— Хорошо. Иду, — согласился Вадим. Он встали, аккуратно пробираясь, шепнул Рае, что скоро вернется.

— Что скажешь, мастер? — спросил в курительной комнате около туалета Егор.

— А что я должен сказать?

— Как так получилось, что ты меня научил?

Вадим осмотрелся по сторонам, понял, что Егор один, и решительно спросил:

— Чему научил?

— Очищению! Ты прав! Запустил я себя. Грязи во мне много. Люди искусства своими прозрениями делают нас зрячими.

— Замечательный результат.

— А ствол твой где? — сухмылкой спросил Егор.

— В машине.

— Понятно. Ладно, я темнить не стану! Ты, наверное, думаешь, что мы уроды какие-то? Людей убиваем, секту держим? Денег немерено?

— А что — нет?

— Нет, сынок. Все совсем по-другому. Ты заставил меня удивиться второй раз. Понимаешь, твоя ярость обладает особой силой. В каждый штырь ты вложил ее. Именно она — главное. И она оказалась сильнее меня.

— Я вам правду скажу, а вы что хотите, то и сделайте! — вышалил Вадим.

— Правду? Какую? — удивился Егор. — То, что вы штыри святой водой протирали?

— Нет, духов из подземного чума задействовали, — ухмыльнулся Вадим.

— Неужели ты думаешь, что я от этого руку сжег?

— Соверши благодеяние, и рука заживет. Так батюшка сказал.

— Твой батюшка сам урка меченый. Нашел кому верить.

— Знаю, я с ним торчал. Но разве он не был никому полезен все эти годы?

— А то, что у него бригада, знаешь? Они магазины, рынок, да и многих барыг контролируют.

— Нет. Не может быть. Он вроде отошел от этого.

— Куда отошел? Год в церкви послужил спокойно и начал пригревать тех, кто откинулся. Стал бабки в дела вкладывать, барыг поднимать, а некоторых ломать. Хотел «пятаки» засеять, но мы не дали. Это наше дело, и мы его уже много лет пасем.

— Я так и думал, что лавэ ваше от наркоты. У кого еще столько может быть?

— Нет, наркота — дело третье. У нас, мастер, банки и заводы работают на цель великую. Я тебе расскажу как-нибудь. А то, что людей прожигаем, так это мы землю нашу очищаем от тьмы. Что, не верится?

— Разве я отказывался сотрудничать? Нарушаю обязательства? Нет, я вам верю. Я сам беспредел не уважаю, но чтобы вот так целая организация этим занимается — странно!

— Я знал, что ты освятил штыри, и знал, что был у батюшки. Что может этот священник сделать? В глаза водичкой с химией разбавленной побрызгать, чтобы выпить не смогли? Дал бутылку святой воды. Меня это не испугало, я церковь регулярно посещаю. Стараюсь не грешить, а когда приходится это делать ради нашей цели, каюсь, ищу прощения. Мы — то люди спокойные, честных людей не трогаем. Нам нужна сила — ярость, и ты ее вложил от души!

— Я пока что-то слабо вникаю про ярость.

— Твоя ярость особой энергией обладает. Мы это еще по ножам колючим заметили. Но не верили, что ты такой

внутренне сильный. Мне теперь нужно постараться, очистить себя, чтобы я соответствовал этой силе. Загадил душу разборками да общением со всякой мерзостью, а ты напомнил мне, кто я. Разве может в нашей православной стране вершить справедливость нечистый человек?

— Скажите честно, что вам нужно от меня?

— Твоя уверенность, ярость и сила. Все это — энергии. Может, ты не знаешь, но в тебе они кипят. Лучшего мастера нам не найти. Я познакомлю тебя с Отцом. Он хочет поговорить с тобой, объяснить, кто мы. Сам все увидишь, услышишь и поймешь. Твою ярость он хочет несколько систематизировать.

— Вы, по крайней мере, осознаете, что в ответе за тех, кого приручили?

— Отдыхай. Деньги нужны?

— Нет, я еще тебе не потратил.

— Все равно возьми.

— Почему вы мне столько денег даете? — вскинулся Вадим.

— Деньги — это тоже энергия. Она имеет свое соответствие. Вот, например, твой друг Игорь: как бы он ни старался, он не сможет принять больше штуки. Деньги к нему не приживутся. Столько энергии в него не влезет. А ты создаешь столько, что я еще тебе должен остаюсь. Все просто. Ты даешь силу нам, мы ровно столько же возвращаем тебе. Должно быть равновесие. Если я возьму слишком много, не смогу правильно распорядиться. Не унесу. Поэтому делаю возврат другой энергией. Деньги — это такая грязь! За ними стоит кровь, смерть, голод, нищета, унижение, все пороки, которые известны людям. Но ты перевешиваешь и сжигаешь все это. Твоя злость очень сильна. Видимо, война наградила тебя силой. Ты нам нужен. Твой ум, неиссякаемая энергия обеспечат тебе после нашей победы славу и роль первого Мастера Власти. Отец сказал, когда ты все узнаешь, то и уговаривать тебя не придется.

— Цель, вы сказали? Великая цель?

— Спасти всех нас и страну нашу убогую, — опустив голову, ответил дядя.

— Хорошо. Мы еще сегодня погуляем, а завтра я вернусь. Приезжайте, поговорим конкретно. Я тоже вслепую не могу такие вещи делать. Как-то неприятно.

— Понятно. Скоровсе узнаешь. Кстати, к тебе едет твой боевой дружок.

— Кто?

— Подольский.

— Что, прямо ко мне из Москвы?

— Да. У него цель — выйти на меня.

— Неужели он красным стал? Он был журналистом.

— Прижали. Жмурик на нем висит, которого он не делал, но на него повесили.

— Какбыть?

— Повстречай и позвони мне. Вот телефоны. И еще, купи себе сотовый, чтобы я за тобой не бегал. Или, может, тебе подарить?

— Нет, сам куплю.

— Купишь, перезвони. У меня номер определится.

— Хорошо.

— Пошли, а то тебя, наверное, потеряли. Фильм давно кончился.

Вадим вышел в холл кинотеатра. Вся компания ждала его около бара. Увидев дядю Егора, Олег вытянулся, а Игорь, заметив забинтованную руку, замер на месте с бокалом пива.

— Все нормально, — крикнул им Вадим.

— Ну ладно. Давай! Пока. Деньгу возьми, — с улыбкой предложил Егор.

Тарасов молча сунул в карман пачку, кивнул головой и пошел к друзьям. Егор вышел из кинотеатра, сел в джип и уехал.

— Все нормально, чего вы тут притухли? — поинтересовался у друзей Вадим.

— Так это у него жрука сгорела? — заметил Игорь.

— Оказывается, это к лучшему.

— Да? — удивился Олег. — Ну все, теперь не отмажемся.

Придется пахать на них, пока не завалят.

— А ты что, перетрудился? — сурово спросил его Тарасов.

— Нет.

— Завтра разберусь, что к чему. Мне кажется, не все так плохо.

— Что он тебе наговорил? — подал голос Игорь.

— Да так, без понтов поговорили. Вроде мужик серьезный.

— Еще бы, — усмехнулся Игорь.

— Не скалься. Я сам запутался. Не знаю, что делать и говорить. Знаю только одно: нам никто не угрожает, можно отдыхать спокойно.

— Как здорово! — воскликнула Катя. — Пошли в кабак, отметим!

— А что, пошли! Я очередной аванс получил! — ответил ей Вадим, а сам посмотрел на Раю. Улыбнулся и добавил:

— Давайте сначала в магазин зайдём. Купим что-нибудь приятное.

Хороший магазин попался сразу. Девчонки дорвались, покупали себе и своим спутникам подарки. Платил за все Вадим. Он не жалел денег. Настроение у него было хорошее, хотелось скорее узнать, что это за люди — заказчики штырей. Он думал и сомневался: неужели они пытаются спасти всех нас? Возможно, их жестокие убийства — это не столько ритуал, сколько нечто демонстративное для тех, кто еще не понял, что они очищают землю. Подобные мысли приходили сами. Вадим хотел посоветоваться, но не знал с кем. Игорь был увлечен Юлькой. Его тоже отпустил страх, и он, расслабившись, стал какой-то добрый и смешной. Олег вообще потерялся. Он хотел все время обратить на себя внимание, но Катя прерывала его и уводила в сторону, показывая какую-нибудь забавную безделушку в палатке. Олег скупал все, как китайский торговец. На вопрос «зачем?» он отвечал, что каждая мелочь будет напоминать этот счастливый день. Затем зашли в магазин сотовой связи. Выбрали дорогие и красивые телефоны и долго перезванивали друг другу.

После магазина в новых шмотках вся компания завалилась в уже знакомый «Погребок». И опять были ребрышки, горшочки, вино и шампанское.

Вечером Вадим увидел, что около его машины стоит тот же таксист, что привез их. Увидев Вадима, он радостно спросил:

— Все, нагулялись?

— Да. А вы что не уехали?

— Ты же мне сто евро дал и еще столько же пообещал. За эти деньги я готов неделю дежурить.

Друзья рассмеялись, сели в машины и вернулись в Уссурийск. Рая долго сомневалась, но все же увела в этот вечер Вадима к себе на квартиру. Конечно, боялась, что заявится пьяный муж и Вадим его изобьет. Но муж не пришел, все сложилось удачно. Остальные пошли в комнату. Что-то купили и всю ночь вспоминали, как они отдохнули. Особенно запомнилось путешествие на яхте.

Утром Вадим вернулся в общагу. Он уже отвез Раю и, встретив у подъезда девчонок, прокатил их до магазина заодно. Купил продуктов.

Игорь и Олег сидели на диване: тянули из бокалов красное вино.

— Ну что, в цех? — спросил его Олег.

— Нет, в церковь, — сухо ответил Тарасов.

Через час машина остановилась у церковных ворот.

— Сидите здесь! Я скоро, — приказал Вадим. Он зашел в церковь и, увидев настоятеля, кивнул головой, вызывая его на улицу. Трифон сразу вышел.

— За что закодировал химией?

— Чтоб не сорвались.

— Ответь мне, батюшка, ты че, братву держишь?

— А ты кто такой, чтобы спрашивать?

— Прихожанин. Причем честный, со своей бедой и болью.

— Есть пара человек. И что?

— Как что? Ты же сам учил, как бы ни было плохо, на этот путь не становиться!

— Так вышло. Помог одному коммерсанту, дал церковных денег, выручил. А он посмеялся и кинул меня. Тут Тополь откинулся. Пришел со слезами денег просить, а я ему сдуру ляпнул, что дал бы, да забрать долг не могу.

Мне драться нельзя, наезжать тоже, вот он и сходил. Потом он встретил других, кто с зоны пришел. Вижу, что ребята на дело готовы идти. Приструнил. Стал около себя держать. Решил, лучше я за ними присмотрю. Дорожка-то одна — в зону. Посмотрел на родных и пожалел.

— И авторитетом стал? — с издевкой спросил Вадим.

— Хватит тут слова выплевывать. Таким, как они, пастих нужен. Ты же знаешь Тополя. Он неделю на воле, пятарик в зоне за ерунду.

— Знаю, и что он, теперь человеком стал?

— По крайней мере, второй год с семьей живет. Машины купил.

— Что, заработал или тоже отнял?

— Чего ты хочешь? — со злостью спросил Трифон. Подошел ближе к Вадиму и как-то сверху посмотрел ему в глаза колючим взглядом.

— Не пробьешь! Видал я и посильнее! Меня грузил за тачку, а сам? Говорил, что с сектантами хочешь разобраться? А ты о них что-нибудь знаешь?

— Знаю!

— Ну и что ты знаешь?

— Да по-разному. Одни хорошо отзываются, другие боются. Но они наркотой живут, каналы сбыта наладили. Еще в зоне народ вербуют. Тех, кому идти некуда.

— Сейчас многие этим живут. Другой работы нет. Отвечь, почему они плохие? Людей убивают?

— Да, убивают, но и тут все под вопросом.

— В смысле?

— Юрку со слободы знал? Он, гаденьш, церковь обокрал. Две иконы унес и где-то в порту во Владике продал. Они нашли его, выкупили иконы, а Юру больше никто не видел.

— Вот видишь. От мрази землю чистят, — почти прокричал Вадим.

— Угомонись! То зло от наркоты, что они несут, ничем не отмоешь.

— А сам что, «пятак» не зарабатывал?

— Я из милосердия. Для тех лишь, кто умирает, дошел до края! Чисто ради поддержания его жизни. Вовремя дай

человеку дозу, а потом вытаскивай, спасай. А если не дашь, умрет!

— Все так говорят: для себя, для друзей, а потомвиллы строятитачкидорогиепокупают. Вобщем, давайснимайс нас свое кодирование. Что там против этой химии в обратку есть? Мы и сами себя держать в руках умеем. А насчет сектантов — не советую с ними связываться!

— Ты что-то мнение быстро поменял. Что-то узнал о них?

— Да, поговорил с одним человеком по душам. Я на войне были хорошо знаю, когда врут, а когда говорят правду. Если умный человек, умеющий правильно отвечать, заявляет, что видит благородную цель, я ему не враг.

— Кто умело рассчитывает на дураков, тот у нас и умный?

— Не тебе судить! Разберись в себе. К тебе ведь люди с болью идут, ты детей крестишь. Не топчи им дорогу жизни своей грязью. Бабок дурачь или вообще завяжи! Как сам учил: попостись, молитвы почитай, может, и найдешь спасение.

— А если нет?

— Народ не обманешь! Рано или поздно люди поймут, кто ты. Городок у нас небольшой, все дела видны. А Тополю и остальным фонарем дорогу не свети. Пусть сами по жизни топают. Пошли к машине. Кодировку снимешь.

Отец Тихон подошел к автомобилю. Игорь и Олег вышли из него. Он прикоснулся ко лбу одного, затем второго и как-то резко толкнул. Что-то прошептал. Затем то же самое сделал Вадиму.

— Все, езжайте, бухайте на здоровье. Вообще-то все давно рассосалось. Можно было не бояться. Это я так в лоб толкнул — чтоб не думали.

— Мы теперь не пьем, — сухо ответил Тарасов. — А ты подумай над собой, пока не поздно.

Настоятель сложил руки на поясе и опустил голову.

— Не ожидал, что ты мне трепку устроишь. Думал, что всю жизнь ко мне приползать будешь.

— И что? Удивил? Я в последнее время многих удивляю!

— Да. Прав ты, Вадька. Я и сам об этом думал. Ты меня подтолкнул. Вот увидишь, я вернусь к Богу.

— Посмотрим, — ответил Вадим.

Друзья сели в машину и, поднимая клубы пыли, умчались. Батюшка-авторитет Трифон еще долго стоял на дороге и смотрел им вслед.

— Что случилось? — выключив магнитофон, спросил Игорь.

— Раскодировали нас. Не по-божески это. Нельзя так на человека давить.

— Да. Согласен. Что, по водочке?

— Давай!

Машина остановилась около магазина. Игорь купил ту самую водку, от которой они плевались, сразу открыл бутылку и сделал глоток.

— Во как по жилам пробежала, родная, — прошептал он.

Вадим тоже выпил немного. Почувствовал тепло, глубоко вдохнул и произнес:

— Пить не будем, в цех поехали.

Подъехав к мастерской, Вадим увидел новую машину Армена. Директор вышел из кабинета и с испугом посмотрел на кузнеца. Вадим ничего не сказал ему. Он понял, что директор сорвал неплохой куш.

— Ты че опять на нашей машине ездешь? — с улыбкой спросил Игорь.

— Да вы, блин, пацаны, хорош, — возразил Армен.

— Ты деньги получил? — спросил его Вадим.

— Ну.

— Вот и езжай домой, не мешайся. Если понадобится, позвоню.

— Хорошо. А они сегодня приедут?

— Не знаю, — ответил мастер и увидел в окно, как к мастерской подъезжает целый эскорт джипов.

Дядя Егор вошел в цех, посмотрел на Тарасова и громко гаркнул:

— Разбежались отсюда! У нас с мастером серьезный разговор.

Присутствие

Дмитрий проснулся, услышав в вагоне громкие голоса. Открыв дверь купе, он увидел, как у выхода толкаются пассажиры. Одни спешили выйти, другие возвращались с бутылками пива, газированной воды и пакетами с пирожками.

— Долго будем стоять?—спросил он проводницу.

— Уже отправляемся. На следующей будем долго стоять—минут двадцать.

Подольский закрыл дверь, бросил взгляд на документы, лежащие на свободном диване, взял полотенце, мыло, зубную щетку и отправился в туалет.

Поезд тронулся, вагон качнуло, шумные пассажиры разбрелись по своим купе. В тамбуре Дмитрий увидел вчерашнего попутчика. Тот вновь пристально посмотрел на него и тут же отвернулся.

Вернувшись из вагона-ресторана в купе, еще раз посмотрел на документы, но трогать их не стал. Мысли крутились где-то рядом, но никак не выстраивались в одну логическую цепь. Постепенно вспоминая о прочитанных документах, Подольский вернулся к своим вчерашним рассуждениям.

То, что Распутин был не простым человеком, он знал раньше, но теперь Дмитрий почувствовал, как прикасается к его святости. Ему не хотелось копаться в документах, рассказывающих об убийстве старца, читать, как изворачивались и пытались спасти себя от гнева все те, кто решился на это. Но это была часть головоломки, и он должен был понять, почему Феликс Юсупов первым выстрелил в Григория Распутина. Первым нарушил его тайную неприкосновенность. Как он, неженка, решился на это? А ведь именно Распутин лечил его, проводил сеансы, от которых Феликсу становилось лучше. Как человек с нетрадиционными взглядами, член масонского общества «Маяк» решился на такое? Причем именно Юсупову выпала главная роль в предстоящем убийстве. Возможно, на него кто-то давил. Кто? Члены масонского общества или кто-то еще? По всей

видимости, Феликс был доведен до крайнего состояния и сделал это в состоянии истерики. Он не видел другого выхода. Смерть Распутина стала для него личным спасением.

Подольский еще в издательстве, в Москве, изучая материалы профессора Кружева, прочитал обо всех людях, причастных к этому преступлению. Например, депутата Госдумы В.А. Маклакова он не склонен был считать организатором, хотя Кружев указывал, что именно он был инициатором убийства. Эта кандидатура отпала после того, как Подольский узнал, какой конфуз произошел с ядом. Вместо цианистого калия Маклаков принес безвредный зубной порошок. Как образованный человек, он мог хотя бы принюхаться. Этот яд имеет своеобразный запах миндаля. Пакетов из полиэтилена в то время не было, так что он, зная, что готовит столь серьезное преступление, наверняка бы проверил, а так получается, что просто схитрил. Принес яд, а виноват в этом аптекарь, который подсунул что-то другое. Действительно, откуда он знал — не проверять же его на себе?.. Похоже, что и на него давили, но этот человек смог вывернуться, а вот слабый Юсупов попал под пресс. Он, конечно, угостил Распутина отравленными пирожными и якобы пошел за женой Ириной, которую просил излечить. Вообще в день убийства он говорил, что познакомит Распутина со своей женой. Но как же тогда понимать ее широкий жест спасения императрицы? Все говорили, что она подставила себя разгоряченному Распутину, чтобы тот не ворвался в покои Александры Федоровны. Получается, что не было этой жертвы телом. Раз Юсупов пригласил Распутина познакомиться с женой, значит, они раньше не встречались и все эти разговоры — сплетни. Да и Руднев, изучая все журналы наружного и внутреннего наблюдения, не указывал на то, что Распутин когда-либо был в нетрезвом виде и вел себя неадекватно. Не было этого, а в журналах агентов описана практически каждая секунда его пребывания при царской семье. Тогда за какую поруганную честь мстил Юсупов?

Вот как все всплывает. Сложи два факта, и увидишь, где правда, а где ложь. По показаниям самого Феликса, его

жены вообще не было в Петрограде, но тем не менее Распутин поехал лечить ее. Неужели он знал о том, что ему приготовили? Ведь отъезд из Петербурга известных лиц общества сразу становился достоянием всех. Также непонятно, почему в убийстве замешан великий князь Дмитрий. Тоже попал под давление кого-то неизвестного? После убийства он с Сухотиным, который надел вещи Распутина, уехали сжигать их. Похоже, что его заставили присутствовать. И именно его присутствие поставило под удар всю великокняжескую ложу. Непонятно только одно: в те годы уже процветала преступная среда. Заказные убийства были не редкостью. Революционеры и их боевые группы вообще никого не стеснялись. И по политическим соображениям, и заденьги убивали самых охраняемых людей. Что, эти состоятельные люди не могли нанять убийц? Могли, но они сделали это сами, точнее, их заставили это сделать.

Много материалов Кружев собрал об участии английской разведки. Это не секрет. Все, кто знал Распутина, вспоминают, что он на коленях уговаривал царя не начинать войну. Этим влиянием он явно мешал многим. Григорий действительно хотел заключить сепаратный мир с Германией. У него были влиятельные знакомые, которые верили ему и давили на царя. А он говорил, что эта война разрушит страну. Вырубова вспоминает, как Николай II разорвал в гневе телеграмму от Распутина, в которой он умолял прекратить боевые действия. Естественно, при всех правителях, когда речь заходила о глобальном историческом событии, присутствие спецслужб было обязательным. Англия хотела убрать столь влиятельного человека. Ей была выгодна война России с Германией. Разведчики докладывали о чудесах старца и о том, какое влияние он имел на царя и его семью. Рано или поздно, но Распутин прекратил бы, остановил бы эту войну. Доказал Николаю II, что в данное тревожное время продолжение боевых действий грозит гибелью для всех. Николай II прислушался бы и отступил. Тем более что на сторону старца встали и императрица, и дети, и все те, кто впоследствии остались с царской семьей, не предали ее: люди, которым верили. Здесь все ясно: роль

английских агентов, их внедрение в эту среду и влияние на высокопоставленных особ понятно, но загадка в другом. Они не могли вот так прижать неженку Юсупова. За этим стоял кто-то более значимый, который мог заставить убить лично, и именно его боялись послушаться.

Что это за человек, или, может, это тайное общество? Жестокое, типа секты «Разбитого креста». Нарушил закон — страшная смерть — раскаленный штырь в сплетение! Вот что-то подобное могло заставить всех этих людишек перешагнуть через собственный страх.

Да, похоже, этим людям просто убить Распутина было мало. Причем это подтверждает тот факт, что и после смерти Григорий не давал им покоя. Керенский лично приказал перезахоронить тело. Зачем? Ведь похоронили старца даже не на кладбище, присутствовали только члены царской семьи да близкие люди. Почему его достали из могилы? Неужели его влияние продолжало жить в обществе? Нужно было уничтожить тайную, Божественную силу старца, которая не умерла вместе с телом. Очень похоже на ритуальное сожжение. Главное — уничтожить душу. Юсупов, князь Дмитрий, Сухотин, Пуришкевич и многие другие — список длинный — не смогли этого сделать, они убили лишь тело, но кому-то этого было мало.

Странно, почему Керенский вообще вспомнил о Распутине. И это перезахоронение, которое закончилось сожжением тела. Якобы машина сломалась, и везти дальше его не могли. Сожгли! Как когда-то в Европе ведьм сжигали на кострах. Могли ведь просто закопать! Вот и Кружев объяснял, что штырь раскален для того, чтобы сжечь душу, убить саму сущность личности. Все это говорит о том, что вся верхушка общества того времени была явно подчинена неким «темным силам», их мистическим правилам. А Распутин оказался громоотводом. Именно он восстал против них и показал царю и его семье личину тьмы.

Возможно, «темные силы» узнали об иконе из Новгорода. Эта святыня — икона Знамения Божьей Матери с подписями всех членов царской семьи — несла в себе гибель тем, кто восстал против Бога и его заместника на земле.

А может, она должна была стать ключом, который все вернет на место. Ведь не просто так Александра Федоровна в день убийства отправила Вырубову к Распутину с этой иконой. Она что-то знала, чувствовала. Фрейлина должна была отвезти ее, и, возможно, она бы уберегла всех: спасла царскую семью и придала бы силы пришедшему для их защиты страннику Распутину. Но, возможен и другой вариант: Распутин, обладая даром предвидения, знал о последнем дне своей жизни. Он рассказал об этом императрице, и та, может быть, с недоверием, но все же решилась послать обладающую силой икону Знамения Божьей Матери. Ведь Знамение—явление Богородицы людям, ее Божественной силы. Получается, что икона — часть кода. Богородица родила Бога—Иисуса Христа. Она же явит миру нового русского царя. Присутствие иконы на этой церемонии обязательно. Именно на ней подписи всей царской семьи, подтверждающие и передающие особую тайную царственную власть тому, кто придет сегодня.

За дверью зазвенели стаканы, и звонкий голос проводницы вырвался откуда-то из другого мира:

— Чай! Горячий чай!

Дмитрий открыл дверь, взял два стакана, поставил их на столик.

Горячий чай расслабил, согрел душу. Подольский лег, заложил руки под голову и закрыл глаза.

Интересно, где сейчас икона? Возможно у секты разбитого креста? Чего эти люди хотят? Почему они собирают и хранят все, что касается Распутина? Кто они? Хранители тайны или потерявшие рассудок фанатики? Возможно, Распутин их святой. Но если они знают все о нем, эти люди не могут быть таким зверьем, как кажутся. Как Вадим попалкним? Возможно, они собирают тех, кто умеет убивать. Тех, кто видел смерть и прошел через войну. А может, им нужны просто сильные люди. Тараска именно такой. Значит, они или хотят вернуть благодать Божью людям, или, наоборот, делают все, чтобы она оставалась закрытой. Если они за доброе дело, то с Тараской проблем не будет. А вот если они скрывают от людей правду, дело затянется. Если

они продолжатели той кампании, развернутой против старца, возможно, потомки членов секты Илиодора, которые были просто зверьми, карателями, сотрудниками ЧК, тогда все это придется уничтожать. Вызывать армейских братьев и решать с ними по-своему этот вопрос. Тот факт, что они против, частично подтверждается. Зачем они спрятали кодированное послание Распутина в книгу «Святой черт»? Почему вклеили страницы Распутина в ересь Илиодора, человека, предавшего веру? Чтобы сдержать силу? Чтобы спрятать шанс на спасение? Да, похожена это!

Дмитрий встал, посмотрел на разбросанные подивану документы, увидел папку под названием «Код», открыл ее и стал внимательно смотреть на то, что расшифровали специалисты. После непонятных цифр и букв он посмотрел на следующую страницу, где предположительно объяснялись символы, буквы и цифры. На первой были лишь четко расшифрованы каракули старца, а на этой давались к ним пояснения.

Послание Иоанна, Благословление Божие.

«Это из Библии или молитвослова, — подумал Дмитрий. — Что это?» Он остановился на третьей строке пояснений и прочитал:

«Кр. описание Константинополя. Шестой абзац со слов «Господь по грехам» до слов «Отца Небесного». Читать без служения».

Интересно. Как это — без служения? Что, какие-то строки нужно читать во время службы в церкви, а какие-то идут как пояснения?

Дмитрий стал перебирать документы, которые дал ему полковник Седых. Просмотрев почти все, он вдруг понял, что многого не хватает. Нет воспоминаний старца о его путешествиях по святым местам. Нет дневника, о котором много спорят, утверждают, что он поддельный. Подольский открыл ноутбук. Где папка с воспоминаниями Распутина, собранная профессором Кружевым? И тут же увидел «Краткое описание Константинополя».

Как ни странно, но так получалось, что материалы с Лубянки дополняли архив профессора. Одно — это часть дру-

гого, и чтобы сложить молитву, нужно иметь и то, и это. Расшифровки книги и кода Распутина у Кружева не было. Он как раз ждал их от того человека с Дальнего Востока, которого убили у него в подъезде. А специалисты с Лубянки не могли правильно составить текст, так как не имели воспоминаний, в строках которых Распутин спрятал части кода. Нет, нужно было звонить «Черному полковнику».

Дмитрий достал из сумки телефон, набрал номер и услышал знакомый голос:

— Привет! Как дорога?

— Трясусь.

— А в остальном?

— Спокойно. Один паренек есть подозрительный. Ваш?

— Коротко постриженный, со шрамом у глаза?

— Да.

— Не волнуйся, наш. Он с тобой только до вокзала.

В Уссурийске другие встретят.

— А можно чтоб не встречали? Я сам разберусь.

— Можно, но они все равно со стороны контролировать будут. Ты слишком ценный кадр.

— Но только чтоб не мешали.

— Хорошо. Возьмешь ключи от машины и квартиры и больше их не увидишь. Я понял, у тебя есть свой план действий.

— Да, есть. Ничего не надо. Я поселюсь в гостинице.

— А вдруг номеров не будет?

— Разберусь. Засветите меня, хуже будет. Там город небольшой. Все на виду. Еду к другу, значит, еду сам. Возникнут сложности, позвоню.

— Хорошо. Тогда давай так: каждый день отзваниваешь мне ровном семь вечера.

— Договорились. У меня еще вопрос?

— Давай.

— Вы, когда код складывали, пользовались воспоминаниями Распутина? В его послании много ссылок на них.

— Да, но я первоисточник не видел. Брал их из современных книг, которые недавно вышли. Там, в принципе, то же самое опубликовано. Текст немного отредактирован из-

дательством, но не настолько, чтобы явно увидеть разницу. Я по письмам и телеграммам к царской семье сравнивал. Они тоже опубликованы.

— А те сотрудники, что у вас этим занимались. Они из первоисточника цитаты брали?

— Нет. Тоже из разных книг и компьютерных баз.

— Скажите, а вы мне, кроме своей расшифровки, все привезли?

— Да, все папки. Больше я ничего не нашел.

— Хорошо, спасибо. Как приеду, позвоню.

— Что, зарылся в документах?

— Да. Изучаю.

— Ну и что? Получается?

— Так, свои мысли приходят. Вижу, кто и как тогда поступил и как потом отмазывались.

— Да уж, это точно. Отмазались все. А когда революция случилась и царскую семью расстреляли, знаешь, сколько народу застрелилось. Не выдержали. Там вместе с воспоминаниями английского разведчика полковника Самюэля Хора и эти данные есть. Многие ушли в церковь, но кое-кто остался при своем мнении.

— Я видел эти воспоминания. И читал об этих людях. Они недостойны внимания и к зашифрованному посланию Распутина отношения не имеют. Кричали о чем-то за границей, скорее всего, просто деньги зарабатывали.

— О-о, я вижу, ты начал различать, где правда, а где ложь. Ну ладно, не буду отвлекать. Если какие-нибудь материалы у нас найду, при случае передам.

— Договорились. Все, пока.

Подольский положил телефон на столик и стал выискивать в воспоминаниях старца нужные строки. Остановился, подумал, что лучше начинать сначала, но затем решил, что будет складывать код из того, что уже открылось ему.

Взял страницы воспоминаний и стал отсчитывать нужный абзац. Затем увидел указанные слова и прочитал:

«Господь по грехам нашим дал жилище православных на посмешище, но души православной ничто не касается.

Всего лишить могут— и жилища, а души никогда. Заслуги земные потоптали, и над трудами православных надругались, и сделали его посмешищем, а терпением его украсили небеса. Поэтому нам пример, что лишение земное— утеха небес.

Просить Бога надо, чтобы дал терпение, а потеря земного— это великий подвиг. За потерю земного и награда большая, чем если сам подашь.

Сам подашь— это от своей воли, а тут лишают, скорбишь и Царствие Божие скорбями наследуешь. Бог всем поможет перенести потери с терпением и за это сделает наследником Отца Небесного».

Прочитав, Дмитрий задумался. Отложил в сторону документы и стал смотреть в окно. Бесконечные провода и столбы продолжали нестись рядом. Где-то на горизонте появились поля: вспаханные черные квадраты.

Нет, не умерла Россия. Живем, землю пашем, детей рожаем. Как тут ни старайся, а наша поруганная земля, облитая кровью, хранит нас, оберегает. Вернуть ей царя надо, соединить высший мир Благодати с миром земным, с народом. Откроем глаза, увидим, кто враг, а кто друг. Многие этого боятся. Всем удобно, чтобы мы молчали и терпели, а мы возьмем и проснемся. Вот и старец Распутин зывает к терпению. А мы сами у себя спрашиваем: «Сколько еще терпеть?»— и сами себе отвечаем: «Не знаем. Терпим пока!» А дальше что? А дальше переполнится чаша терпения, и вся злость прольется в мир, который нас травит. Ой, не понимают они там, да и здесь, что страшен мужик русский во гневе. Ничем его не удержать и не остановить.

Дмитрий допил чай, взял стаканы, отнес их проводнице и попросил заварить еще. Задержался в тамбуре, покурил, вернулся в купе.

Какая-то пустота свалилась на него. Он понимал, что знает, видит пророка, но как-то издалека. Чтобы отвлечься от тяжелых документов, обличающих предательство и ложь, Дмитрий решил почитать дневник Распутина. Он уже видел в текстах и документах упоминания о нем. Профессор Кружев относился к нему серьезно. В своих ком-

ментариях он подчеркивал стилистические особенности языка Распутина. Говорил о том, что вся придуманная, внесенная в него информация видна невооруженным взглядом, но главное в тексте—факты—его умение исцелять и присутствие Божьего дара. При этом очень многие считают, что это подделка.

Увидев первое предложение и прочитав его, Подольский неожиданно взорвался смехом:

«Много я думал о том, откуль почет придет. Знал, что пока мне его ожидать неоткуль».

Отдышался и продолжил:

«И после большого расположения постиг, что почет— сила большая, через три двери входит: через большое богатство родовитое, через удасть разбойничью и через бабу. Вот.

Роду я— малого, бедности— большой. Одним словом, жук навозный... На разбойное дело не гожусь. Не пойду на злое: у меня завсегда к человеку— жалость большая... Да и что— человек? Клоп. Раздавишь— вонять будет. И порешил: моя дорога к почести через бабу. Как решил, так и действовать по плану стал.

Русский мужичок, хоча и в бедности и в убожестве, а все ж— побубнить любит. Мужик умишко свой завсегда щекочет. Мы— духом бунтари. Яму мало сходить в церковь— лбом пол морочить. Яму осособого Бога дай, и то он, Бог-то, туманный и заковыристый... Тело— оно ему милее. А через кого мужик Бога ищет?— Всего больше через бабу. Потому в бабе— дух живее. Шуму она больше делает. А без шуму— ни Бога, ни почести не сделать! А уже пошуметь бабы всегда могут. Только свистни, она враз откликнется. За собой— деревню поведет. И вера в ней мягкая... Ветром носится... Как я до этой мысли дошел, — так и стал действовать через женщин. Вот».

Дмитрий встал, приоткрыл окно и как-то сбоку посмотрел на текст.

Да, двоеточия и тире были очень выразительно расставлены. Что-то он не припоминал в рукописных документах старца знаков препинания. Ясно, что под бабой подразуме-

валась императрица. То есть он задумал через нее к почету идти. Но тогда-то он и не помышлял об этом. Судьба и люди привели его в царскую семью. Одни увидели в нем святость, другие испугались и, наоборот, захотели внедрить беса в чистоту. Но бес оказался чище многих. Александра Федоровна умная женщина. Из ее воспоминаний и записей понятно, что она сразу разглядела в старце спасителя, как Соня-Вековушка — безумная девушка, исцеленная Распутиным. Она тоже сказала, что вот спаситель ее пришел, хотя до этого говорить по-человечески не могла, лишь лаяла и рычала. В тексте все расставлено точно. Подчеркивается безграмотность, язык мужика. Но как тогда при таком неумении говорить грамотно он четко выстроил предложения, записанные им в других документах? А здесь, в дневнике, все выстроено, например сравнение с клопом. Предложение из одного слова. Все сказано сразу — клоп. Нет, это не просто умение высказаться. Это четко проработанные фразы с вторым скрытым смыслом, для умных. Это рука маститого редактора. При первом прочтении, особенно для простых людей, верится, что именно такой мужик, как Распутин, так и говорил. Но стоит учесть, что он читал молитвы, знал их наизусть и мог высказываться, используя церковную лексику. Именно такой текст есть в документах Кружева. Чувствуется мысль человека, умеющего говорить прямо в душу. А этот дневничок липовый. Но ничего, хоть рассмешил и расслабил.

Дмитрий решил сходить поторопить проводницу. Но как только он открыл дверь, увидел широкое лицо девушки. Она улыбнулась и мило произнесла: «Чай». Почти как — «чиз», для фотографии. Подольский взял два стакана, заплатил, выдавил из себя улыбку, качнул головой и, закрыв дверь, вернулся в свои размышления.

Если бы он выражался как в дневнике, к нему бы не прислушались. Он бы выглядел смешным — шутком. Но Григорий не был посмешищем. С первых слов он пробирал человека насквозь, видел его боль. Никто, даже враги и завистники не упоминают, что кто-то смеялся над его произношением и крестьянским диалектом. Значит, говорил он

по делу, с силой, пугая самых смелых, убежденных и верующих. Что ж, дневник—это шаг в сторону. Забыли. Надо вернуться к главному.

Подольский стал рассматривать кодированное послание и случайно заметил выпавшую на пол страницу. На листе было всего одно предложение:

«Старайся представить себя Богу достойным делателем неукоризненным, вернопреподающим Слово Истины.

Григорий Распутин.

2-е послание ап. Павла к Тимофею, гл. 2, ст. 15».

«Похоже, это откуда-то выпало. Но обращено точно ко мне», — подумал Дмитрий. Он стал смотреть среди кодированных слов и цифр что-то напоминающее сноску на второе послание апостола Павла, но ничего не нашел.

«Мистика!—удивился Подольский и неожиданно для себя провел взглядом по купе. — Он что, со мной в контакт вступает? Предупреждает? Стоп! На душе жуть, как перед боем! Неужели он здесь? Нет, конечно же, его нет, но энергия, сила... Я чувствую чье-то присутствие! Вот и пот холодный, и мурашки по спине...»

Отец

Игорь и Олег вышли на улицу. Егор подошел к Вадиму:

— Приехал Отец. Он хочет посмотреть цех и поговорить с тобой. Помощники не должны его видеть. Это участь избранных.

— Даты и так всех разогнал. Все уже на улице.

— Скажи им, чтобы шли домой, — велел Егор.

Вадим вышел из мастерской и отправил друзей в город. Игорь решил зайти к подругам в бутик. Олег пошел с ним. Вадим вернулся в цех. Через минуту в мастерскую вошел худой старик с длинными седыми волосами. Его глаза замерцали, осматривая Вадима. Худой подбородок вытянулся, когда он увидел покрытый копотью потолок, а длинные пальцы аккуратно коснулись печи. Старик опустил голову. Жидкий локон седых волос упал, прикрыв один глаз. Он

внимательно посмотрел на Вадима и мягким голосом почти прошептал:

— Здравствуй, мастер! Буйно-разгульная, экспансивная натура! Да ты и лицом на него похож.

— Здравствуйте, — ответил Вадим. — На кого же?

— На Гришку Распутина. Можешь называть меня как все — Отец. Не папа, а именно Отец. Это имя.

— Вадим, — представился Вадим.

— Нет. Тебя зовут Мастер, — поправил тот.

Егор отошел в сторону и стал внимательно наблюдать за происходящим. На улице несколько здоровых ребят в серых костюмах встали у дверей. Все это немного смущило Тарасова, но он старался держать себя в руках.

— Расслабься, человек с ангельской душой, — заметив его волнение, сказал Отец.

— Да я это, ничего.

— Значит, вот здесь ты стараешься?

— Да.

— Что ж помещение неплохое, но его нужно привести в порядок. Очистить от грязи и отремонтировать.

— А может, купить хорошие станки и печь? Главное — Мастер есть! — предложил Егор.

— Нет. Все сошло здесь. Пусть здесь и работает. В другом месте он может потерять силу, — ответил ему Отец.

— Как долго мне на вас работать? — решительно спросил Вадим.

— Долго? — удивился Отец. — Всегда!

— Понятно, — удрученно протянул Тарасов.

— Ничего тебе не понятно. Пошли в кабинет, я кое-что объясню.

Егор позвал двух парней с улицы. Те принесли большую сумку и накрыли в кабинете Армена стол.

Выпив за знакомство, Отец начал разговор:

— Ты знаешь, что все мы, в общем-то, и не живем?

— Почему? — удивился Вадим.

— Потому что нашу жизнь даже существованием назвать сложно. Все мы — дети греха.

— Не понял?
— Вот скажи, твоя мать крещеная?
— Да.
— Что, с рождения?
— Нет. Десять лет назад покрестилась.
— Вот. И отец, наверное, тоже?
— Нет, отец крещеный. Его бабка в деревне маленьким в церковь отнесла.

— Понимаю. Верующая была женщина?

— Да. Очень набожная.

— После революции таких людей почти не осталось. Убили царя, отняли у людей веру и заставили жить во грехе.

Вадим хотел что-то возразить, но Егор не дал. Он перебил его и попросил внимательно выслушать Отца.

— Так вот, — продолжил старик. — Все началось давно, еще при Петре I, когда юный царь строил свои корабли. Встретил он однажды старика и, увидев, что он крепкий и сильный, хотел заставить его работать, да только никто не захотел выполнить приказ царя. Слуги побоялись трогать старика. Петр разозлился и приказал арестовать его. Бросили человека в темную, но бить побоялись. В ту же ночь царь увидел страшные сны. Утром он приказал казнить этого человека, но никто не поднял на него руку. Тогда он приказал убить тех людей, что ослушались государя. С того дня и началось противостояние царя и «темной силы». Петр заболел, но, уступив кое в чем старцу, поправился. Он не мог отдать всю власть какому-то мужику и начал мстить. С этого и началась тайная война. Потомки «темного» старика стали воспитывать новые поколения в духе злобы и ненависти к царскому роду, считая своим предназначением тайную власть. У Петра вся жизнь стала противостоянием. Он женился на крестьянке, которая также предала его. Ее любовник был казнен. Он оказался одним из тех, кто принадлежал к «темным силам», а их жизнь подчинялась иным законам. Петр знал это, но он верил, что сможет победить зло. В конце жизни царь очень тяжело болел. Ему сказали что шаманка якутка сможет излечить его, но она пропала вместе с кораблем, отправленным за ней.

И только перед самой смертью Петр I сдался и произнес: «Отдайте им все». Как ты думаешь, кого он имел в виду?

— Что? «Темные силы?»—спросил Вадим.

— Да. Людей, во все века влиявших на историю русской земли. Весь Петербург слышал крики умирающего Петра, и все знали, кто послал ему эти мучения. Но перед смертью царь сумел немного обезопасить народ и своих потомков, нашел выход, а может, ему кто-то подсказал: он оставил указание, чтобы цари русские брали жен из германской императорской фамилии. В этих высокородных немцах с древних времен жила другая сила —непробиваемая для «темных сил». Поэтому в те времена, когда «тайные» обладали особой мощью и властью, наша страна воевала с немцами, а когда слабели, то появлялись при дворе немецкие царственные жены. Это слияние спасало царский род, придавало силы стоящему у власти. Но противостояние на этом не закончилось. Одни цари с первых дней правления сдавались и заключали тайный союз, другие пытались противостоять. Разгоняли тайные общества, закрывали мистические салоны, ссылали и уничтожали колдунов, знахарей и ведьм. В конце жизни эти правители искали защиты, пытались вымолить у тьмы прощение, а она наказывала жестоко и безжалостно. Одних убивали, других, мирно царствующих, предавали, причем эта боль была пострашнее смерти. Говорят, Павел, зная, что Николай II будет последним царем, оставил ему послание. Он так и называл его: «Послание к последнему царю рода Романовых». Через сто лет Николай прочитал его и сразу сжег. Никто не знает, о чем там было написано, но именно Павел в свое время смог максимально свести на нет все усилия «темных сил». Добился особой власти, но тьма не ушла. Она оставалась в народе и бродила в умах образованных людей. Время от времени напоминала о себе восстаниями, заговорами и внезапно возникающими войнами. Царь Александр II погиб в результате седьмого покушения, он тоже противостоял тьме. Запретил все эзотерические и тайные кружки и наказывал за мистические оргии. Он верил в Бога и знал, что спасение русского народа в вере. А тьма продолжала

плести свои сети. В них попадали разные люди. Смута и жажда крови бродили в их головах. Они, сами того не понимая, шли против самодержавия, церкви и вседержителя, но на самом деле уничтожали самих себя—их души попадали в рабство тьмы. Последний, кто восстал на Руси против «темной силы», был Распутин. Его не только убили, но и унизили в глазах всего мира. Но этот человек тоже сумел оставить слово, тайное послание—спасение! Чтобы чуждые вере люди не смогли прочесть его, Распутин закодировал текст.

— А что же «темная сила»? Это что, коммунисты? Они убили царя и пришли к власти...

— О! Ты не представляешь, какой это страшный вопрос — темные силы и Распутин. Большевики стали лишь орудием, исполнителями. Противостояние тьмы и царской династии на этом не закончилось. Перед революцией темные силы обрели особое могущество. Нужные им люди были на важных постах в государственной системе, владели огромным богатством и даже внедрились в высшее духовенство. Такого могущества у тьмы не было никогда. Слуги зла хотели выйти из тьмы, но пришел старец Распутин и открыл многим глаза на то, что происходит вокруг царской семьи и народа. Он стал жертвой и сознательно шел на заклятие. Темные силы уничтожили его и осквернили то, о чем он говорил. Очернили Спасителя в лице всех верующих. Потом убили царя, и началась новая эпоха. По всей стране уничтожали церкви, сжигали иконы и убивали священников. Народ не восстал за свою поруганную веру—он сдался, подчинился новой вере в идолов, живущих на земле. На смену святым ликам пришли портреты вождей, и люди стали вешать их в своих домах и обращаться с новыми молитвами к их дьявольским символам. Народ глубоко в душе спрятал многовековую веру в Бога. Божественная благодать перестала доходить до русских людей. Убив царя, заместника Бога на земле, зло нарушило сложившийся веками порядок вещей и великую связь с Создателем. Владимиру Ильичу предлагали сделать революцию церковной. Он побоялся. Люди ста-

ли бояться света—боялись венчаться, обращаться к Богу, а те, кто все же делали это, признавались больными. Все наше поколение—дети греха. И нам ради нашего спасения нужно свершить церковную революцию. Именно ее предвидел Распутин. Но пока нам удалось не все собрать, что он говорил о ней. И мы даже не знаем, приветствовал он ее или не хотел. Но мы поняли другое, что истинных верующих очень мало, а тьма, словно голодная собака, блуждает по русским душам. Мы выжигаем ее из тел, чтобы в ином мире они были приняты как заблудшие. Мы подбираем для себя людей неотесанных, но крепких и смелых духом, преданных беззаветно.

— Неотесанных людей трудно стесать,—неожиданно произнес Вадим.

— Да. И сердце простое не подкупишь. Сила достигается долгим очищением и искренней верой в то, к чему стремишься.

— Обряд?

— Долгий и трудный. Обряд, который невозможно подменить или сделать легче.

— И что? Все те, кого вы убиваете таким варварским методом,—«темные силы»?—выпив почти стакан водки, смело спросил Тарасов.

— Да. Тьма спрятала в них свои части, и мы уничтожаем их, чтобы она не смогла собраться и ударить в самое больное—в душу народа.

— Ничего не пойму!—возразил Вадим.—Сначала это были люди-колдуны. А теперь вы говорите об этом как о чем-то нематериальном.

— Так и есть. Тьма растворилась в нашем народе. Сегодня поколение рожденных во грехе не соблюдает заповеди и может, объединившись, восстать против Бога. Где-то среди них, в простом человеке, живет главный источник тьмы. Он придет из народа и скажет слово, которое вновь перевернет весь мир и умоет его кровью. Зло не ушло, оно лишь притаилось, ждет своего часа. Весь мир понимает, что в России затаилась тьма, которая опасна всем. Она неуправляема и безжалостна. Ни одна цивилизация, ни один

народ не смогли противостоять ей. Насытившись, тьма уходит, но лишь на время. Как у вампира, у нее просыпается жажда. Кровь собирается в новые реки невинных, особенно тех, кто хотел прожить жизнь незаметно.

— Раз Распутина не расшифровали, то и не ссылайтесь на него, — ответил Вадим. — Но я вижу, что вы за народ, хотите страну спасти, вот только мыслите мифами. По-моему, во всем виноваты реальные люди. Их жадность, жажда власти, и они ради этого идут на самые тяжкие преступления.

— Мы Распутина не расшифровали, но поняли. Он занимался нечестными делами — кражами жердей и лошадей, но это не мешало ему быть святым.

— Так. Понятно. А почему мы грешники? Ну и что, что мать не была крещеной? Я-то родился нормальный. Покрестился сам.

— Ты только не обижайся и не злись. Я скажу правду. Все браки заключаются на небесах. Обряд венчания для того и существует, чтобы две души слились воедино. В любом другом случае без венчания жить — грех. Рожденный от такой связи человек не имеет права жить. Он рожден без благодати, без Божественного разрешения создать новую жизнь.

— Но он же рожден? Что же, весь рожденный в грехе народ теперь убить?

— Да, у него другое разрешение, от сил тьмы. А все что мы говорим себе в оправдание, придумываем — это лишь наши фантазии, которые не приближают нас к вере, а лишь отталкивают, за то, что мы врем сами себе и Богу.

— Да. Свамина не поспоришь.

— Спорить не надо. Нужно просто поверить, что мы стараемся спасти этот мир. Всех нас. Чтобы люди жили в мире не по выдуманным правилам грешников, а по закону Божьему, его заповедям. Дореволюции церковь не разрешала разводиться. Созданный союз никто не имел права разрушить. А человеческие поступки, грехи всегда можно было искупить, раскаяться.

— Да. Я знаю, что раньше венчанных в церкви не разводили. Если бы сегодня люди знали, что венчание соединяет

их навсегда, может, и жить бы лучше стали. А то не понравилось, развелись, а потом через пять лет вспоминают, какой хороший был человек первый муж или жена.

— Вот видишь. Ты тоже, как и Распутин, способен поучать и наставлять других. Скоро я отвезу тебя в деревню и все покажу. Ты, как Мастер, должен увидеть наш мир. Мы сделаем из тебя кумира толпы...

— Хорошо, съездим. Только многое мне непонятно. Дядя Егор о ярости моей говорил. Что это за энергия такая сильная? Не пойму, как вы все это видите и чувствуете?

— Если захочешь, поймешь и почувствуешь.

— В законах Божьих, в заповедях сказано: «Не убий». А вы убиваете.

— Убиваем и одновременно спасаем тех, в ком живет тьма. Она мучает и заставляет совершать необдуманное. Мы освобождаем их, сокрушая их несвободу. Согласись, встречаются ведь люди, от которых всем плохо. Они живут и не понимают, что мешают. Алчность их ничем не может быть сдержана. Мы не вправе лишать их жизни, но оставить живущую в них тьму мы можем. Некоторых пытаемся спасти, но если тьма сожрала душу—сжигаем ее. Егор отмаливает свои грехи. В жизни он очень добрый человек, но когда выходит в общество зверей, надевает на себя маску и доспехи такого же зверя. Потому что по-другому нельзя. Пусть динамит взрывается там, где он захочет. Придет день, мы верим, что все грешники толпой побегут в церковь, но для этого нужно, чтобы мы все осознали, что с нами происходит. Просто поверь в нас и пойми, что мы не враги, мы лишь боремся с тьмой. Из-за этого у нас много врагов, нас не понимают, оттого что не знают, кто мы и чего хотим.

— А как же наркота?

— В этом грешном мире, среди несуществующих людей это оружие. И не может быть оружия более мощного. Оно дает средства и силы бороться. Это то зло, в которое мы должны войти, чтобы, воспользовавшись им, разрушить его.

— То есть вы сражаетесь с тьмой ее же оружием?

— В какой-то мере. Мы входим в тьму и освещаем ее изнутри. Мы строим заводы, скупаем разрушенные колхозы, фабрики, даем людям работу, чтобы они смогли выжить. В некоторых отдельно взятых деревнях люди слышали слово Божье. Зажили в мире. Ты бы видел, какие красивые у нас праздники, обряды. Некоторые считают нас сумасшедшими, но мы живем, а не существуем. Наши дети не страдают психозами и любят родителей. Неужели ты сам не замечаешь, какие все вокруг злые? Каждый старается причинить боль соседу просто так, ни за что!

— Да, вижу. Правду выговорите — дети не любят своих родителей, ненавидят их. Есть, конечно, семьи, где все хорошо, но их так мало, что это скорее исключение.

— Даже в самых благополучных семьях бывают срывы. Если мы хоть на шаг приблизимся к нашей цели, победим тьму, то все увидят, как прекрасен этот мир. Кто-то возьмет эту заслугу на себя, скажет, что президент или правительство наконец-то вспомнили о народе, пусть, мы спорить не станем. На самом деле все наше счастье в других руках, и мы его скоро отнимем и выжжем тьму раскаленным железом.

— Вы говорили, что знаете слово-спасение, оставленное Распутиным.

— Люди не готовы его услышать. Пока тьма сильна. Слово провалится и не обретет людской силы. Всему свое время. Мы пока еще не все подготовили для этого.

— И когда же это время придет? Я-то доживу? — слегка качая головой от выпитого, спросил Вадим. Он сам не понимал, почему пил одну рюмку за другой. Водка то накрывала его, то отпускала, как бы специально, чтобы он мог слышать сказанные слова.

— Хочешь знать, когда придет спасение? Отвечу. Вот твой друг-журналист приедет, он тебе подскажет, когда нам всем счастья ждать.

— А он-то тут при чем?

— Все мы живем в одной стране, и так получается, что иногда более одной и той же тайной.

— Какой тайной?

— Твой друг сейчас на перекрестке понимания. Если уровень его понимания высок, он увидит светлое завтра—все поймет и сам расскажет, а если низок, то доживет свой век в скитаниях и терзаниях. Многие, кто касался тайны и кода Распутина, но были слабы умом, до конца своих дней сожалели и мучались, что не смогли увидеть главное и что-то сделать. Эта великая для России тайна никого еще просто так не отпустила.

— А он что, к ней прикоснулся?

— Влез по самые уши. Сейчас у него одни вопросы, но скоро Старец даст ему на них ответы. И первый будет самый больной—кто он?

— А мне такой вопрос зададут?

— Ты уже на него ответил.

— Когда?

— Когда понял, что ты дитя греха.

— И как я ответил?—почти протрезвев, спросил Вадим.

— Захотел понять мир и прийти к Богу. Замолить свои грехи и грехи родителей. Или, может, я не прав?

— Нет. Вы правы. Я понял, что вся моя жизнь напоминает распутинскую. Нужно стать мастером высших оружий, избавиться, увидеть и поучаствовать в красивом празднике, а главное—найти ту, с которой соединюсь где-то там у Бога. Создам навсегда что-то единое, и Бог обвенчает нас во имя Отца и Сына и Святого Духа.

— Вот видишь. Я думал, что после первого разговора под водку ты ничего не поймешь. Подумаешь, что мы фанатики, умеющие складно и красиво затуманивать мозги.

— Да нет. Я и сам все это раньше понимал, вот только сформулировать не мог.

— Хорошо. Телефон у тебя наш есть. Звони, если что, Егору. А я тебе сам позвоню.

— Может, вы пока не будете убивать?

— Мы не можем не спасать невинных и несчастных людей. Они не ведают, что творят, и в этом преданно служат тьме. Все, мы уходим. Созвонимся. Отдыхай и подумай о будущем.

Отец и Егор, который все это время ждал в цеху, вышли из мастерской и уехали.

Вадим почувствовал, как на него нахлынуло все сразу: и водка, и мистическая жуть, и великая миссия спасения народа. Чтобы забыться, он налил целый стакан оставшейся водки и залпом выпил его. Голова закружилась, потолок стал улетать. В глазах потемнело, и Тарасов отключился.

Игорь первым почувствовал неладное. Какая-то сила толкала его вернуться в мастерскую. Он уговорил Олега, и, оставив в магазине подруг, друзья побежали в цех.

Открыв дверь, они увидели лежащего в луже крови Вадима. Игорь, набрав номер, позвонил Егору:

— Ну что? Вы свой ход сделали? Мы ответим! — прорычал он.

— Стой! Что случилось? — раздался в трубке голос.

— Что случилось? Вадька с пробитой башкой в луже крови лежит!

— Мы мирно расстались! Я сейчас приеду!

— Давай, я вольну уже зарядил!

— Да не горячись ты! Скорую вызови! Мы его не трогали. Слово даю! Наоборот, во всем разобрались, поговорили!

— Скорую я вызову! Но ты, мужик, лучше один приезжай и объясни, как это после вашей встречи Вадька с пробитой башкой на полу валяется! — крикнул Игорь и отключил телефон.

Скорая приехала быстро. Вадима отнесли на носилках в машину и увезли в больницу. Игорь и Олег, зарядив пистолеты, приготовились к встрече.

— Не верю я ему! Чувствую, что это он, гад, Вадьку саданул! Наверное, Вадька что-то понял и съязвил по этому поводу в своем репертуаре.

Священник

«Неужели старец Распутин заметил меня? — в ужасе подумал Подольский. — Обратил внимание из того мира.

Я вижу взгляд острых свинцовых глаз, но понимаю, что их нет и быть не может. Странное чувство, будто на меня откуда-то извне кто-то пристально смотрит. Нужно успокоиться, выйти на станции, отдышаться. Пива купить. Как-то я неожиданно с иным миром соприкоснулся. Епископ Гермоген вспоминал, что явно услышал голос Распутина после того, как прочитал об убийстве в газете. А я почувствовал его присутствие здесь, в поезде. Кроме того, этот странный листок из ниоткуда с обращением быть «*достойным делателем*». Делателем чего? Священной молитвы? Я только начал ее собирать — делать, а что будет дальше? Чем сильнее я погружаюсь в тайну, тем сильнее она меня беспокоит. Гипноз с того света! А дальше: «*верно преподающим Слово Истины*». То есть нужно верно расшифровать и без всяких собственных домыслов преподнести людям слово пророка. А что касается всяких гипнозов-глупостей, так совсем уже не страшно, ведь сказано апостолом Павлом: «Кто устроит храм, того адовы врата не одолеют никогда».

Поезд остановился на небольшой станции. Подольский выскочил на платформу и купил у торговки две бутылки пива. Первую выпил залпом, выдохнул и открыл вторую. Сделал два больших глотка и, прогуливаясь, подошел к палатке. На витрине стояла книга современного писателя-исследователя о Распутине. Она была раскрыта, и Подольский увидел фотографию старца, те же глаза, взгляд которых ощутил в купе. Журналист в ужасе шарахнулся назад и нечаянно наскочил на торговку пивом.

— Возьмете еще бутылочку? — спросила женщина.

— Ага. Две, — растерянно согласился Дмитрий. Он купил пиво и, наклонившись к окошку палатки, показал пальцем на книгу.

— Сколько стоит?

— Это историческая, не детектив, — объяснила киоскерша.

— Ничего. Давайте.

— Дорогая!

— Давайте, поезд отходит.

Девушка протянула книгу, Дмитрий заплатил и на ходу заскочил в вагон поезда.

— Прямо без рук! Спортсмен? — с удивлением спросила проводница.

— Ага.

— Ну ладно. Но больше так не прыгайте.

— А как прыгать, если в одной руке две бутылки пива, а в другой книга.

— Пакетик берите.

— Да, действительно. Как все просто. Учту. Спасибо.

Дмитрий вернулся в купе. Взял стакан из-под чая, медленно налил в него пиво и залпом выпил его. В душе что-то зашевелилось и тут же исчезло. Минут пять он сидел молча, затем сходил в ресторан, купил бутылку коньяка, закуску и вернулся. Открыв дверь купе, Дмитрий увидел, как стриженный парень со шрамом у глаза сурово отчитывает проводницу.

— Что-то не так? — спросил он юношу.

— Да вот, хотела к вам посадить зайца.

— Ничего я не хотела и без разрешения никого бы не сажала. Просто человек особенный — священник. Ему ехать всего четыре часа, а билетов в кассе нет. Он сказал, что ему очень нужно, — объяснила проводница.

— Священник? — переспросил Дмитрий.

— Да, — ответила девушка.

— Всего на четыре часа?

— До трех дня. Мы ровно в пятнадцать ноль-ноль приедем в Хилок. А сейчас мы в Улан-Удэ. Будем стоять двадцать минут.

Стриженный парень подошел к расписанию и, изучив его, произнес:

— Состоянкой пять часов получается.

— Хорошо. Пусть заходит. Только пять минут подождет, я кое-что уберу, — предложил Подольский.

— Да. Я ему скажу, — радостно ответила проводница.

— Деньги с него не берите. У нас купе оплачено, — предупредил ее Дмитрий. Девушка опустила глаза, вздохнула и вышла на перрон.

— А как же приказ? — возмутился парень.

— Не волнуйся, никто не узнает. А если что, я сам с полковником Седых поговорю, — успокоил его Дмитрий. Тот качнул головой и тоже пошел к выходу на перрон.

Дмитрий вернулся в купе, сложил ноутбук, собрал папки и разбросанные страницы в общую стопку, убрал их в сумку и навел порядок на столе. Бутылку коньяка и оставшееся пиво поставил в пакет под столом. Мусор сложил в газету и отнес его в мусорный ящик. Заправил постель, осмотрел купе и вышел на перрон. Увидев священника в рясе, с огромным крестом и седовато-рыжей бородой, произнес:

— Проходите. Купе номер десять.

— Спасибо, — как-то нараспев ответил священник. — И тебе, дочка, спасибо, — обратился он к проводнице. Поставил на ступеньки чемодан и стал медленно подниматься по ним. Оказавшись в поезде, священник как бы свысока посмотрел на Дмитрия. Тот вздрогнул оттого, что увидел огромные голубые глаза, почувствовал их тепло и какую-то непонятную доброту. Внутри что-то раскрылось, и стало легче дышать.

«Какая мелочь — разрешить человеку несколько часов проехать на свободном месте. Мелочь — да, но приятно!» — подумал Подольский. Он купил на перроне минералки и сразу выпил ее. Хотел купить жареную курицу, но не стал. Решил сходить в ресторан. «Черный полковник», зная, что будут большие затраты на рестораны и пьянки с бывшим армейским другом, выдал Подольскому хорошие суточные.

Дмитрий вернулся в поезд, заглянул в купе и зачем-то предупредил попутчика, что он пошел завтракать в ресторан. Священник молча кивнул головой.

Через полчаса Дмитрий вернулся. Достал из пакета пиво и стал пить из горлышка.

— Может, коньячку? — обратился он к священнику.

— Нет, я не пью. Да и пост сейчас. Страстная неделя. Это значит, до Пасхи меньше недели осталось.

— Да знаю! А вот пива решил попить.

— Что ж, если пост не соблюдаете, ваше право. Но не хорошо это для православных. Крест-то носите?

— Все носят. И я ношу.

— А в церковь ходите?

— Все ходят. И я хожу.

— По праздникам?

— Не только. Иногда просто захожу, но чаще когда кого-то поминаю.

— Это хорошо. Один мой прихожанин рассказывал, как он православным туристом зашел в храм Гроба Господня и по такому же принципу — «все делают, и я сделаю» — приложился к плите миропомазания. А как встал с колен — почувствовал себя совершенно другим человеком, сомнения в истинности Христа отпали единожды и навсегда...

— А я вот все еще сомневаюсь.

— И тебя Господь позовет. Меня зовут отец Владимир, — представился священник.

— Дмитрий, — сухо ответил журналист.

— А вы во Владивосток?

— Нет. Я до Уссурийска.

— По делам?

— Друга проведать. Служили вместе.

— Хорошо, что друзей не забываете. Не каждый через всю страну в гости к другу поедет.

— Да уж. Никто не поедет. Нужно помочь ему.

— Помочь — это хорошо. Раз человек попал в беду, бросать его нельзя.

— А вы тоже по делам?

— Нет. Я к дочери. Дочка у меня в Хилоке приболела. В больницу легла. Вот поеду, посмотрю, как она.

— Плохо, когда родные болеют.

— Когда люди болеют, всегда плохо. У Бога нужно спасения искать.

— Какое уж тут личное спасение! Тут вот почитал материалы разные — задумался. Мысли двоятся.

— «Человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих», — говорит нам апостол Иаков.

— Нет, дело в другом. Я тут о Распутине материалы изучаю. Версия родилась странная, непонятная, но при этом она многое объясняет.

— Что за версия? Скажи толком.

— Ну, то, что царя на Руси нет. А значит, и Благодати Божьей нет. У католиков папа — наместник Бога на земле, у нас царь — помазанник Божий. И вот мы сейчас сами по себе, а Бог где-то там, не слышит он наших молитв. Потому что связь нарушена.

— Нет, сынок. Никакая связь не нарушена. Да, царь — это помазанник Божий. Он думает о русских людях, пишет законы, чтобы жили мы лучше, а Бог — это другое. Каждый может к Нему обратиться, и Он услышит искренние мольбы. Через любую освященную в церкви икону эта связь есть, а уж если обратиться к Богу через святые иконы — чудотворные, мощи святых старцев, — то твоя молитва будет услышана. Господь — он все видит и напоминает нам, что не оставил нас.

— Как напоминает? — удивился Дмитрий.

— А ты походи по земле русской! Посмотри, сколько икон мироточит. На крестах кровь является. Это ли не подтверждение того, что Бог смотрит за нами?

— Да, действительно. Через икону можно напрямую к Господу обратиться, открыть ему душу, как это я забыл?

— Вот только люди своего Бога в души спрятали зачем-то. Я вот настоятель в церкви и часто слышу, что человек верит, но где-то там, в душе, а в храм не заглядывает. Вера помогает ему, и вроде бы незачем ходить в храм. Не секрет, что церковь в глазах народа сейчас не та. Не доверяют ей. Особенно если священники не совсем порядочные и в своих церковных лавках оккультную литературу держат. Этого хватает, что скрывать, тут есть и наша вина, но дело не в тех, кто рясу носит, а в людях. Многие никак советскую власть забыть не могут. Верят, что вернется то время, когда каждый работал, был сыт и не кланялся богатым.

— А вы как к советской власти относитесь? К советской литературе?

— В то время много было создано изумительных книг, которые можно назвать сегодня христианской литературой. Я о людях говорю, о заблудших. «Власть народу» — разве не самоуправство? Не могу спокойно вспоминать о тех, кто рушил церкви и убивал священников. Не ведали люди, что творили. Отравили сознание целой страны. Изгнали Бога, вот теперь мы и расплачиваемся.

— Значит, все-таки в России Бога нет? Изгнали?

— Невозможно прогнать Создателя. Так же, как вынуть и увидеть душу. Иконы плакали, люди страдали. Долго эта власть не продержалась. Наши внуки сейчас по-другому учатся, узнают мир и законы Божьи. Им спасти нас и страну, а мы доживем свой век в молитвах, чтобы у наших внуков все получилось. Господь слышит души верующих, но царь, конечно, нужен. Наместник на земле Царя Небесного. Народ, не думающий о небе, плохо живет на земле. Плохо устраивается.

— Какие-то мы все-таки недружные. Вон кавказцы и всякие народности: старых уважают, друг другу помогают, держатся вместе.

— Это от слабости, а мы сильные очень. Вот и думаем, что в одиночку справимся.

— Вы знаете, мне так хочется одну тайну вам открыть. Вы ведь человек веры.

— Хочешь открыть — открой.

Дмитрий убрал со стола, достал из сумки ноутбук, папки, разложил все это на столике и стал рассказывать:

— Здесь, в компьютере, материалы и воспоминания тех, кто знал Распутина. В этой папке все о его убийстве. Здесь я отложил его мысли, записанные императрицей, а вот здесь закодированное послание. Набор ссылок на различные тексты. Одни ссылки мне понятны, это цитаты и отрывки из его воспоминаний, другие вообще разобрать не могу. Вы, наверное, слышали, что Распутин оставил пророчество об убийстве царской семьи и гражданской войне.

— Да, я слышала даже что-то читал. Многое из его слов подтвердилось, причем до такой степени, что появилось

стремление в народе канонизировать Гришку Распутина. Но что именно скрыто в этом закодированном тексте?

— Молитва. Она поможет вернуть помазанника Божьего. Как это произойдет, я не знаю. Может, в Россию вернется потомок, а возможно, кто-то из живущих в стране политических лидеров возьмет на себя такую смелость.

Отец Владимир достал из футляра очки и, надев их, стал просматривать документы. Увидев дорогие очки в золотой оправе, Дмитрий усмехнулся. Священник заметил это и сам объяснил:

— Это подарок очень богатого человека. Он помог восстановить нам церковь и подарил мне эти очки. Точнее, свои отдал. Я их брать не хотел, но этот бизнесмен так все повернул, что мне пришлось принять этот дар.

— И как же он так повернул?

— Сказал, что уедет и не будет помогать ни церкви, ни прихожанам. Обвинил меня в том, что я его не уважаю и презираю. Он дарит от души, а я со своей стороны подчеркиваю, что он недостойн и вещи его мне не нужны. Пришлось согласиться. Он ведь действительно людям нашим помогает.

— Да уж. Хитрые сейчас бизнесмены.

— Крадут много, потом искупления ищут. А душу и Бога не обманешь. Они спокойно жить не дают. Так, я сейчас все это почитаю, посмотрю, ты не отвлекай меня, — попросил священник.

Дмитрий вышел в тамбур и закурил. Прав священник. Не может народ жить без Бога. Помазанник Божий — это хорошо. Он должен думать о людях, чувствовать настроение и видеть жизнь людей, чтобы помочь им сделать эту самую жизнь лучше. Когда-то в газете Дмитрий видел статью о том, что под Петербургом на кресте появилась кровь. Ученые исследовали ее и заявили, что она четвертой группы, такой же, как у Иисуса Христа. Значит, не все в этом мире потеряно. Есть силы свыше, которые помогают людям, слышат и исцеляют их.

Подольский вернулся в купе, посмотрел на отца Владимира и тихонько спросил:

— Ну как? Что-то поняли?

Священник поднял на него глаза, минуту смотрел молча, затем спросил:

— Ты сам-то понимаешь, что это?

— Стараюсь понять.

— Нет! Здесь стараться мало. Это бомба! Он всю народную культуру взял в столицу с собой, чтобы ее оцерковить. Возможно, мы все этого ждем, какого-то прорыва. Это поможет каждому увидеть и почувствовать Благодать Господа. Посмотри, как все сложено: одни воспоминания дополняют другие. Его высказывания, вырванные из текста, просто гремят, как колокола на Пасху. Знал я, слышал, кто такой старец Распутин, но до такой степени проникнуться не мог. Обидно за священнослужителей. Многие его предали, а поступки Илиодора вообще не поддаются объяснению. Для человека, который был настоятелем в Царском Селе и общался не только с народом, но с царственными особами, его поступки просто не поддаются пониманию. Собрал сплетни, написал лживую книгу, шантажировал императрицу, угрожал, что опубликует всю эту грязь. А вот то, что он тайну исповеди нарушил, вообще очень тяжелый для священника грех. К нему пришла женщина, открыла душу, пыталась искупить грехи, а он мало того что заставил ее публично признаться в том, чего не было, еще и сам подтверждал ее ложь и вымыслы. Страшно читать все это!

— Ну а что выдумаете о закодированной молитве?

— Это она и есть. Мы пока ее не видим, не можем прочесть, но она уже давит, подсказывает душе о своем присутствии. Я тут тоже кое-что вспомнил, некоторые слова молитв записал по памяти. В общем, сложил то, что ты уже нашел, и то, что сам знаю. Вот только получается, что это послание или обращение. Это не простая молитва, и ты, Дмитрий, правильно назвал это кодом. Все в этом послании. Когда ты сложишь все помеченные цитаты и предложения—получишь полный текст. После этого тебе нужно будет увидеть именно в нем закодированную молитву.

— Я так и думал!—с восторгом ответил Дмитрий.—Я понимал, что Григорий Распутин не мог вот так прямо оставить главный текст. Он его зашифровал.

— Да и сложить послание сможет не каждый. Я вот тебе на листочке пометил сноски, которые расшифровали неверно. Например: «Ак Пресв Богор», «Кон в икос 8 вст» Это расшифровали как «Акафист Пресвятой Богородице», «Конец в икосе восемь, вступление». Начало верно, но они указали, что сначала нужно читать конец восьмого икоса, а потом искать восьмое вступление. Но на самом деле, мне кажется, вторую часть нужно понимать так: «Кондак восьмой, икос восьмой, вступление». Конечно, «кон» похоже на слово «конец», но оно написано с большой буквы—значит, это «кондак». Дальше буква «В». Возможно, это «восемь». Логически все сходится. В молитвослове восьмой кондак стоит перед восьмым икосом. Вот я тебе записал.

Священник прочитал вслух:

«Кондак восемь.

Странное рождество видевше, устранимся мира, ум на небеса преложше: сего бо ради высокий Бог на земли явися смиренный человек, хотяя привлеци к высоте Тому вопиющая: Алилуя.

Икос 8 — вступление.

Весь бе в нижних, и высших никакоже отступи неопи- санное Слово».

— Вот смотри на вторую сноску к этим словам. Распутин их оставил как бы отдельно, но, мне кажется, следующие цифры (14, 17, 19, 34) относятся к этой выборке. Считаю по порядку слова.

Священник отметил номера слов и прочитал:

— *«Бог явися человек отступи».* Все это идет после первой сноски. Ты ее нашел?

— Пока нет.

— Здесь указываются слова Распутина, записанные императрицей. Вот: «Восп. Мамъ»—так он ее называл. Дальше нужно высчитывать. А то, что я тебе нашел,—это или начало, или конец предложения. По интонации эти слова очень похожи на часть молитвы.

— Я найду начало и учту то, что вы сказали и расшифровали.

— Хорошо. Обращай внимание на цифровые сноски. По всей видимости, это номера слов в предложениях. Тут, конечно, непонятно, к каким именно фразам относятся эти цифры. Ты, чтобы быть уверенным в правильности, просчитывай их со всеми ближайшими сносками. Видимо, дальше, в словах без служения, объясняется, что и как читать. Да, и знай, что из полученных вариантов любой священник поймет, что за чем идет.

— Спасибо. Понял. Буду стараться.

— Это я сторонним взглядом заметил, а так вообще сложно связать эти цифры и сноски. Нет никаких пояснений. Может, они дальше появятся? А может, здесь какая-то арифметическая прогрессия? Нужно и этот вариант проверить. Мне кажется, что это должно идти подряд: второе как-то раскрывает то, что спрятано в первом. Я вот тут тебе еще несколько фраз из молитвослова записал. Это дальше в середине. В скобках мои пояснения.

— Да, понял. Вас как будто кто-то послал мне в помощь, — неожиданно произнес Дмитрий.

Отец Владимир внимательно посмотрел на него и промолчал. Подольский почувствовал, что сказал что-то не то. Замялся, стал смотреть в окно, но священник исправил неудобное положение:

— Ты не отвлекайся. Сосредоточься. Вот таких ошибок с «кон» очень много. Не совсем верная расшифровка. Кто ее делал?

— Специалисты из ФСБ.

— Неужели их это заинтересовало?

— Это послание каким-то образом связано с одной группой людей, совершающих преступления. Они пытались найти зацепку и проработали версию послания, но ничего не нашли такого, что могло помочь им в расследовании. По людям дело еще ведется, а текст сдан в архив.

— А ты, значит, сумел вытащить? Что, связи хорошие? Историей увлекаешься?

— Я журналист, работаю в газете.

— Понятно. Этим все сказано. Я вот тут свой адрес и телефон оставил. Очень буду рад, если ты мне позвонишь. Можешь звонить дочери в Хилок. Ее телефон я тоже написал. Пока я там буду. Если в чем-то будут сомнения или заинтересуют указанные сноски, помни, что я весь молитвослов, да и Новый и Ветхий Завет наизусть знаю.

В дверь постучали. Дмитрий открыл.

— Батюшка, через пять минут Хилок. Стоим двадцать минут! — крикнула проводница.

— Спасибо, милая, я знаю, — ответил священник. — Ну что, будем прощаться? — обратился он к Подольскому.

— Я вам обязательно позвоню!

— Буду ждать. Меня заинтересовало твое исследование.

— Давайте я вас провожу?

— Не надо. Смотри за документами, а я и сам до перрона дойду.

Поезд остановился. Отец Владимир взял чемодан, задержался в дверях, обернулся, перекрестил Дмитрия и произнес:

— Бог тебе в помощь! Дело серьезное, не бросай его! Доведи до конца.

— Постараюсь.

— Ну, с Богом!

— До свидания, — ответил Дмитрий.

Батюшка перекрестил Дмитрия во имя Отца и Сына и Святого Духа, закрыл за собой дверь и через несколько минут появился на перроне. Увидев в окне Подольского, еще раз перекрестил его на прощание.

Поезд тронулся. Дмитрий решил заказать чай, но услышал крик проводницы. Он открыл дверь и увидел своего охранника с ножом в спине. Юноша приподнялся и сквозь сочащуюся изо рта кровь попытался что-то сказать. Дмитрий наклонился к нему, но парень упал, потеряв сознание.

Сомнения

Вадим открыл глаза. Попытался встать, но резкая боль сковала тело. Он осмотрелся и понял, что лежит на койке в больнице. Потрогал рукой голову. Почувствовав бинты, попытался вспомнить, что с ним произошло.

Дверь в палате открылась, и Тарасов увидел Игоря.

— Ты как, братишка? — спросил друг.

— Живой. Только башка разламывается!

— Олег на улице с девчонками. Их не пустили, а я про-
рвался!

— Вижу.

— Мы тут из-за тебя чуть с «серыми костюмами» в бо-
далово не впряглись. Егор приехал, все замял! А мы уже
стволы наготове держали.

— Не понял?

— Вчера он один в мастерскую приехал! Смелый! Ска-
зал, что вы мирно расстались.

— А с кем же ты бодаться хотел?

— Да с ними со всеми! Ты-то помнишь, что случилось?

Вадим сквозь боль стал вспоминать разговор с Отцом.
Последней картинкой в памяти всплыло то, как Отец и
Егор, помахав ему, уехали в джипе.

— Нет, это не они, — сказал он.

— Точно?

— Да. Они мирно уехали. Мы так, за жизнь поговорили.
Они странные, не все мне ясно, что эти люди делают, но
они вроде не враги.

— Понятно! Позвать Егора?

— А что, он здесь?

— Да.

— Ну, позови и не ори. В башке как будто колокол гре-
мит.

Игорь вышел в коридор, а через несколько минут вер-
нулся с Егором.

— Привет! Как здоровье? — улыбнулся тот.

— Нормально.

— Помнишь что-нибудь?

— Как вы уехали—да, а потом провалился в какую-то пустоту.

— Врач сказал, что ты навзначь упал и сильно ударился головой о каменный пол.

— Упал?—переспросил Вадим.

— Да. Видать, выпил лишнего...

— Похоже на это. Помню, как потолок поплыл.

— Ну вот. Разобрались. Мне с тобой с глаза на глаз переговорить нужно.

— Я не уйду!—возразил Игорь.

— Да иди ты! Не ори!—перебил его Вадим.—Сказал же—все нормально. Они ни при чем. Я сам грохнулся. Стакан влил и поплыл.

— Ни фига ты не сам. Если не они, значит, Армен мстит! Я его, гада, крутану.

— Хорош гнать! Иди в коридоре постой и не дергайся!

Игорь с недовольным лицом вышел из палаты.

— Послушай, Мастер,—начал Егор.—Это твоя тьма восстала. Ты увидел ее, захотел победить, вот она тебя и наказала. Так сказал Отец. Ты должен вспомнить о своей ярости и победить ее. Если проиграешь, останешься существом и перестанешь быть Мастером. Мы тебя не оставим, поддержим, но главная война у тебя сейчас в душе. Ты сильный и злой! Победи тьму ее же оружием. Отец молится за тебя, вот ладанку передал. Это война недолгая! Как только тьма увидит силу—отступит. А потом вообще уйдет.

— С этим я разберусь,—ответил Вадим и, привстав, спрятал ладанку под подушку.

— Я тут фрукты, сок, сырки глазированные принес. Поправляйся, я пошел. Дела. Помни, что я сказал!

Егор вышел из палаты. Улыбнулся хмурому Игорю и, похлопав его по плечу, пошел к выходу. Игорь вернулся в палату.

— Все. Уехал. Ну, что случилось? Только честно!

— Что-что, серьезный разговор был. Я загрузился по полной. Проглотил стакан, и трепануло.

— Пивобудешь?

— Какое пиво? — услышали друзья строгий голос. Игорь обернулся и увидел толстого мужчину в белом халате. — Все, посещение закончено, — продолжил врач. — Мы сейчас перевязку будем делать. Сам на каталку сядешь?

Уже на следующий день Вадим вернулся в общагу. Олег сходил в магазин за пивом. Друзья сели за стол и стали думать, чем им сегодня заняться.

— Нужно за машиной сходить, — предложил Олег.

— А где она? — спросил Вадим.

— Да там, у мастерской, так и стоит.

— С этого и начнем, — согласился Игорь.

Вадим не стал пить пиво, а остальные подлечились после вчерашнего и с хорошим настроением пошли в мастерскую.

Оказавшись на месте, Тарасов обошел вокруг машины, убедился, что все в порядке, завел двигатель, чтобы он прогрелся, и вошел в цех. Он подошел к печи, посмотрел на нее, потрогал рукой и обратился к Игорю:

— Как ты думаешь, долго все эта история протянется?

— Не знаю. Но чувствую, что придется нам валить из города.

— Возможно. Я вот тоже слушаю Егора, Отца и думаю: гладко они стелют и весь свой беспредел оправдывают. Но что-то здесь не то...

— Что не то? — спросил Олег.

— Да не нравится мне все это!

— Всем не нравится, — согласился Олег.

— А что за Отец такой? — поинтересовался Игорь.

— Когда вы ушли, ко мне пришел главный — старик седой. Все его Отцом называют.

— Ну и что он тебе сказал?

— Да то, что они делом правильным занимаются. От уродов землю очищают и хотят, чтобы люди русские лучше жить стали. У нормальных людей и вопросов не возникнет. А мне как-то не по себе.

— Ничего себе, — возмутился Игорь. — Хотят спасти всех, а сами наркотой травят.

— Говорят, что борются с тьмой ее же оружием. Тех, кого могут, вытаскивают из этого болота, а кто совсем плох — на штырь. Действительно, уродов вокруг — немерено. Куда их девать? Лечить — денег не хватит.

— И что? Проще убить? — вмешался Игорь. — Бред это все какой-то? Не верю я им. В зле не бывает разумения. Терпение не зря человеку дается. Не верю, и все! Непонятно только, зачем мы им нужны? Что, некому эти железяки за копейки заказать?

— Нет! Им нужен особый человек, — отозвался Олег.

— Какой? — почти хором спросили Вадим и Игорь.

— Авторитет! Вот сам посуди: человек войну прошел, смерть видел, ножи страшные умеет делать. Все это о тебе. И все это складывается в кучу, и получается, что ты какой-то особый человек. Изготовленное тобой оружие — сакрально. Именно так они своим бойцам мозги заряжают.

— Ну и мне что-то подобное про силу и ярость мою пле-ли. Будто бы моя ярость особой энергией обладает.

— Это правда, — согласился Игорь. — Видел бы ты себя злым со стороны. Ужас! А когда трезвый кого-то бьешь, во-обще кажется, что ты монстр из ужастика.

— У нас в городе никто в тебе не усомнится, а им это на руку. Они веру в тебя и твою биографию — все используют для устрашения.

— Ну и потом доверительно объясняют, что это цель у них великая, — досказал мысль Вадим.

— Что делать-то будем? Работать неохота! Пошли погуляем, — предложил Олег.

— Пошли. Мне доктор спокойный режим прописал. Так что я кувалду не скоро в руки возьму. На больничном я! — усмехнулся Тарасов.

Друзья сели в машину и поехали в центр. На перекрестке Вадим заметил знакомый джип, свернул в переулок и остановился у обочины. Егор завернул за ним. Он вышел из машины и отвел Вадима в сторону.

— Как здоровье, Мастер?

— Поправляюсь. Доктор сказал, спокойствие и ника-ких резких движений.

— Хорошо. Отдыхай. А через недельку давай за работу. И я как раз силы наберусь, да и ты постарайся. Договорились?

— Конечно. Какой разговор?

— Я что тебе сказать хотел. Помнишь, я говорил, что к тебе дружок армейский заряженный едет?

— Помню.

— Вот и хорошо. Что ты можешь мне о нем рассказать?

— Нормальный парень. Смерти не боится. Меня раненого из-под огня вынес. Я ему жизнью обязан. А однажды и я его спас. Когда он перебрал и отключился на дороге. Мы все датые были, на чужой территории, а он взял и сломался. Я хоть и сам еле шел, но его донес.

— Скажи, он вообще серьезный человек?

— Конечно. Зря языком базлать не станет, а если кто на пути встанет — порвет.

— Понимаешь, Отец сказал, что не должен он доехать к тебе. Зло он везет большое.

— Какое зло? О чем вы?

— Занимцелая система тянется. Эти люди хотят уничтожить нас. И если он что-то прознает и сдаст, сам понимаешь, чем это кончится.

— Ему башку оторвут? Да и мне прицепом за то, что своих заложил?

— Мы головы не отрываем.

— А, помню, на раскаленный штырь сажаюте.

— Да.

— Так вот, я брата в обиду не дам. И вы его не трогайте. Приедет, я с ним по-нашему поговорю. Стукачом он никогда не был. Если вы дело правильное делаете — он поймет и поддержит. Ментам не расскажет — уверен! За вас встанет, а такие, как он, на дороге не валяются.

— Хорошо, но боюсь, что команду уже дали.

— Какую команду? Замочить его?

— Не нужен он здесь! Отец никогда не ошибается!

— Да вы что, совсем рамтатухи попутали? Меня бы спросили! — закричал Вадим. — Хотя нет! Я за него не переживаю. Вот увидите, он доедет. Вам его несломать.

— Посмотрим. Я тебе сказал, чтобы ты знал. А дальше думай, как хочешь, — злись! Я вижу, ты свою тьму уже победил.

— Ага, утром в сортире оставил!

— Вот хорошо. На нас зла не удержи и пойми: не нужен он здесь.

— Испугались. И правильно, да только я уверен: он придет, и вы его не остановите.

Вадим вернулся в машину. Игорь, увидев его злое лицо, отвернулся. Олег по старой привычке спрятался на заднем сидении.

— Представляешь, — обратился Вадим к Игорю, — ко мне друг в гости едет, а они под него кобылу послали.

— Что делать будем?

— Ничего, ждать. Им Скользкого так просто не взять. А если он с фээсбэшниками завязался, значит, едет не один.

— А почему Скользкий? — спросил Игорь.

— Фамилия Подольский, а прозвали — Скользкий. Он сквозь пальцы от преследователей уходит — из такого дерьма выбирался...

— Неужели наши сектанты и в Москве засветились? — неожиданно спросил Олег.

— Да, похоже.

— Значит, недолго им и нам гулять осталось, — ответил Олег. — Если Москва за дело взялась, значит, дверцы открылись: скоро всех либо перестреляют, либо засадят на долго. Москвичи — они в наших краях болтаются попусту не любят, да и много не говорят — сразу действуют.

— А ты откуда знаешь?

— Сиделя с одним. Он подмосковских попал. Никакие адвокаты не помогли.

— Да уж, Москва слезам и адвокатам не верит...

Попутчики

— Врача! Скорее найдите врача и сообщите в милицию! — кричал Подольский.

Из купе выскочил пожилой мужчина в очках. Увидев раненого, он наклонился к нему, проверил пульс.

— Живой! Проникающее ранение, внутреннее кровотечение. Если его быстро не отправить в больницу — умрет. Давайте пока аккуратно перенесем его в купе. Нож не трогайте.

Через несколько минут появился милиционер и начальник поезда. Собрались пассажиры из других купе, но врач никого не пускал в купе Подольского.

На ближайшей станции поезд остановился. Скорая уже ждала на перроне. Санитары с носилками вбежали в вагон и быстро унесли раненого. Дмитрий вернулся в купе и позвонил «Черному полковнику».

— Олег Михайлович, вашего охранника тяжело ранили.

— Как?

— Ножом в спину.

— Понял. Ты кого-нибудь видел?

— Нет.

— Где он сейчас?

— Его на станции скорая забрала в больницу.

— Хорошо, разберемся. Ты закройся и до Читы не высовывайся. Понял?!

— Да.

— Я пришлю других. Все, пока.

Дмитрий положил на стол телефон. Взял в руки листки, оставленные священником. Попытался внимательно прочитать их, но в голове крутилось другое.

Подольский встал, убрал все документы в сумку, решив, что будет разбираться с ними позже, в спокойном состоянии. Освободив стол, он достал коньяк и оставшуюся закуску. Налил полстакана и уже собрался выпить, как вдруг дверь в купе широко открылась и на соседний диван, широко расставив ноги, сел высокий, лет тридцати, лысоватый парень.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, — спокойно ответил Дмитрий.

— В курсе, что у вас тут произошло? — спросил незнакомец.

— Да. А вы кто?

Он достал удостоверение и, показав его Дмитрию, ответил:

— Я следователь. Можно просто Сергей.

— Дмитрий. Я журналист из Москвы, — ответил Подольский.

— О, как интересно! Ну и что вы на все это скажете?

— Ничего. Можно я позвоню?

— Нет. Никаких звонков вы пока делать не будете. Сейчас протокол составим. Тут проводница объяснила, что этот юноша охранял вас. Не разрешал брать попутчиков, но вы все равно кого-то пустили.

— Да. Священника. Он в Хилоке вышел.

— А парень этот из охранной фирмы?

— Не знаю.

— Ну как так получилось, что он получил нож в спину?

— Почему вы меня об этом спрашиваете? Я из купе не выходил. Священник вышел, и после того, как поезд тронулся, минуты через три, я услышал крик проводницы. Открыл дверь и увидел его на полу.

— А вам не кажется странным, что преступника никто не видел? В обоих тамбурах стояли люди. Никто мимо них не пробегал. В вагоне все пассажиры были в своих купе, а кто-то напал на вашего охранника.

— Я тоже был в своем купе...

— Понятно. Говорить не хотите. Эй, сержант, — крикнул следователь. — Будьте здесь в купе и следите за этим журналистом. Чтобы он не звонил и никуда не выходил.

— Есть, — ответил милиционер. Он выпустил из купе следователя, зашел, сел на диван и положил на колени автомат.

Дмитрий, выпив налитый коньяк, лег на диван.

— Не знаешь, скоро Чита? — спросил он сержанта.

— Часа через два.

— Понятно. Выпить не хочешь?

— Нет. Я на службе. Вы лучше молчите, а то у нас разговор-то короткий. Соппротивление и так далее. Не дергайтесь.

— Да я вообще сплю,—ответил Дмитрий и отвернулся к стене.

Через несколько минут вернулся следователь.

— Свободен,—обратился он к сержанту.

Тот молча встал и вышел из купе.

— Значит, объяснить, что произошло, вы не хотите?

— Я что, похож на человека, который что-то в этой ситуации понимает? Я сам ничего не знаю. Да, этот парень меня охранял, но нанял его не я. Это без моего участия и согласия произошло.

— А вы что, такая личность известная?

Дмитрий достал из сумки несколько газет, которые он вез показать Тарасову.

— Вот! Посмотрите!

— «Убийство депутата», «Кто ответит за кровь русских?» «Неприкосновенный авторитет», — прочитал названия статей следователь. — Понятно,—произнес он. — Решили на всю страну о каком-то нашем миллионере написать?

— С чего вы взяли? Скорее напротив...

— Кто-то, однако, не хочет, чтобы вы совали свой нос в их дела.

— Я не еду делать заказную статью. Вы не так поняли. Я к другу в Уссурийск еду.

— Да ладно, хватит. Понятно, что этот пацан вас прикрыл. Кто-то хотел остановить ненужного гостя-журналиста.

— Скажите, что вы от меня хотите?—со злостью спросил Подольский. Он уже считал минуты до остановки в Чите. Знал, что полковник Седых не подведет и пришлет своих людей, а они уж точно поставят этого мента на место. С другой стороны, следователь Сергей был в этот момент прикрытием. При нем вряд ли кто решился бы напасть на него. Нужно потянуть время.

— Хорошо, я вам кое-что скажу,—шепотом произнес Дмитрий. — Разрешите еще раз посмотреть ваше удостоверение?

— Пожалуйста, смотрите, — согласился следователь и протянул Подольскому удостоверение следователя линейного отдела дорожной милиции города Улан-Удэ.

- А-а, вот вы откуда!
- Да, оттуда! — недовольно пробурчал Сергей.
- Что ж, я вам расскажу, но знайте, что это дело контролируется на самом верху. Знание этой информации может вам повредить.
- Хватит жуть нагонять. Есть что сказать — говори.
- Что ж, слушайте. Я воевал в горячей точке, после армии закончил институт и стал работать в газете. Так случилось, что я очень подхожу для одного важного задания. Мое журналистское удостоверение — это прикрытие. Парень, которого ранили ножом, — сотрудник ФСБ.
- Да ну?! — возмутился следователь. — В общем, вы мне намекаете, чтобы я не совал нос в это дело.
- Почему же, — возразил Подольский. — Ведите расследование по факту совершенного в поезде преступления. Вам никто не мешает. Вот только меня не замечайте. Кстати, скоро Чита?
- Далась вам эта Чита! Через десять минут.
- Дело в том, что в Чите в вагон сядут другие оперативники, которые будут сопровождать меня. Советую во избежание неприятностей сидеть здесь и охранять меня. Можете для усиления милиционера своего позвать.
- Неужели вы думаете, что на вас попытаются напасть?
- Я не исключаю этого.
- Хорошо,ждемся Читы, — согласился Сергей после недолгого раздумья. — Какой именно? Станций две: Чита и Чита-2.
- Не знаю. Полковник сказал, чтобы я до Читы закрылся и никого не впускал.
- Вам оружие выдали? — нахмутив брови, спросил следователь.
- Конечно, — ответил Дмитрий и показал пистолет, который он уже держал под подушкой.
- А если в Чите никто не появится? Тогда что?
- Буду звонить.
- Звони сейчас.
- Хорошо, — согласился Дмитрий и, взяв телефон, набрал номер полковника Седых.

— Да, слушаю, — услышал Дмитрий знакомый голос.

— Ко мне следователь в купе пришел. Подозревает меня. Ваш человек перед проводницей засветился.

— Знаю. Дай ему трубку.

Дмитрий протянул телефон следователю. Тот выслушал указания полковника, затем вернул телефон Подольскому.

— А как там паренек со шрамом? — спросил он у Седых.

— Нормально. Он рассказал, что заметил двоих. Они долго стояли в тамбуре, затем один ушел к проводнице, а другой задержался около твоего купе. Парень молодец, решил проверить у него документы, спугнул, но, видимо, второй ударил его ножом. А может, были третий...

— Почему это произошло? Кто-то обо мне уже знает? Они не желают, чтобы я встречался с Тарасовым?

— Похоже, да. Я не уверен, но, кажется, информация о тебе просочилась. У нас тут выдвинули версию, но она так — хлипкая. Твой друг, после того как начал делать эти штыри, стал неким идолом для сектантов. Возможно, они боятся, что ты испортишь его имидж. Подставишь. В этом перенаселенном преступниками городе дружба с «красным», то есть сотрудником, — позор для человека. Ты можешь опорочить его в глазах других, и некоторые потеряют веру в особые качества Тарасова. В его мистическую значимость.

— А сам он знает, что я к нему еду?

— Не уверен, но возможно. Мы сейчас работаем, пытаемся найти информатора. Вычисляем, кто из наших сливает всю информацию.

— Какой у вас план?

— Это не по телефону. Я сяду к тебе в Хабаровске, догоню на самолете. У нас будет целый день обдумать все действия.

— А вы сможете проверить по базе, есть ли у Тарасова сотовый? Я бы ему позвонил.

— Что ж, это мысль. Я тебе перезвоню.

Дмитрий отключил телефон, посмотрел на следователя и спросил:

— Коньяк будешь?

Сергей молча покрутил головой.

Дмитрий налил себе немного коньяка, выпил, стал молча смотреть в окно. Он переваривал полученную от полковника информацию. Насчет идола Седых, наверное, погорячился. Если они знают, что Дмитрий сотрудничает с ФСБ, то наверняка боятся, что Вадим расскажет ему какие-то секреты и наведет лидеров. Вот главная причина! Никто не знает, на что эти люди из секты разбитого креста способны. Если они добрались до Москвы и ФСБ и имеют там своего «крота», то и отряды ликвидации у них не детские.

— Чита, подъезжаем! — услышал Подольский голос следователя.

— Хорошо. Сидим, ждем.

— Давайте шторы задвинем, чтобы вас с улицы не видели, — предложил Сергей.

Дмитрий согласился и задернул шторы. Поезд остановился, и буквально через несколько секунд в купе постучали.

— Кто? — спросил Дмитрий.

— Господин Подольский, мы от Олега Михайловича!

— Входите, — ответил журналист и кивнул головой следователю, чтобы тот открыл дверь. Сергей достал и перезарядил пистолет. Аккуратно, левой рукой открыл дверь купе.

В проходе стояли два высоких парня, лет тридцати, в спортивных куртках. Они достали из кармана удостоверения и протянули их следователю. Тот мельком глянул и показал на Дмитрия:

— Он Подольский.

— А вы кто? — спросил один из них.

— Я следователь из Улан-Удэ. Веду расследование по факту нанесения тяжких телесных. По просьбе полковника Седых присматриваю за вашим другом.

— Понятно. Все, высвободны.

— Подожди, — попросил его Дмитрий. — Ребята, позвоните Седых, пусть он подтвердит, что вы те, кого я жду.

— Конечно, — тут же согласился сотрудник, что стоял поодаль. Он достал из кармана сотовый, набрал номер, по-

здоровался, доложил, что «посылка» в порядке, и протянул телефон Подольскому.

Дмитрий услышал знакомый голос:

— Все нормально, это наши. Одного зовут Константин, другого Алексей. Я в Хабаровске появлюсь. Они в курсе. Как пробью телефон Тарасова, позвоню.

— Хорошо, — ответил Подольский и вернул телефон парню. — Все, вопросов нет. Спасибо, Сергей, — обратился он к следователю. — Можете дальше продолжать свое следствие, работать с пассажирами.

— Не нужно, — перебил Дмитрия сотрудник ФСБ. — Мы их уже вычислили. Сами займемся.

— Помощь не понадобится? — спросил следователь.

— Нет.

— Они здесь? — спросил Дмитрий парней.

Один из них молча кивнул.

— Ладно, отпишу начальству, что у вас тут своя спецоперация, — сказал следователь Сергей и, попрощавшись, ушел.

Костя и Алексей вошли в купе, закрыли дверь, сняли куртки и как-то одновременно сели на диван.

— Ну и кто из вас кто? — спросил Подольский. — Кто Костя, а кто Алексей?

— Я Алексей, — ответил сидящий у двери парень.

— Понятно. Коньяк будете?

— Да вы что? Эти здесь, в поезде. Ночью веселье начнется. Михалыч сказал, вы при оружии, — заметил Алексей.

— Да.

— Ну и как, на вас рассчитывать или как тело охранять? — спросил Костя.

— Стрелять умею, просто так не сдамся.

— Мы так и думали. Это хорошо. Тут недавно одного депутата вытаскивали. Так его, бедного, как мешок с картошкой таскать пришлось, — пожаловался Алексей.

— А как насчетеды?

— Вы не ужинали?

— И не обедал. Только завтракал.

— Сейчас, погоди, — Костя достал из кармана рацию и негромко произнес: — Кочерга, ответь.

— Слушаю, — заскрипел голос в рации.

— Пожрать придумай для клиента.

— Понял, пришлю.

— Вы тут не одни?

— Да и их тут тоже не двое, — ответил Костя.

— А сколько?

— Трое как минимум. Но мы предполагаем больше. Кроме группы ликвидации есть люди для прикрытия и наблюдатели.

— Что, так серьезно?

— Да. Нас эти ребятишки давно достали. Все начальство уже пару месяцев на ушах стоит.

— Что, у вас тоже были убийства раскаленными штырями?

— Конечно. Причем самые разные жертвы, от деда — охранника музея до майора милиции. Всем в живот железку раскаленную вставляют.

— Неужели такая крупная эта секта?

— Нет, скорее всего, они очень мобильны. Их немного, но гастролировать любят, — объяснил Алексей.

— А ты как, бегаешь от них? Дорогу перешел? — поинтересовался Костя.

— Наверное. Не знаю, можно говорить или нет? Я вам скажу, не потому что проболтаться хочу, а потому что, думаю, нам сегодня ночью придется друг другу спину прикрывать. Вы должны знать, кто я и куда еду.

— Хорошо! Могила, мы никому, даже нашим, не скажем о твоём задании, — ответил Алексей и посмотрел на напарника. Костя одобрительно кивнул головой.

— Я еду в Уссурийск. Есть информация, что эти штыри мой армейский друг делает. Он знает лидеров, основных исполнителей и заказчиков. Мы с ним как братья. Убить его они не могут, он слишком нужен им. Но эти сектанты знают, что от меня Вадим ничего скрывать не станет. Поэтому они решили убрать меня, чтобы я не доехал и не встретился со своим боевым братом.

— Ничего, — успокоил его Алексей. — Мы тебя прикроем, обещаем. Костя три войны прошел, а я с Афгана закалку имею.

— Спасибо, ребята.

У Алексея затрещала рация.

— Да, кто это? — спросил он.

— Кочерга! Открывай ворота! Кормилица идет.

Алексей встал, открыл дверь купе, увидев девушку из ресторана, взял у нее два пакета и сразу закрылся.

Дмитрий стал разбирать еду.

— Видал, как у них тут? Все в одноразовой посуде, горячее. И даже сок и минералку положили. Нет, вы как хотите, а я под такую закуску сотку коньяка вмажу.

После ужина Дмитрий проверил пистолет и предложил:

— Ну что, спим по очереди?

— Давай, отдыхай! Я первым дежурю, — согласился Алексей.

— А точно нападут?

— Информация надежная. Нападение будет, главное, чтобы люди не пострадали.

— А вы бы их отселили в другие вагоны.

— Конечно. Давно уже это сделали. Ты что, думаешь, что мы мирных граждан подставим? Здесь все наши, даже проводника сменили.

— А может, купе сменим?

— Нет. Остаемся здесь. Они тоже подумают, что мы пересели, а мы на месте остались, — объяснил Алексей.

— Как знаете. Хорошо, я сплю. Восколько разбудите?

— Часа в три, если раньше ничего не случится.

Ментовский замес

Вадим решил взять себя в руки и успокоиться. Конечно, было очень обидно: только он начал верить сектантам, понимать их великую цель, как они сами же доказали, что все их слова — как плотная дымовая завеса, за которой скрывается нечто другое. Тарасов заехал в бутик, забрал девушек,

и все вместе отправились в знакомый ресторан. Выпив и закусив, Вадим оживился:

— Так! По всем прикидам, завтра должен приехать Димон.

— Какой Димон?—спросила Рая.

— Мой друг армейский. Он сейчас в Москве живет, журналист, работает в известной газете.

— Пускай у меня остановится, — предложила Рая.— У тебя ключи есть?—спросила она Вадима.

— Да. Ты же сама мне дала.

— Вот и хорошо. А то куда везти москвича? В вашу общагу?

— Да, это точно. Спасибо, Рая, если что, воспользуемся.

— А почему ты решил, что он завтра приедет?—спросил Игорь.

— Ну как? Сам считай. От Москвы до нас шесть дней пути. В понедельник, когда мы были во Владике, Егор сказал, что он уже едет. На следующий день мы были дома, и в этот же вечер я попал в больницу. Третий день пролежал на койке в палате. Сегодня четвертый. Завтра пятый. Послезавтра нужно встречать.

— Как-то лихо ты считаешь!

— Ребята, что вы гадаете?—перебила их Катя.—Московские поезда к нам прибывают раз в день около двенадцати ночи. Что, трудно на полчаса съездить на вокзал и проверить, приехал или нет?

— Точно! С сегодняшнего дня начнем встречать. При этом кто-то один должен быть все время дома. Умница Катя!—похвалил девушку Вадим.—Налейте ей шампанского!

— А что мы тогда здесь сидим?—спросил Олег.—Поехали на вокзал! Там тоже кабак есть.

Через полчаса вся компания шумно изучала расписание прибытия поездов в зале вокзала. Поезд из Москвы, как и предполагалось, приходил около двенадцати ночи.

В ресторане есть никто не хотел. Вадим заказал кофе и пирожные. А к ним бутылку коньяка, шампанского и коробку шоколадных конфет.

За дальним столиком несколько крепких ребят праздновали чей-то день рождения. Они изрядно выпили и, увидев девушек, стали приглашать их на танцы.

Девчонки отказывались, и обстановка накалялась. Незнакомцы стали хамить, и в разговор вмешался Вадим. До этого он молча пил коньяк и всем своим видом хотел показать, что он спокоен, но Рая чувствовала его тревогу и опасения. Игорь первый понял, что тигр вышел на охоту. Он понял, что тот сейчас начнет рвать всех подряд. Нужно было как-то выкрутить ситуацию. Где-то в другом месте Игорь бы с удовольствием посмотрел, как умеет отвязаться Вадим, но сейчас эта стычка была не к месту.

Игорь вскочили, достав пистолет, приставил его к голове одного из них. Тот, забыв о девушках, резко протрезвел. К ним тут же подошли остальные парни.

— Вы что, уроды, творите? Вы что, не видите, что мы сами по себе отдыхаем с девчонками? Вон вокзал, идите и найдите себе подруг! Там готовых к работе телок хоть отбавляй! — заорал Игорь.

— Слышь, герой, пистолет убери и посмотри сюда, — спокойно произнес один из парней.

Игорь опустил голову и увидел у него в руке удостоверение милиционера.

— Вы менты? А почему ведете себя как беспредельщики? — спросил он.

— У тебя забыли разрешения спросить, — ответил все тот же парень. — Ну что, толпа, сами в отделение пойдете или свалку устроим?

— Сами, — ответил Вадим. — Сейчас посмотрим, как вы завертитесь...

— Блатной, что ли? — со злостью спросил небольшого роста мужичок.

— Ага.

— Нога, — пятнадцать суток тебе обеспечено.

— А вам всем, сучарам, штырь в красное пузо! — истерично кричал Олег.

Тот, кто первым показал удостоверение, дернулся в сторону. Исподлобья посмотрел на Вадима и, достав сотовый,

стал куда-то звонить. Переговорив с кем-то, он сменил гнев на милость:

— Ладно-ладно, отдыхайте! Пошли, ребята, чего мы из-за них вечер себе будем портить.

Остальные менты посмотрели на него с недоумением. Тот что-то шепнул им, и они с еще большим недоумением посмотрели на Вадима.

— Все, труба дело, — опустил на стул Игорь. — Вадька понял, что они нам ни хрена сделать не смогут.

— Ну и хорошо, — сказала Юля.

— Хорошо? Смотри дальше! Сейчас начнется избиение гномов в погонах.

Вадим действительно осознал, что эти продажные менты куплены сектой, как и все остальное, как и он сам. И в нем проснулась та самая злость, которую уважали сектанты.

— Эй, гнилуха, стой, — обратился он к милиционеру.

— Что надо? Все ведь замечано!

Вадим обошел стол и подошел к нему вплотную. Хотел врезать кулаком, но удар получился другой: Вадим резко ударил лбом ему в переносицу. Остальные менты ринулись кто куда. Еще несколько минут назад они были дерзкими, смелыми и дружными. Теперь каждый старался спасти собственную шкуру. Вадим повернулся к Игорю. Посмотрел волчьим взглядом и выкрикнул: «Держи двери!»

Игорь все понял. Он взял в руки стул и встал с ним у выхода. Тарасов приступил к проведению мастер-класса по рукопашному бою. Одного он догнал сильным пинком, да так, что тот проелозил несколько метров лицом по полу. Второму повезло больше. Получив удар в челюсть, он сразу же отключился и, чтобы не мешать тигру веселиться, тихонько откатился с прохода под стол. Остальные попытались выскочить на кухню, но в них уже летели меткие бутылки и тарелки. Затем Вадим догнал их и на какое-то время превратил в боксерские груши. Он хорошо пропотел, выложился и почувствовал легкость в теле.

Рая сначала испугалась, но, увидев, как орудует ее возлюбленный, не смогла утерпеть и присоединилась к веселью. Она расцарапала все лицо герою с разбитым носом.

Затем огрела его бутылкой из-под шампанского и вылила на голову схваченный с чужого стола суп. Посетители ресторана невольно превратились в благодарных зрителей бесплатного представления.

Последнего Вадим выбросил из кухни в зал. Подошел к нему, хотел врезать ногой, но, увидев, что тот превратился в фиолетово-кровавый синяк, — пожалел.

Только теперь Вадим заметил, что музыканты продолжали все это время держать ритм, а официантка позвала администратора и директора, чтобы те полюбовались на то, как торжествует справедливость. Как позже выяснилось, эти менты не только никогда не платили за еду и питье, но и обирали всех: от директора до сторожа.

Оркестр резко умолк. Вадим окинул зал взглядом. Непонятная минута молчания воцарилась над полем боя. Разрядил ее Олег. Он встал и крикнул:

— Бей ментов — спасай Россию!

Ресторан взорвался смехом. Вадим подошел к старшему милиционеру:

— Ну ты, быдло ментовское, понял? Еще раз засветишься на рассвете, потухнешь! Давай забирай свой пионерский отряд! Все, зарница закончилась!

Вытирая кровь пачкой салфеток, парень сделал жест остальным на выход. Двоих пришлось нести.

— Сколько я должен за свое нервное поведение? — спросил Вадим официантку.

— А мы вам ничего не должны? — переспросила та.

— Я, кажется, коньяк заказывал?

— Да, он здесь, на столе!

— Тогда все нормально, сколько?

— Заспасибоденегнеберут.

— Понял! Рая, бери конфеты и бутылку, пошли на улицу. А ты, Игорь, что в стул вцепился? Уйди с дороги. Дай глоток воздуха коньяком запить...

Поезд подошел без опозданий. Приехавших было немного. Вадим сразу понял, что Подольского среди них нет. Вдруг кто-то толкнул его в плечо. Вадим обернулся и увидел налитые злобой и кровью глаза Игоря.

— Что случилось?
— Посмотри, кто у выхода топчется.
— Кто?— всматриваясь в людей, спросил Тарасов.
— «Костюмы»— секта!
— Где?—не понимая, спросил он, но Игорь уже сорвался с места. Вадим побежал за ним, но злости и ярости в его теле уже не было, он выложился в ресторане и успокоился, а Игорь, наоборот, завелся. Он с ходу налетел на двух крепких мужчин в серых костюмах, но, когда подбежал Вадим, Игоря уже скрутили и неожиданно, не дав опомниться, напали на Тарасова.

— Отпустите — я Мастер!
— Знаю, — ответил лысоватый мужичок. — Но ты нарушил одно важное правило!
— И что?— со злостью спросил Тарасов.
— Наказание сам знаешь какое...
— Штырь?
— А ты как думал? Возомнил, что неприкосновенный?
— Бегите отсюда!— неожиданно крикнул Вадим, увидев, что к нему подходят Олег и девушки. Двое в костюмах дернулись к ним, но Олег быстро сообразил и неожиданно выстрелил в землю, тем самым остановив нападавших. Пока Олег держал их на мушке, девушки убежали. Затем он сам растворился в темноте между поездами.

Игорю и Вадиму связали руки.

— Ты, наверное, думаешь, что дядя Егор или Отец заступятся за вас? Так знай, они сами вынесли этот приговор. Не волнуйтесь, друзей ваших мы тоже достанем!—с ухмылкой добавил лысоватый мужичок. — Не бойся, это почти не больно. Почувствуешь на себе то, что для других готовил.

Покушения

Дмитрий лег одетый и почти сразу уснул. Поезд отстукивал монотонный ритм. Костя открыл дверь в купе. В пустом вагоне никого не было: казалось, что поезд едет пустой.

Подольскому приснился Распутин, похожий на свою фотографию в книге. Старец пристально смотрел на него. Его лицо было вытянутым и спокойным. Борода казалась мягкой и доброй.

Отрезкого толчка вагона на рельсовом стыке Дмитрий проснулся и только через какое-то время понял, что на улице наступило утро.

— Я все проспал? — спросил он у Алексея.

— А ничего и не было.

— Но вы же сказали, что они точно нападут?

— Да. Один примерно в час ночи залез на крышу. Его сразу поймали. А дальше тишина. Ребята ходили, весь состав проверяли — ничего подозрительного.

— А люди? Куда пересадили людей, которые в этом вагоне ехали?

— Нашлись места. Правда, плацкарт, не купе. Но после того, что здесь в Хилоке произошло, никто артачиться не стал. Едут сейчас спокойно.

— Как-то мне неудобно. Вы всю ночь дежурили, а я спал.

— Ничего, не переживай. До Хабаровска у нас еще одна ночь впереди. Успеешь подежурить. Можешь прямо сейчас заступить, а я спать лягу.

— Хорошо. Давай! А где второй, Костя?

— Он с Кочергой в тамбуре курит.

— Что за имя такое — Кочерга?

— Прозвище. Фамилия у Сереги Кочергин, вот и прозвали. Тут тебе завтрак принесли. Поешь, силы нам пригодятся, а я пошел в соседнее купе спать. Подушку дашь?

— Конечно. А одеяло не надо?

— Нет, я так. Здесь в купе диваны мягкие, отдохну как дома. Вот рация, знаешь, как пользоваться?

— Знаю. Вот на эту кнопку нажимаешь и говоришь.

— Правильно. Дай я Косте сообщу.

Алексей нажал на кнопку передачи и произнес:

— Костян, все нормально. Клиент проснулся, подежурить хочет.

Дмитрий достал из пакета коробку с завтраком, налил в стакан минералки и вспомнил, что он не умывался. Взял полотенце, утренний набор и отправился в туалет.

Открыв тамбур, Подольский вдруг почувствовал, что он не идет, а плывет. Время как-то странно растянулось. Открыв дверь туалета, он услышал хлопок, и тут же в сознании промелькнула мысль: «Взрыватель!» Бросив все, он прыгнул в сторону, а раздавшийся взрыв на метр отбросил его мощной волной. Время продолжало тянуться, и он как будто со стороны видел, как летит от взрывной волны, цепляется ногой за стену и падает на пол. Впереди появляются бегущие ноги, и Дмитрий, подняв глаза, узнает Алексея. Еще секунда, и все резко включилось в обычный ритм.

— Живой? — услышал он голос Алексея.

— Да. Прыгнул вовремя.

— Ну ты, я смотрю, каскадер!

— Похоже, взрыв был направленный?

— Скорее всего. Напротив туалета окна нет и в стене дыра. Молодец, ловко увернулся!

К ним подбежали еще двое. Подольский встал и, отряхнувшись, произнес:

— Хотел зубы почистить!

Он увидел испуганное лицо Кости и удивленный взгляд маленького толстяка в бейсболке.

— Этои есть Кочерга? — спросил Подольский.

— Ага, — ответил толстяк и добавил: — Первый раз вижу, чтобы кто-то так от взрыва увернулся. Ты что, в спецназе служил?

— Да.

— А где?

— Там, за рекой!

— Понял.

— Давай ему пушку дадим, он всех бандитов сам перестреляет, — предложил Кочерга.

— У меня есть. Вы лучше ответьте мне, спецы, как вы сортир проморгали? У вас под носом в очко заряд засунули!

Алексей опустил голову. Костя с явной злостью посмотрел на Подольского, а толстяк сделал вид, что не понял вопроса.

— Разберемся, — сухо ответил Алексей.

— Да вы не злитесь. В такой ситуации обижаться нельзя. Каждая ошибка может стоить чьей-то жизни.

— Он прав. Любой мог дверь открыть. И еще неизвестно, сумел бы вот так выпрыгнуть.

— Раз ты такой умный, расскажи, что нам делать? — язвительно спросил Алексей.

— Весь вагон на наличие взрывчатки проверьте. Особенно крышу, раз по ней кто-то ночью бегал. А которого поймали, ко мне приведите. Я с ним поговорю по-своему. Ладно, все, пойду в другой туалет, умоюсь.

— Я с тобой останусь, — предложил Костя.

— Оставайся, но на каждой станции выходите на перроны и смотрите, чтобы в окно гранату не бросили.

— Хорошо, мы так и сделаем. Только за вагоном на остановках другие смотрят, — неожиданно признался Кочерга.

Дмитрий одобрительно кивнул и пошел в туалет, который находился около купе проводницы.

— Подожди, мы проверим! — крикнул Алексей. Он подошел к туалету, медленно, прячась за стеной, открыл дверь и аккуратно вошел в него.

— Чисто! Можешь идти умываться. Вода, я думаю, не отравлена.

Закончив утренние процедуры, Дмитрий позавтракал и после этого встретился с задержанным.

— Левую руку покажи! Закатай рукав! — попросил он сидящего в наручниках небритого парня. Ему было около двадцати пяти лет, но по виду Подольский сразу понял, что тот служил в горячей точке.

— Был в Чечне? — спросил журналист.

Парень продолжал молчать.

— Не хочешь со мной говорить, тогда я силой рукав закатаю.

— Не нужно. Если вы разбитый крест ищите, он у меня есть.

- Так, значит, ты из секты?
- У нас не секта.
- А что у вас? Пионерская организация?
- Тебе этого не понять!
- А сам-то ты откуда?
- Русский, в своей стране живу!
- А я, по-твоему, кто?
- Еврей! — ответил парень.
- Сидящий рядом Кочерга ухмыльнулся.
- Кто ж тебя, дурака, всему этому научил?
- Жизнь.
- Нет. Жизнь тебя другому учила. Научился стрелять и думаешь, герой?
- Я год в плену в рабах был. Не ушел с той земли, пока всех хозяев в землю не зарыл.
- Крутой, значит?
- Слушай, мужик, что тебе отменя надо?
- Да вот хочу понять, чем они вас всех берут? Ребята вроде умные. Вот мой друг сейчас тоже с вами.
- И кто ж твой друг?
- Вадим Тарасов. Знаешь такого?
- Паренек резко изменился в лице.
- Не друг он тебе. Вы, менты, много знаете, да только меня не купите вашей шнягой!
- Почему ты не веришь? Хочешь, фотку покажу?
- Ну покажи!
- Дмитрий достал из бумажника фотографию, где он и Тарасов, обнявшись, стоят в военной форме с автоматами.
- На подделку не похожа. Что, воевали вместе?
- Да.
- Жизнь многих разводит. У меня тоже друг армейский в ментуру пошел. Уже капитан. Что ж мне теперь, кланяться ему за это?
- Зачем кланяться? Армейская дружба самая крепкая. Так, встретиться, вспомнить былое, помянуть погибших друзей.
- Гладко ты стелешь, мент, но меня не возьмешь!

— Я не мент, я журналист. В газете работаю. Еду к своему другу в гости. Да вот только ваши сектанты почему-то не хотят, чтобы мы встретились.

— Вадька человек — Мастер. Если ты его друг, то не трогай его. Он живет нормально. Все его уважают. Приедешь, найдутся козлы, которые неправильно поймут это.

— Ты уже не первый мне об этом говоришь, что мое появление отразится на его авторитете. Только вот не пойму я, почему мне какие-то посторонние уроды должны указывать, что мне делать! — вспыхнул Подольский. — Кто вы такие, чтобы меня ровнять! Хочу с брательником встретиться, значит, встречусь! Понял, овца заблудшая?

— Я тебе не овца. Сегодня ты приехал, завтра уехал, а нам здесь жить. Вон за собой бригаду какую тянешь! Для чего? Чтобы нам навредить?

— Нет. Это меня от вас, дураков, охраняют! Вам же всем мозги затуманили. И крестом с тайной звездой заклеямили.

— Был бы ты простым и безобидным, не разговаривал бы со мной связанным. Правильно Отец сказал: тьма в тебе сидит большая! Знай, что для тебя уже штырек сделан. И сделал его твой друг. Скоро мы эту грязь выжжем, и никто нас не остановит.

— Достал ты меня, дурень контуженный, — выдохнув, ответил Дмитрий. — Закроют тебя. А секту твою мы все равно накроем. Я догадываюсь, что они вам читают.

— Откуда ты можешь знать?

— Пророчества Распутина. Его молитвы. Вы хотите всех нас спасти, а мы этого не понимаем. Так?

— Да-а, — прохрипел парень. — Опасный ты человек. Самое святое можешь вывернуть наизнанку. Скажу тебе на прощанье, и больше ты от меня слов не услышишь. Не доведешь ты!

— Доеду! Если надо будет, всех вас порву, но доеду! — сквозь зубы ответил Подольский.

Кочерга увел задержанного и по пути шепнул Алексею: «Этот журналист — парень что надо!»

Дмитрий достал сумку с документами и стал нехотя рассматривать все подряд. Он все еще был под впечатлением от разговора с сектантом. Хорошо они мозги ребятам промывают. Понятно, что те приходят с войны и ненавидят всех: кавказцев, богатых, командиров, пославших их на войну, и правительство. Они начинают мстить, не понимая, что они всего лишь пешки в чужих руках. В руках тех, кому нужна власть, и эта секта сделает все, чтобы заполучить ее. Сейчас они завладели умами ребят, недовольных этой жизнью, а завтра, прикрываясь высокой идеей, начнут грузить всю страну, и таких недовольных найдется много, и они встанут в их ряды. Правильно говорил полковник: таких нужно давить в зародыше.

Поезд остановился на небольшой станции. Подольский выглянул в окно и увидел на перроне Алексея. Затем услышал топот и крики. Схватил пистолет и выбежал в тамбур.

— Успокойся! — услышал он голос Кости. — Это цыгане разорались. Им через вагон пройти нужно. Мы не дали, вон они по улице пошли.

— Хорошо, я в купе пойду, — ответил Дмитрий, но этот момент раздался взрыв, и вагон с силой дернулся вперед.

— Давай к проводнице в купе! На пол! — услышал он голос сотрудника.

Огромные клубы дыма стелились по вагону. Дмитрий, пригнувшись, вошел в купе и закрыл дверь. Сжимая в руке пистолет, он осторожно отодвинул шторку и посмотрел на улицу.

По перрону бегали милиционеры. Всех цыган задержали. Именно из их толпы кто-то бросил гранату. Причем бросок был сильный. Граната пробила стекла.

Постепенно дым рассеялся. Костя потушил огнетушителем разгоревшийся диван. Дмитрий вошел в свое купе и увидел на полу сгоревшие документы, ноутбука не было. Он схватил все папки и листы и быстро перешел в другое купе. Несколько секунд не мог опомниться, затем стал раскладывать то, что осталось.

Листок с расшифровкой кода сгорел наполовину. Выписанные им пояснения он не нашел, наверное, они сго-

рели полностью. Дмитрий стал нервно перебирать документы. Самой обидной потерей был листок с адресом и телефонами отца Владимира, но его сноски и пояснения уцелели.

К нему в купе заглянул Алексей.

— Давай собирай все, что у тебя осталось, и в другой вагон переходи. Этот сейчас отцепят.

— Хорошо, — расстроено ответил Подольский.

Увидев обгорелые листы, Алексей спросил:

— Что, сгорело что-то ценное?

— Да, очень. И ноутбука нет. Теперь придется все начинать сначала. Неизвестно, смогу ли я собрать и найти все это. Профессор, который передал мне диски эти папки, погиб, а то, что передали из конторы, — не совсем то. Очень жаль один листок. На нем был адрес очень хорошего человека.

— Ничего! Главное, все целы. Тут поступило предложение везти тебя на машине. Тайно. Полковник Седых просил узнать, не возражаешь ли ты.

— Я ему сейчас позвоню.

Дмитрий стал искать свой телефон.

— Он на столе лежал. Вот что от него осталось! — ответил Алексей. Он набрал номер полковника Седых и протянул телефон Дмитрию.

— Алло?

— Да, я тебя слышу, — ответил Олег Михайлович. — Поезд отменяется. Отсидись в городе. Я к тебе скоро приеду.

— Хорошо, — ответил ему Дмитрий. — А что это за город? — спросил он у Алексея.

— Уруша. Здесь есть наш отдел. Так что не волнуйся. Машина уже ждет.

Через пять минут поезд загнали на запасной путь и отцепили от него пострадавший вагон. Дмитрий пересел в УАЗ и поехал вместе с Костей, Алексеем и Кочергой по ухабистой дороге к двухэтажным баракам. Они остановились около небольшого отдельно стоящего дома.

— Дай я еще раз полковнику позвоню, — попросил Дмитрий. Алексей протянул ему телефон.

— Олег Михайлович! Вы, как мы договаривались, приезжайте в Хабаровск. А мы на следующем поезде отправимся. Для всех остальных я буду находиться в Уруше.

— Хорошо. Дай трубку Косте.

— Я все понял, — ответил полковнику Костя и, посмотрев на Подольского, добавил: — Тормознемся до следующего поезда в этом городе, переоденемся и поедем. Придется тебя загримировать. Приказ!

— Прекрасно. Я согласен.

Дмитрий телефони и объяснил, что будет звонить из другого кабинета. Сослался на то, что он хочет попросить полковника устроить его личные дела. Поэтому предупредил, чтобы ему не мешали.

В соседнем кабинете Дмитрий нашел в записной книжке телефона номер Седых, записал его на бумажку и положил телефон на стол. Открыл окно и уже собирался выпрыгнуть с первого этажа, как вдруг увидел на улице двух агрессивных парней, которые приближались к сутулому мужику. Тот стоял около своей машины «копейки» и ждал, когда его начнут бить. Дмитрий, открыв окно, крикнул:

— Что вы от него хотите?

— Все нормально, начальник, — ответил толстяк в кожаной куртке.

— Подойди сюда! — попросил Дмитрий испуганного хозяина «копейки». Тот беспрекословно подбежал к окну.

— Здорово! Не помнишь меня?

— Нет, — ответил мужчина.

— Подвозил как-то. Выручил.

— А-а, — что-то вспоминая, протянул мужик.

— Что они от тебя хотят?

— Я у Вали из магазина три тысячи одолжил. А это ее брат, бандит. Хочет машину отобрать. Денег у меня нет.

— Давай так! Я тебе даю три тысячи, а ты отвозишь меня в Хабаровск.

— Так это ж почти сутки, по таким-то дорогам.

— Зато через двое суток ты вернешься, и никто на тебя наезжать не будет. Бензин за мой счет.

Мужик замялся, посмотрел на бандитов и спросил:

— А деньги когда?

— Сейчас.

— Хорошо, давай.

Дмитрий достал из бумажника три тысячи и протянул их мужику. Тот подбежал к бандитам и рассчитался. Толстый в кожаной куртке недовольно посмотрел на Подольского, они сели в свой «ниссан» и уехали. Дмитрий бросил в окно сумку, выпрыгнул с первого этажа, сел на заднее сиденье и крикнул:

— Чего ждешь! Гони!

Дом за слободой

Вадима и Игоря затолкали в джип и повезли по объездной дороге к слободе. Этот район находился по другую сторону вокзала. Тарасов заметил, что машина ненадолго остановилась около дома культуры имени Чумака, развернулась и помчалась за город.

Примерно через час джип остановился около небольшого частного дома. Друзей завели внутрь и посадили на потрепанный диван.

— Разжигать печь? — спросил тот, что помоложе.

— Конечно, — ответил лысоватый.

Парень нарезал щепок и стал разводить огонь в русской печи.

— Сейчас! Скоро! Не переживайте, — приговаривал лысоватый, поглядывая на Вадима и Игоря. Он ходил по комнате и явно нервничал.

— Ну что, братишка, каюк нам? — вздохнул Игорь.

— Не переживай. Ноги-то свободны.

— Ты собираешься напасть?

— Их всего двое и без оружия.

— Нет, стволы у них есть, а вот штырей я не видел.

— Ничего, кочергу разогреют.

— Тебе смешно...

— А что ж теперь, плакать? Я вижу, тут что-то не так. Пугают. Убивают людей не так, поверь мне, лица у них не те: сами боются. В таком состоянии человека трудно жизни лишить.

— Что ты предлагаешь? Накинуться на них?

— Сами себе сдохнуть поможем. Пока ждем, потом посмотрим. Ты ко мне ближе подсядь. У тебя же ремень есть?

— Да.

— Вот и хорошо. Втяни живот, — прошептал Вадим.

Игорь подсел ближе и почувствовал, как Тарасов связанными за спиной руками расстегивает ремень. Освободив пряжку, он стал перепиливать ею веревку. Игорь невольно напрягся.

— Расслабься, лобик не морщи! — услышал он голос лысого.

— Да я и не напрягаюсь.

— Спокойные вы что-то... Надеетесь, что вам кто-то поможет?

— Конечно, помогут, — услышали все голос в дверях. В комнату вошел Егор. Он улыбнулся, посмотрел на парня у печи и обернулся назад. За его спиной выросла фигура Кума. Он вытянул вперед пистолет с глушителем. Раздался сухой хлопок. Парень у печи стал медленно сползать по стене вниз. Лысоватый отскочил в сторону и схватил столовый нож.

— Ну что же ты так скачешь? — спросил его Егор. — Все, приплыли!

Кум направил на него пистолет, и лысоватый мужик, бросив нож, упал на колени и стал что-то нескладно бормотать. Игорь пытался разобрать его слова, но услышал лишь «пощадите».

— Мало того, что вы уроды, вы еще и против нас поперли, — спокойно ответил ему Егор. — Хочешь жить, отвечай, кто все это замутил?

— Светлячок! — выкрикнул лысый.

— А ему-то какой интерес от этого? — удивился Кум. — Это местный авторитет.

— Не знаю! — дрожащим голосом промямлил лысый.

— Ну, тогда все! Не о чем нам с тобой говорить, — со злостью прохрипел Егор.

— Нет, подожди. Он сказал, что, если Тараса хлопнем, вы из своей норы вылезете, и он с вами разберется.

— Вот как, а зачем вы костюмы одели?

— Он дал. Под секту сказал сработать!

— Ну что ж, живи. Ты теперь важный свидетель. Кум, развяжи пацанов, — приказал Егор.

Они вышли на улицу и увидели около джипа двух убитых: водителя и охранника.

— На фигу ты на них полез? — спросил у Игоря Вадим. — Сорвался на вокзале, как подорванный!

— Я понял, что они на нас напасть хотят. Стояли, косились, о чем-то договаривались. Дураку понятно, что нае- хать хотели. Вобщем, я несдержался. А ты почему драться не стал? Мог бы их раскидать!

— Сам не знаю. Выдохся в кабаке. Всю злость истратил.

Из дома вышли Егор и Кум. Последний держал перепуганного мужика.

— Ну что, домой? — спросил Егор.

— Домой, а куда еще?

— Их джип забирайте. Он теперь ваш. Ключи и документы у водителя найдете.

— А с этими что? — спросил Игорь, показывая на трупы.

— В дом отнеси.

— Хорошо, — согласился Игорь и, наклонившись, стал проверять карманы убитого водителя.

— Егор, ответь, — резко спросил Вадим, — что будет с Подольским?

— А ты что предлагаешь?

— Давай так. Я его встречу и сам с ним поговорю. Отвечая, если почувствую что-то неладное или услышу ненужный вопрос, — сам его кончу за то, что он скурвился. А если он не изменился, то поговорю так, что он ничего не узнает о вас и вашей семье.

— Нашей семье, — поправил Егор. — Ты должен пообещать, что ничего ему не скажешь. А если убедишься, что он не стукач, приведешь ко мне.

— Обещаю.

— Хорошо. Он скоро будет в Уссурийске. Я сам тебе позвоню, когда его встречать.

— Я могу быть уверенным, что с ним ничего не случится?

— Ты дал слово — я тоже. Все, этот вопрос закрыли.

— А как вы узнали, где мы?

— Сначала дежурный мент с вокзала позвонил. Рассказал, что вы в ресторане все крушите, а потом Олег стал в трубу кричать, что он будет жить в подвале, прятаться до тех пор, пока всех нас не замочит. Я его успокоил, и он объяснил, что случилось, но, боюсь, он до конца мне не поверил.

— А как менты узнали, кто я? Я им документы не показывал.

— У тебя на левой стороне губы шрам. Эта примета дана всем, для определения. Чтоб не перепутали. У них в картотеке ты числишься как Лесник.

— Кто? — услышав разговор, переспросил Игорь.

— Лесник, от слова ЛЕС — «лидер Егоровой секты». Так они тебя, Вадим, теперь величают.

— Хорошо, что не печник, — пошутил Игорь. Вадим недовольно посмотрел на него, а Егор отвернулся, пряча улыбку. Слово «печник» в этих краях считалось не совсем приличным.

— Чудило, за базаром следи, — буркнул Тарасов.

Игорь посмотрел на него удивленно.

— Ладно, я «валенки» в дом пока перетащу.

— Давай-давай, трудись. Документы и ключи нашел?

— Да.

Вадим повернулся к Егору и, пристально глядя в глаза, спросил:

— Почему вы так боитесь Подольского?

— Он выворачивает наизнанку одну тайну. А если она приведет его к нам и он на весь мир растрезвонит, что мы скрываем, то тьма воспользуется этим! Мы потеряем преимущество. Это отбросит назад лет на десять как минимум.

— Если не секрет, что за тайна?

— Код Распутина.

— А зачем ему это?

— Сам не пойму. Если он связался с темными силами—то даже ты его не спасешь. Если сам как журналист копает—полбеды. Самый лучший вариант—если он это делает для спасения всех нас.

— Дима — настоящий патриот. Он за Родину всегда тельняшку рвал.

— Посмотрим. Но учти, один шаг в сторону—и он труп. Даже и не обижайся. Сам пойми: мы столько лет создавали структуру, работали, а тут вдруг приезжает человек, чтобы все разрушить.

— А Отец что говорит?

— Он чувствует в нем силу, перед которой ему страшно, но вот вчера ночью он сказал, что если этот человек тот, о ком он думает, то именно твой Подольский поможет нам. Поэтому мы даем тебе шанс встретиться с ним. Если бы не Отец, твой друг уже бы погиб. С годами и ты бы понял, что другого выхода не было. Новых выход появился, и вместе с ним шанс. Мы очень сильно рискуем, но, учитывая то, что его заставили, и то, что ты о нем говорил, мы решили рискнуть. Сейчас езжай домой, успокой девчонок и Олега. Они прячутся в доме, где живет Рая, у нее в подвале с картошкой.

— От вас, что ли?

— А от кого же еще? Он нам войну объявил, в подполье ушел.

— Надо же, хлюпик и тихоня в волка-одиночку превратился.

— Это злость твоя. Она очень заразная. Ты меняешь людей, делаешь их сильнее, злее. Учишь мстить!

— Я?— удивился Тарасов.

— Ты! Причем самого не осознавая.

— А девчонки что, тоже заразились?

— Одна Рая. Она за тебя горой.

— А мне что делать?

— Будь спокойней. Не выплескивай за края злость. И главное—ментов не бей. Они тебя не трогают, и ты их не замечай. Нам лишние напруги не нужны.

— Эти уроды сами виноваты. Начали пьяные к девчонкам приставать, нам хамить.

— Знаю, поэтому вопрос закрыли, но в будущем они будут отворачиваться, не замечать тебя и отпускать. Ты тоже сдерживай себя, не лезь! Даже если видишь перед собой законченную сволочь.

— Хорошо. Договорились. А когда Димка придет?

— Я думаю, скоро. Он уже сошел с поезда.

— Буду ждать звонка.

— Все выяснил?

— Нет. А как вы этот дом вычислили? Мне кажется, вы за мной постоянно следите...

— Я этого не скрываю. Ты очень важный человек и очень нужен нам. Я скажу больше: даже штыри теперь уже ни при чем. Отец сказал, что именно через тебя идет дорога к Святыне.

— К чему?

— Одной утерянной иконе, которую ты каким-то образом поможешь найти. Может, твой друг Подольский что-то подскажет? Не знаю...

— А когда он это понял?

— Когда ты в больнице лежал. Распутин, вылечив как-то Вырубову, как и ты, упал в обморок. Это знак твоего могущества.

— А штыри кто будет делать?

— Кроме тебя никому. А темного народу вокруг бродит столько — ужас!

— Но у них же есть жены и дети!

— При жизни жены и дети от своих уродов ничего не видят, а о добре и ласке не знают. Мы никого не оставляем и помогаем всем, кому причинили вынужденную боль.

— Значит, когда мы с вами после больницы из-за Димки ругались, вы еще не знали этого?

— Нет. Все изменилось позже. И мы готовы исправить эту ошибку.

— А как мне с Подольским быть? Куда его везти? Где прятать?

— У Раи есть квартира. О ней никто не знает.

— Кроме вас!

— Да, кроме нас, никто не знает. Привезешь его в общагу и пригласишь Раю. Пусть она ночью его к себе отведет. Только переоденьте его. В темноте человека можно опознать по походке и одежде. Объясни ему, чтобы он не обиделся. А мы по дороге на столбах фонари потушим.

— Хорошо.

— Все, давай, мы поехали. Повезу этого кренделя разбираться. Что это вдруг Светлячок берега перепутал?

— Да небось по пьяни. А сейчас трясется.

— Хорошо, если так, а если всерьез задумал наехать?

— Вряд ли, он не дурак. Вот только пьяный ничего не соображает, а трезвый вопросы грамотно решает.

— А ты его знаешь?

— Да, в отстойнике встречались.

— Что ж, посмотрим. Мы поехали.

Егор и Кум попрощались, затолкали лысого в джип и уехали.

Вадим посмотрел на недовольного Игоря и спросил:

— Ты чего скуксился?

— Притомился «валенки» таскать. Отчего дохлые такие тяжелые?

— От страха. Поехали домой. Нужно Олегу позвонить, чтобы он из подполья выходил.

Вадим завел джип, и через минуту друзья выехали из дома и направились в Уссурийск. До Олега дозвониться не смогли. Видимо, в подвале связь не работала. Нужно было как-то вытащить его и перепуганных девчонок из под дома. В таком состоянии Олег с перепугу начнет стрелять.

Дмитрий в Хабаровске

Машина выехала из города. Подольский успокоился и удобно расположился на заднем сидении.

— Меня Мишкой звать! — крикнул водитель.

— Понял, а меня Дмитрий.

— Ты как, сбежал?

- А ты что, не понял?
- Да понял. Что залетел? Натворил чего?
- Нет, я журналист. Меня решили придердержать, чтобы я не увидел главного.
- А-а, понятно. Это хорошо. Я думал, ты уголовник.
- Нет. Успокойся.
- Нужно заправиться, а то дальше бензин на трассе плохой.
- Пятьсот хватит?
- Конечно, под завязку.
- Если что, буди, я спать буду.
- Спи, чего мне тебя будить. Здесь дорога хорошая, не растрясусь.

Дмитрий кинул сумку к двери, леги сразу уснул. В другой день Подольский не смог бы спать в машине, но сейчас он просто отключился.

Проснулся Дмитрий, услышав громкие голоса. Он открыл глаза и увидел Мишку, который что-то говорил милиционеру. Он рассмеялся и, попрощавшись, вернулся в машину.

- Что, проснулся?
- Да.
- Все нормально. Я ему не нужен, тут и без меня пьяных и наркоманов на иномарках хватает. А с меня-то и взять нечего. Ну что, поехали?
- Конечно. Останови около кафе.
- Угощаешь?
- Конечно.
- Хорошо, заодно и заправимся. Я посчитал, мне еще тысяча понадобится. Это до Хабаровска и обратно.
- Без вопросов, — ответил Дмитрий, доставая деньги.

Через час они поели и заправились, а еще через два часа подъехали к Хабаровску. Мишка довез Дмитрия до вокзала, попрощался и уехал обратно.

Первым делом Подольский купил новый сотовый телефон. Он вставил в него SIM-карту из сгоревшего мобильного и увидел, что она заработала. Все телефоны сохранились в памяти, и записка с номером полковника не понадобилась.

Дмитрий набрал его номер и, услышав знакомый голос, ответил:

— Да, это я! Со мной все нормально!

— Ты как, сам убежал, что ли?

— Да.

— А зачем?

— При встрече объясню.

— Хорошо. Я сегодня в семь вечера прилечу в Хабаровск.

— Встретимся на вокзале у памятника Ленину.

— Договорились.

— Олег Михайлович, у вас сохранились файлы тех документов, что вы мне дали?

— Конечно. Мне доложили, что твои бумаги сгорели, сказали, что переживал очень. Я записал все на диск. У тебя ноутбук уцелел?

— Да. Поцарапало немного, но ничего, работает.

— Хорошо. До встречи.

Дмитрий решил прогуляться по городу, чтобы убить время, но случайно заметил старушку с картонкой. На ней было написано крупными буквами: «Сдам комнату. Недорого».

— Сколько за сутки? — спросил он.

— Да недорого. Я тут стоять уморилась. Пошли, я борщом вас угощу.

— Пятьсот хватит?

— Ой, много, но, если дадите, я вам постелю новое белье и ванну приготовлю.

— Согласен.

— Я рядом, в пятиэтажке. Одна, дед два года как помер.

— Ну пошли, вот только я продуктов куплю.

— Да не нужно, я ж говорю, накормлю.

— А выпить есть?

— Смотря что выпиваете...

— Я коньяк куплю.

— Я с деревни привезла настойку на травах, в сто раз лучше.

— Уговорили.

Через пятнадцать минут Дмитрий зашел в комнату, помылся, поел домашнего борща, выпил самогонки и решил лечь поспать. Попросил разбудить его в шесть вечера.

Хозяйка все сделала, как он просил. В шесть часов Дмитрий встал, умылся и вышел к вокзалу. Нашел неприметную скамейку в стороне и стал оттуда наблюдать за памятником.

Без пятнадцати семь зазвонил телефон.

— Ну ты где? — услышал он голос полковника.

— А вы где?

— Я в белой «волге», один.

— Вижу, сейчас подойду.

Дмитрий подошел к стоящей на стоянке «волге» и сел на заднее сиденье.

— Привет!

— Здорово, герой! Что, в шоке?

— Да нет. Нормально. Я привыкший.

— Ну что, в гостиницу, обсудим план действий?

— Нет, пойдете со мной, я тут комнату снял.

— Комнату? — удивился полковник.

— Да.

— Хорошо, пошли в комнату, все обсудим.

Олег Михайлович и Подольский расположились на кухне. Хозяйка накрыла на стол, поставила бутылку самогонана травах и ушла к соседке.

— Как ты легко к людям в довериеходишь! — удивился полковник.

— Бабулька нормальная, она жизнь прожила, людей видит, поэтому и не боится, доверяет.

— Это точно. Ну ладно, расскажи, почему ты убежал.

— Перестал доверять вашим людям.

— Почему?

— Перед тем как цыгане появились на перроне, они зашли в тамбур и разговаривали с охраной. Их, конечно, не пустили, но после этого из их толпы кто-то точно, с силой бросил гранату в мое купе. Весь вагон был пустой. Никто, кроме своих, не знал, где я сплю. А тут метили прямо на мой диван, где я только что лежал. Кстати, когда я вышел,

увидел удивленные и злые глаза вашего Кости. До этого он реагировал на меня спокойно.

— Возможно, это произошло в целях безопасности. Костя переживал, что начнется заваруха с посторонними из тамбура.

— Он смотрел на меня со злостью. Видимо, не ожидал, что я встану и выйду.

— Хорошо, разберемся. Что дальше делать думаешь?

— Вы не нашли номер Тарасова?

— Нашел. Вот, звони, — полковник протянул записку. Дмитрий набрал номер и, услышав гудки, встал из-за стола.

— Здорово, брат! Это я, Дима Подольский.

— Здорово, братишка! Ты где?

— Пока не могу сказать...

— Моги, не бойся. Тебе ничто не угрожает!

— Как это?

— Я решил этот вопрос. Ты, главное, этим пока ничего не говори. Садись и приезжай ко мне. Я встречу.

— Хорошо, буду в Уссурийске, позвоню. У тебя все нормально?

— Не волнуйся. Приедешь, сам все увидишь!

— Хорошо, жди.

— Это твой номер, что у меня на мобильнике определился, или чужой?

— Мой.

— Отлично, я ночью перезвоню, — закончил разговор Вадим.

— Ну что? — спросил полковник.

— Говорит, приезжай и никого не бойся.

— Странно...

— Голос трезвый, даже слегка веселый.

— Ну что ж. Сегодня уже не успеешь, а завтра я тебя посажу в поезд, помогу с билетом.

— Я сам. Не светите меня, приезжайте следом.

— Я на служебной машине доеду. Завтра, как приедешь и встретишься с Тарасовым, позвони мне.

— Сразу не обещаю, но позвоню. Вы мне не обещали.

— Да, конечно, — ответил полковник и достал из кармана компьютерный диск. — Я тут сам о Вырубовой с интересом почитал. Ты знаешь, почему она боялась ходить в дом к Распутину. Про нее такое говорили, а главное, в газетах писали!.. Была даже назначена специальная комиссия и следствие о ее вызывающем поведении. Только не удивляйся, — усмехнулся полковник. — После всех сплетен результаты следствия удивили всех — она оказалась девственницей.

— А на какие унижения пришлось ей пойти, чтобы это доказать! — вставил Подольский. — Она была жизнью обязана Распутину. Он спас ее после крушения поезда.

— Да. Ну, давай. Будет время, мы еще вернемся к этой теме. Сейчас главное — настройся на встречу и не верь словам друга. Возможно, его, как и других, зомбировали какой-то дрянью. Наши спецы сейчас работают над этим. У заключенных с татуировкой разбитого креста нашли в крови какой-то странный наркотик. Основа — героин, а дальше целый букет, от валерьянки и конопли до тяжелой химии.

— Я знаю, это люди серьезные. Просто так с ними не поиграешь.

— Все, я пошел. Ты сходи сегодня билет купи, а то вдруг не будет, — предложил полковник.

— Схожу.

Дмитрий проводил Олега Михайловича до подъезда. Вернулся в комнату, включил ноутбук и вставил диск. Открыл папки и увидел собранные ФСБ документы.

— Так, хорошо, — воскликнул он. Достал из сумки уцелевшие листы, разложил их на кровати и столе и увлеченно начал просматривать файлы.

В комнату вошла хозяйка. Подольский попросил ее сходить на вокзал и купить ему билет до Уссурийска. Шустрая старушка согласилась. Постоялец ей явно нравился. Дмитрий вернулся к файлам. В отдельном документе он стал записывать все мысли и найденные ходы расшифровки. Такого рвения к изучению чего-то у него никогда не было.

Первым делом он обратил внимание на папку «Предсказания и пророчества». Этих документов раньше у него не было. Возможно, это был шаг в сторону от основного поиска, но Дмитрий почему-то захотел узнать, что же говорили великие пророки о будущем России.

Первое пророчество принадлежало Нострадамусу. Этот предсказатель хорошо известен миру. Много из того, что он предсказывал, действительно сбылось, например, власть большевиков продержалась семьдесят три года, и он еще в шестнадцатом веке предсказал это. Что же касалось царя и России, то по увиденным записям Подольский понял, что Нострадамус предсказывал расцвет России начиная с 2012—2020 годов. Увидев сноску о царе, Дмитрий прочитал ее вслух:

«Поддержка тронов с помощью вооруженных отрядов (манипул) и денег (?)».

Изменит святыни (посвящение, коронование) и храмы (и перейдет на молитву),

взятые в плен (взятые и пленные) не останутся на трех (тройных) лугах,

Он будет опущен на дно, поднят, посажен на трон».

VII центурия, LXXIII катрен. Мишель Нострадамус.

«Да уж, — подумал Дмитрий. — Значит, и этот пророк увидел то, что царь вернется на русскую землю и страна наша поднимется с колен. Конечно, все его предсказания туманны и расплывчаты и при случае их можно понять по-разному, но не стоит относиться к его словам с пренебрежением».

Подольский стал просматривать остальные папки и заметил файл с пророчествами Распутина. Он открыл его и стал внимательно читать:

«... Опять я его спас, и не знаю, сколько раз еще спасу... но спасу я его для хищников. Всякий раз, как я обнимаю царя, и матушку, и девочек, и царевича, я содрогаюсь от ужаса, будто я обнимаю мертвецов... И тогда я молюсь за этих людей, ибо на Руси они в этом более всех нуждаются. И я молю за все семейство Романовых, потому что на них падает тень долгого затмения».

«...Я вижу столько людей, огромные людские толпы и горы трупов. Среди них много великих князей и графов. И кровь их обогривает воды Невы... Не будет покоя живым, и не будет покоя мертвым. Через три луны после моей смерти я снова увижу свет, и свет станет огнем. Вот тогда-то смерть будет вольно парить в небесах и падет даже на правящее семейство».

«...Люди идут к катастрофе. Самые неумелые будут править повозкой. И в России, и во Франции, и в Италии, и в иных местах... Человечество будет раздавлено поступью безумцев и негодяев. Мудрость закуют в цепи. Невежественный и властный будет диктовать законы мудрому и даже смиренному. А потом большая часть поверит во власть имущих, но разуверится в Боге... Кара Божья будет нескоро, но ужасна. А случится это еще до конца нашего века. Затем наконец мудрость будет освобождена от цепей, и человек вновь доверится Богу, как дитя доверяется матери. И по этому пути человек придет в рай земной».

Григорий Распутин.

Закурив сигарету, Дмитрий остановился на одной брошенной в глаза фразе:

«И я молю за все семейство Романовых, потому что на них падает тень долгого затмения».

«Долгого, но не вечного, — подумал Дмитрий. — Значит, затмение и изгнание когда-то закончатся. Получается, что не зря я этим занимаюсь. Возможно, на какой-то шаг приближаю конец этого затмения».

Дмитрий вернулся к папке пророчеств и прочитал предсказания Серафима Саровского:

«Тогда Дивеев будет диво всемирное, ибо из него изведет Господь Бог Свет Спасения не только для России, но и для всего мира во времена антихриста».

Дмитрий вспомнил попутчика отца Владимира. Этот добродушный человек очень просил не бросать начатое дело. Подольский пообещал ему, но не потому что увидел в глазах священника интерес, а потому что почувствовал, как измученная душа этого человека просит, умоляет и верит в спасение.

Последним документом, поставившим точку на сомнениях, что все происходящее не бред и не выдумки продвинутых сектантов, стало пророчество, датированное 1906—1908 годами:

«Да прекратит наши бедствия Господь по великой милости Своей! А вы, друзья, крепко стойте за царя, чтите, любите его, любите святую Церковь и Отечество и помните, что самодержавие— единственное условие благоденствия России; не будет самодержавия— не будет России».

Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский.

Хозяйка квартиры вернулась и положила на стол около Дмитрия билет и сдачу.

— Купейных не было. Взяла плацкарт. Тутехать-то не долго, ничего?

— Все нормально. Спасибо.

— И вам спасибо. Пишете чего-то?

— Да, я журналист.

— Хорошо. Интерес у вас к жизни великий. Я вижу, как глаза горят. Ну ладно, работайте, не буду мешать. Чайку сделать?

— Буду благодарен.

— И слова-то у вас какие хорошие — «Буду благодарен»! Сейчас так и не отвечают, все больше рычат да ругаются. Вы в столице проживаете?

— Да.

— Как там?

— Деньги решают все.

— Это хорошо.

— Почему? — оставив на минуту ноутбук, спросил Дмитрий и посмотрел на старушку.

— Если есть возможность заработать, это ж хорошо! А раньше не давали, сажали, если денег у тебя много. Ведь не все же воруют, кто-то и зарабатывает. Умом, умением что-то делать. Если это дорого стоит, почему не продать за доллары?

— Как-то странно вы все это видите...

— А что ж тут странного? Вот у меня сын когда-то полгода шил модные куртки. Умел. Продал их потом, а

его как спекулянта посадили. Вот так, и ничего мы не доказали.

— Почему?

— Экспертиза показала, что вещи шиты за границей.

— А где сейчас ваш сын?

— Помер в лагере. Голод там тогда был. Болезни страшные. А он у меня с детства часто болел. И что стало? Таких курток до сих пор никто шить не умеет. Сейчас бы он, конечно, был бы богат. Ведь он кроме курток и костюмы шил, и брюки. Никто не жаловался. Убили его власти наши — и кому лучше сделали?

— Да, раньше не понимали, что нельзя резать курочку-рябу, которая несет золотые яйца.

— Вот поэтому я и радуюсь, что люди зарабатывать начали. Пусть живут, и пусть их дети не знают, что такое голод, и не боятся черных машин, что навсегда увозят родителей.

— Вы, наверное, много горя видели?

— Так ведь вся жизнь — сплошная мука. Отца моего сослали. Кроме чайника, кровати и стула ничего иметь не разрешали, и муж был из таких же. Мы с ним вместе мыкались, пока он не помер. Думала, с сыном повезло, но и его эта власть сожрала. Ты, сынок, работай. Не слушай меня, старую, а я пойду тебе чаю заварю. Как, покрепче?

— Да, и, если можно, кружку побольше.

— Конечно, и сахару много положу. Сахар для мыслей полезен — так отец мой говорил.

— Хорошо.

Старушка ушла на кухню. Дмитрий успел только спросить:

— А курить-то здесь можно?

— Кури. Все постояльцы курят. Я разрешаю, — ответила с кухни хозяйка.

Дмитрий закурил и стал смотреть на названия папок. Затем отодвинул ноутбук, взял уцелевшие папки и стал раскладывать и просматривать их. Хозяйка принесла чай. Дмитрий поблагодарил ее и продолжил поиск.

В отдельном файле он записывал все, что удавалось связать с кодом. Он выписал еще раз найденные цитаты,

восстановил расшифровку послания и пометил, где и как искать. Подольский для начала решил расшифровать до конца все сокращенные слова. Там, где стояла буква «М», он писал «царица», «Вс» — Воспоминания, а «К» и «И» записывал как «кондак» и «икос». В какой-то момент он понял, что ему необходим молитвослов. Дмитрий пометил, в каких местах идут сноски оттуда. Затем выделил отдельно сноски на воспоминания Распутина, его фразы, записанные императрицей, и, главное, определил порядок вычитывания нужных слов. Как ему показалось, этот порядок был правильным.

Просматривая бумаги, Дмитрий неожиданно увидел свастику. Древнейший солнечный символ буддистов, найденный в отпечатке стопы Будды. Именно эту свастику использовал Гитлер.

«Странно, а это здесь при чем?» — подумал он и решил еще раз просмотреть файлы. В одной из папок Александры Федоровны он увидел сноску на свастику.

Дмитрий стал изучать документ и прочитал то, о чем уже догадывался. О некой организации, тайно существовавшей в то время. Он, конечно, понимал, что тайных и мистических организаций было много — они росли, как грибы после дождя, на волне новой моды свободомыслия, но эта могущественная организация была особенной. Именно она олицетворяла всю мощь «темных сил», имеющих влияние на все дворы Европы. О ее существовании лишь догадывались, а Распутина ошибочно считали представителем этого тайного общества. Старец знал об этих людях и противостоял им. Он предвидел, к чему ведет их влияние, но ему никто не верил, так как члены «темной силы» были слишком могущественны: им верили, уважали и считали образцовыми представителями той или иной страны.

В 1933 году в издательском доме Берже-Левро в Париже была выпущена книга некоего Тедди Леграна «Семь голов зеленого дракона». Автор прямо заявил, что в Европе того времени существовало тайное общество. Представители этой организации влияли на все происходящие события и в Германии, и в России. По данным французских

спецслужб, автором книги был журналист Пьер Мариэль, взявший себе псевдоним, указанный на обложке. Он же был членом верховного совета ордена мартинистов, основанного самим Папюсом. В книге подробно анализировалась деятельность этой загадочной организации, которая способствовала приходу к власти большевиков и Гитлера. Прочитав краткое содержание, Дмитрий решил уяснить, почему эти материалы отнесены в папку императрицы. Прочитав следующую страницу, Подольский узнал, что Александра Федоровна верила в этот божественный символ, возможно, знала о существовании могущественной организации — надеялась на ее помощь. Она, словно замороженная, рисовала свастику на стенах ипатьевского дома. На ее сумочке также присутствовал этот божественный символ. Но Подольского удивило другое: если это тайное общество влияло на исторические события Европы и способствовало приходу к власти большевиков и Гитлера, то как с этим могла быть связана императрица? Неужели она собиралась как-то помочь им захватить власть?

В следующем документе говорилось о французском подданном Жильяре. В то время он находился в окружении царской семьи. Мало того, он до последнего момента был с царем и лишь чудом уцелел. Этот человек вспоминал, как императрица действительно рисовала свастику и приказывала всюду изображать ее на счастье.

Слишком много совпадений. Царь со своей семьей был сослан в Тобольск. В те места, где родился Распутин и оставалось много членов его кружка. Почему большевики сослали его именно туда? Тоже совпадение? Что, в огромной России не нашлось другого места? Похоже на другое. Кто-то явно преследующий мистические интересы управлял всем ходом событий. Влиял на большевиков, Гитлера и его окружение и создал две противостоящие друг другу силы, символами которых стали свастика и огненная звезда. Эти силы в итоге восстали друг против друга, и потекли по земле реки крови. Люди принесли великую жертву из миллионов душ тайному и властному божеству. Те, кто догадывались о его существовании, называли его «темной

силой» и, как правило, плохо кончали. Распутин знал об этом, он видел, как гибнет русский народ, хотел что-то изменить, противостоять, но вся страна уже летела с горы в пропасть, и никто не понимал этого — один он. Распутин понял, что его смерть неизбежна, и именно тогда он увидел, что Россия увидит пришедшее на ее землю зло. Победит его и вернется в Царство Божье. Он знал, что в его время голос пророка не услышат, поэтому оставил зашифрованный текст. Эти документы наверняка видели большевики и, возможно, пытались понять, что это. Но не смогли проникнуть в шифр, решили, что это какой-то бред безумца. А может, этим кодом была создана тайная защита. А когда советская власть рухнула, стали восстанавливать церкви и люди пошли в храмы, защита ушла, чтобы мы смогли получить ключ к спасению...

Дмитрий встал из-за стола, подошел к форточке и закурил. Он понял, что сделал еще один шаг, приблизился к расшифровке кода, но реальность не давала уйти от нее слишком далеко.

Ему не давали покоя люди из секты разбитого креста. Кто они? Фанатики? Почему они обосновались на Дальнем Востоке?

Подольский вернулся за стол. Стал просматривать файлы и обгорелые страницы и кое-что обнаружил...

Осенью 1917 года, когда вся царская семья была сослана в Тобольск, туда прибыл Николай Борисович Соловьев. Блондин с аккуратно постриженными усами. Этот человек был непосредственным учеником Распутина. По воспоминаниям очевидцев, он обладал гипнотическим даром и мог также воздействовать на людей. Жил в Германии и Индии, где учился и практиковал свои способности. В августе 1917 года он пытался встретиться с епископом Гермогеном, но тот не пожелал этого. Хотя и был когда-то другом Распутина.

В Петербурге Соловьев встречался с Вырубовой и заручился ее поддержкой. Известно, что Соловьев женился на дочери Распутина Матрене и проживал во Владивостоке. Поручик Логинов был его соседом и дружил с ним. Од-

нажды, вспоминает поручик, на Русском острове Соловьев применил к Матрене свои гипнотические способности. Это зрелище было не из приятных, но факт гипноза был налицо. Возможно, именно с него, ученика и последователя Распутина, и берет начало нынешняя секта разбитого креста. С годами она видоизменилась, но цель осталась прежней.

Дмитрий изучил все материалы, касающиеся Соловьева, и понял, что этот человек был предан царю и, возможно, выполнял тайную просьбу Распутина о спасении царской семьи.

Соловьев действительно переехал в Тюмень, но перед этим жил в Тобольске, где через горничную царской семьи Уткину наладил связь с императрицей и Николаем II. Он подделал документы на имя Станислава Корженевского, видимо, опасаясь преследования, но при этом свободно разъезжал от Урала до Владивостока. В документах сказано, что он контролировал ситуацию и не позволял выходить на связь другим подпольным организациям. Возможно, опасался за спокойствие царской семьи. При этом он умело использовал свои способности и влиял на охрану и офицеров, а некоторых умышленно сдавал большевикам.

Вырубова прислала ему в помощь пасынка Думбадзе Сергея Маркова—офицера Крымского конного полка. Они планировали освобождение узников. А если учесть, что белая армия уже подступала к Тобольску, это выглядело почти реально. Но кто-то невидимый опять спутал их планы. Большевики, проигравшие много сражений белогвардейцам, вдруг вспомнили о царе. Царскую семью конвоируют из Тобольска в Тюмень, затем в Екатеринбург, в дом купца Ипатьева. Именно там прошли их последние дни перед жестоким убийством.

Подольский подумал о том, что здесь может быть зацепка. Даже если «Разбитый крест» не имеет отношения к Соловьеву, эти люди могли найти оставленные им и его женой—дочерью Распутина—какие-то документы. Возможно, остался кто-то из родственников, и в их семьях

хранили эту тайну. Так что все пути ведут к сектантам, а следовательно, и к возможной расшифровке кода.

Дмитрий встал, закурил, подошел к форточке и заметил, что на улице начало светать.

Надо было хоть пару часов поспать, чтобы быть в форме. Он разделся и лег на застеленный для него диван. Закрыл глаза и через секунду услышал голос хозяйки:

— Вставай, до поезда час остался!

— Как час? Я только лег! — Он посмотрел в окно и убедился, что день уже наступил: солнце заливало комнату.

— Пора, милый, пора! Иди кушать. До поезда час. Успеешь.

За двадцать минут до отправления Дмитрий попрощался с хозяйкой, поблагодарил ее и пошел на вокзал. Поезд подошел вовремя. Подольский нашел свой вагон и сел на указанное в билете место. Рядом с ним сели трое. Двое пожилых мужчин и коренастый крепкий парень с длинным закрученным чубом. Один из мужчин стал поднимать наверх чемодан, и Дмитрий случайно увидел у него на левой руке татуировку — разбитый крест.

Войска к бою готовы

— Во всем плохом всегда бывает что-то хорошее, — заметил Игорь.

— Ты о чем? — удивился Вадим.

— Классный джип мы оттопырили.

— Это точно.

— Сейчас приедем, возьму литр и ужрюсь.

— Нет. Сначала наших нужно из транса вывести. Они там, бедные, в подвале маются. К войне готовятся. Готовят взрывчатку для Четвертой и Пятой мировых войн. Попробуй, может, дозвонишься?

— Да я только и делаю, что пробую. Глухо, как в танке Второй мировой.

— Ну ничего. Уже приехали. Вон видишь пятиэтажку — они там окопались.

— А откуда у Раи подвал?
— Бывший построил.
— Понятно.
— Чего тебе понятно? Жили люди, любили, все покупали, строили, а потом бах, и разлюбили друг друга. Как ты думаешь, почему?

— Забухал? Предал интересы семьи и отнес на базар последний ситцевый платочек своей благоверной?

— Да, запил, но запил из-за нее. Перестала она понимать его, а я вот думаю: вдруг и меня понимать перестанет?

— Нет. Я вижу, как она вокруг тебя суетится. Пожила баба одна, помыкалась, а тут и ты. А с мужем, мне кажется, все просто. Запил и как мужик не смог. Ладно, если бы он денег много зарабатывал, а то ни мужика, ни денег...

— А ты откуда знаешь?

— Моя рассказывала.

— Катя?

— У меня другой нет.

— Как у вас?

— Нужно бабок срубить, хату купить.

— Давай я помогу.

— Давай. Тебе Егор прилично отсыпал. Дай семь штук баксов, я на Слободе домик прикуплю, или десятку, тогда на квартиру хватит.

— Сегодня лавэ прикинем. Я думаю, за квартиру нужно с Егора спросить.

— Как это?

— Он заикался, что мы в шоколаде будем, если штырей наделаем. Мы их наделали, а бабки почему-то кончились. Где обещанная лафа шоколадная?

Вадим остановил машину около подъезда.

— Ну и где мы их будем искать? Как выколупывать из темницы-подвала-крепости?

— Ты полезешь и будешь орать, чтобы Олег в тебя не шмальнул.

— Опять я первый? — возмутился Игорь.

— Хорошо, давай я полезу, раз ты не хочешь любимую спасти. Я ей так и скажу. Забил он на тебя, Катя, — отказался спасать.

— Уйди в сторону, гад! Знаешь, как на мякиш надавить.

Вадим рассмеялся, а Игорь в это время зашел в подъезд, спустился к подвальной двери и заорал:

— Эй, партизаны-подпольщики, сдавайтесь! Я принес бутылка водки и гармошка.

— Ты прямо как фашист во время войны!

— Сам поори!

— Рая, бери руки в ноги и выбирайся из этой карстовой пещеры! Мы одни, все утряслось!

— Олег! — еще раз громко крикнул Вадим.

— Ну что разорались? — услышали они голос из темноты.

— Ты, что ли? — спросил Игорь.

— Нет. Чапаев.

— Почему сразу не ответил?

— А чего орать-то? — удивился появившийся из темноты Олег. — Мы тут прячемся, про нас никто не знает. А вы как подорванные орете — явку палите!

Грязный, с паутиной на голове, Олег поднялся на слабо освещенную лестницу и стал всматриваться в лица друзей. В руках у него был пистолет.

— Прекрасно выглядишь. А девчонки где? — улыбаясь, спросил Вадим.

— Там, — кивнул Олег в сторону подвала.

— Штурмовой отряд смерти, появись! — выкрикнул Тарасов.

Из темноты на лестницу вышли Рая, Катя и Юля. У первой в руке был длинный нож, у второй кусок арматуры, а Юля почему-то стояла с ведром.

— А картошка где, рассыпала? — смеясь, спросил Игорь.

— Нет, — ответила девушка и показала ведро, в котором лежали четыре гранаты.

— Да, серьезно вы тут окопались. Настоящее боевое крыло, вооруженное боеголовками, боеприпасами и крылатыми ракетами. Только вот воевать не с кем.

— А «пиджаки»? — удивленно спросил Олег.

— А это были не они. Светлячок со своими под секту решил сработать, а Вадька, как всегда, крайний—мальчик для битья, —объяснил Игорь.

— Уроды, блин! —возмутился Олег.

— Двое уже зайцев гоняют, а один еще дышит, говорить научился.

— Так, мальчишки! —строго начала Рая. —Вы идите на улицу, а мыдомой.

— Разоружаться втихую будете? —съязвил Вадим.

— Атомный реактор отключать... Нам нужно привести себя в порядок. Если вы нас на свету увидите—испугаетесь.

— Хорошо, мы подождем, пока вы к параду Победы себя подготовите, маршкет наведете. Но не забывайте, что в нем участвуют помимо вас Северный военный округ и конница Чапаева. Недолго копайтесь!

Рая кивнула и позвала за собой девчонок. Вадим с Игорем и Олегом вышли на улицу, а перепачканные девушки стали подниматься по лестнице. Между этажами они встретили соседку, которая очень не любила Раю и жалела мужа, даже наливала ему. Увидев первую с ножом, женщина остановилась. Когда мимо прошла Юлия с арматурой, она прижалась к стене и присела. Сердобольная Катя остановилась около нее, поставила ведро с гранатами на пол и спросила: «Вам плохо?» Соседка увидела, что лежит в ведре, и ей действительно стало плохо. Катя отдала ведро Юльке, помогла женщине вернуться в квартиру, и та через полчаса уже угощала девчонок домашними пирожками.

Пока девушки приводили себя в порядок, Вадим и Игорь сходили в магазин. Олег остался у подъезда. Он не хотел в таком виде разгуливать по городу. Взял у Вадима ключи от джипа и стал изучать машину. Это привлекло внимание людей. Когда Вадим и Игорь вернулись, то увидели странную картину: два пенсионера доблестно стояли насмерть с палками наперерез и не выпускали Олега из машины.

— Твоя тачка? —крикнул Вадиму пенсионер-герой.

— Ага, —удивленно ответил Тарасов.

— Мы тут в ней бомжа поймали!

Игорь взорвался смехом, Вадим пояснил:

— Деда, он из нашей компании.

Пенсионеры отпустили дверь и, не скрывая недовольства, отошли от машины. Толстяк в спортивных штанах, майке и пляжных шлепанцах пожал плечами и произнес:

— Извини, попутали. Видим, бомж около дорогой машины крутится, стырить чего-то хочет, мы бдительность проявили.

— А за бдительность вот вам на пузырь, — протянул ему купюру Вадим.

Друзья, смеясь, вошли в дом. Через пять минут все уже сидели за столом, выпивали и закусывали. Рая в китайском халате разносила закуску.

— Расскажите, что было? — спросила Катя.

— Да ничего особенного, — ответил Вадим.

— А со своим начальником Егором разобрались?

— Конечно. Вот только у меня опять сомнения. То они так Димона видят, то саяк — семь пятниц на неделе.

— Жизнь такая, — поддержала разговор Рая. — Сегодня одно, а чего ждать завтра, и не знаешь.

— Это точно, — согласился Игорь.

— А ты что думаешь? — спросил его Вадим.

— Нужно дружбана твоего встретить как положено. А там посмотрим, как карта ляжет.

— Да уж, не думал я, что меня судьба вот так с Подольским сведет.

— На вокзал сегодня поедем? — спросила Юля.

— Не знаю, должны позвонить, — ответил ей Тарасов и услышал, как заиграл в кармане телефон. Он взял трубку и сразу узнал голос Егора.

— Сел твой журналист в поезд. Сегодня в 21.50, если поезд не задержится, должен приехать в Уссурийск.

— Спасибо, встречу, — ответил Вадим и убрал телефон в карман.

— Ну вот. Сегодня едем на вокзал, — сообщил он всем.

— Нужно что-то придумать, — вдруг произнес Игорь. — За ним наверняка следят. Нужно все хвосты обрубить.

— Да, ты прав, — согласился Тарасов. — Что предлагаешь?

— Давай его через мост переведем на Слободу, а оттуда по объездной приедем в город.

— Думаешь, сможем?

— Легко. Устроим на мосту свалку. Попросим ребят все движение перекрыть. Только тебе придется ему все доходчиво объяснить, чтобы он делал все, что ты скажешь.

Вадим кивнул.

— Теперь у нас две машины, — продолжал Игорь. — Давай на одной кто-нибудь на Слободу приедет, а мы демонстративно появимся на вокзале на второй машине. Потом ее на время бросим, а сами уедем на другой.

— Мысль хорошая, но кто тачку за мост отгонит?

— Я могу, — неожиданно предложила Катя. — Меня дядя в деревне научил на «жигулях» ездить.

— А права есть? — спросил ее Олег.

— На фига ей права. Если менты остановят, скажи, тачка Лесника, — объяснил Вадим.

— А это кто? — удивилась Рая.

— Новый хозяин джипа.

— Ну ладно, — согласилась Катя. — Вы мне покажете, как там все включать?

Через час вся компания вышла на улицу. Вадим увидел на лавочке у соседнего подъезда двух подвыпивших пенсионеров. Они дружественно помахали руками. Толстяк в тапках подошел и важно произнес:

— У меня окна на эту сторону. Я по ночам не сплю, буду присматривать за твоей тачкой.

Катя села за руль джипа. Вадим показал ей, что и как включать, и попросил проехать по двору. Всем на удивление, девушка мягко тронулась и нормально проехала. Развернулась и медленно подкатила к подъезду.

— Молодец! — выкрикнул Игорь. — Теперь и мне тачка нужна. У меня теперь есть персональный водитель. Какую дашь? — хитро посмотрев на Вадима, спросил Игорь.

— «Тойоту» забирай, а я на этой буду рассекать. Но это завтра, сегодня дела.

— Понял. Знаю. Ну что, Катя, отвезешь нас на вокзал за старой тачкой? Она так, наверно, около кабака и стоит, — обратился он к подруге.

— Легко.

— Тогда поехали!

— Поехали, только я впереди сяду. Буду подсказывать, — осек его Вадим.

Удобно усевшись, веселая компания поехала на вокзал забирать машину. До приезда Подольского был еще целый день. Катя ловко справлялась с управлением и удивляла этим всех. Юлька молча завидовала, а Рая переживала, как бы она не поцарапала ее новый джип.

Во время остановок и рывков она выкрикивала:

— Свою рвать будешь! Нежнее!

Вадим смеялся, ему нравилось заботливость Раи, ее уверенность и даже наглость. Женщина, которая на семь лет была старше его, удивляла своей глупостью. А он не пресекал этого и наслаждался тем, что кому-то действительно нужен. За последнее время кроме друга Игоря он приобрел много искренних друзей, которые находились рядом не из-за страха и денег, а из-за чего-то другого, того, что объединило их и возродило в каждом забытые в детстве чувства.

Джип остановился рядом с «тойотой» около вокзального ресторана. Работники этого заведения, увидев в огромные окна вчерашнего героя, выбежали и чуть ли не силой стали затаскивать его за стол. Вадим поначалу сопротивлялся, но потом сдался. Неожиданно в ресторан зашел вчерашний мент. Увидев знакомые лица, он хотел развернуться и уйти, но подвыпивший Игорь окликнул его:

— Эй, начальник! Погодь!

Он встал из-за стола и подошел к недовольному менту. Что-то сказал ему, и через минуту они сели за другой столик. А еще через пять минут Игорь, махнув рукой, позвал Вадима.

— Вот что, — начал он, — мы тут помирились, и этот человек по имени Леха согласен нам помочь.

— В чем? — удивился Вадим.

— Он со своими, после того как ты с гостем перебежишь по мосту, перекроет его. Начнут проверять у всех подряд документы. Говорит, пять минут, больше не сможет. С этого поезда слишком много народу на Слободу идет.

Вадим нахмурился. Сначала ему не понравилось, что Игорь все рассказал милиционеру, но, прикинув, Тарасов решил, что это не такое уж и плохое предложение. Он знал, что этот мент точно не состоит в секте и поэтому никому не доложит. Вадим покачал головой и согласился. А чтобы это не вызвало ничьих подозрений, Игорь и Олег решили устроить на мосту драку.

Капитан Леха не стал вдаваться в подробности. Он знал, кто такой Тарасов, но отказывать не хотел, потому что этот человек за один вечер выбил у него из рук все финансовые потоки, которые он зарабатывал годами. И чтобы вернуть былой авторитет, капитан был готов пойти на любое преступление.

Официантки и администратор угощали гостей щедро. И только через два часа друзья уехали в общежитие. Игорь купил много пива и красной рыбы к нему. До десяти они сидели в комнате и, попивая пиво, смотрели телевизор.

В десять часов Катя и Рая, вызвавшаяся поддержать девушку, уехали на Слободу. Через час Вадим с Игорем и Олегом поехали на вокзал. Юлия осталась в общаге на тот случай, если Подольский не появится на перроне, выйдет раньше и сам приедет в общагу.

Второй

— Что вас так удивило? — поймав взгляд Дмитрия, спросил пожилой мужчина с седыми висками. — Татуировку увидели? — посмотрев прямо в глаза, добавил он.

Подольский молча кивнул.

— Это разбитый крест. Уверяю вас, к уголовному миру это не имеет отношения.

— Я знаю.

— И я знаю, что вы знаете.

- То есть вы здесь не случайно.
- Конечно, нет. Вас сейчас каждая собака на Дальнем Востоке знает.
- Из-за того, что я журналист?
- Нет. Этого как раз никто не знает. Всем известно другое: вы едете к Мастеру и везете Слово Истины.
- Вы имеете в виду код Распутина?
- Нет. Код давно расшифрован.
- Тогда что?
- Этого никто не знает, но все ждут, что именно произойдет после вашего приезда. Сначала Отец не хотел, чтобы вы доехали, но, сумев победить в себе тьму, увидел, что вы несете особую информацию. Он рассказал, что Распутин имеет духовную связь с вами и сам направляет ваши действия. Тот человек, который направляется святым, не может погибнуть или навредить. Что вы на это скажете?
- Дмитрий умел свои скрывать эмоции, но на этот раз незнакомец заметил, что он занервничал.
- Можете не отвечать. Я все вижу без слов. Потом как-нибудь расскажете о том, как он к вам явился или дал понять о своем присутствии.
- Да, лучше потом. Эта неделя была очень трудной для меня. Я трижды чуть не погиб.
- Вам ли, воину, говорить об этом?
- Видите ли, человек от войны отвыкает, умение выживать, конечно, остается, но он слишком быстро привыкает к спокойствию.
- Это точно.
- Как вас зовут? Как зовут меня, я думаю, узнаете.
- Да, конечно. Я Антон Андреевич, или Два А. Некоторые просто говорят—Второй. Как вам удобно, Дмитрий, так и называйте. А это два Николая и Юрка, что рядом с вами. Ребята хорошие, недавно из Чечни. Отслужили Родине, теперь с нами.
- Не жалко пацанам жизнь калечить? — набравшись смелости, спросил Дмитрий.
- Я должен вам кое-что объяснить. Существуют две организации Разбитого креста. Изначально была создана

лишь одна. Первыми членами ее были люди из кружка Распутина. В том числе его дочь Матрена, муж и несколько близких офицеров.

— О муже Соловьеве я читал. Он был хорошим гипнотизером.

— Нет. О Распутине тоже говорили, что он обладал гипнозом, но это был особый дар, очень похожий на гипноз. Его частицу получил, или, как он сам говорил, развил в Соловьеве Распутин. Но у этого дара была особенность. Простой гипноз лишь усыпляет, вводит в транс. А то состояние, в которое вводили людей Распутин и Соловьев, было исцелением. Оно не просто лечило—оно освобождало душу и выдавливало из тела и сознания болезни и зло.

— Почему же тогда Юсупов, который несколько раз лечился у Распутина, первым выстрелил в него?

— Темные силы... Его жена Ирина назвала его поступок диким свинством. Но это другая история, и, если у вас будет желание, я расскажу позже. Пока я хочу все расставить на свои места. Уничтожить непонимание между нами.

— Не думаю, что у вас это получится. Убивать людей таким жестоким способом не просто грех — это гибель! Ваша собственная гибель! Шаг к падению!

— Спокойно, вот мы подошли и к главному. Мы никого не убиваем. Мы вторая, или, точнее, первая из организаций Разбитого креста. Второй руководит фанатик по имени Отец. Ему помогает Егор, а самый крутой киллер в этом крае у них Кум. Это они придумали столь жестокий метод убийства, мы к ним отношения не имеем, хотя цель у нас одна — вернуть царя-батюшку на Родину. Отец — очень страшный человек. Он хороший знахарь, знает лечебные свойства почти всех трав на Дальнем Востоке, хорошо владеет тибетской и китайской медициной. Его уровень экстрасенсорных способностей очень велик. Но при этом он сильно болен. Очень тяжелая стадия шизофрении, которая странным образом то появляется, то исчезает, и он возвращается в более-менее спокойное состояние. Он использует все. Приступы эпилепсии, которые у него случаются, он трактует как наказание за ошибки, а его умопомешатель-

ство преподносится всем примерно так: тело на земле, а сознание в высшем мире. Его охраняют, кормят, поддерживают жизнь, пока приступы не закончатся. Затем он приходит в себя и трактует свои большие фантазии. Очень страшно. Жертвой может стать любой.

— Извините, — перебил его Подольский. — Вы не имеете отношения к убийцам и фанатикам? А чем же вы занимаетесь?

— Поисками. Ищем утерянную икону Богородицы и готовим возвращение царя. Делаем для этого все, что можем. Поднимаем архивы, но, главное, собираем сторонников нашей идеи. Это простые люди. Все они где-то работают, но иногда мы обращаемся к настоятелям церквей, высшему духовенству с просьбами, указываем им на ошибки и просим навести порядок там, где люди потеряли веру в Бога. Нас уже много, но один из принципов — никакого насилия, за исключением времени, когда Родина в опасности.

— Вроде как пацифисты, а за Родину встанете и будете убивать?

— Конечно. Только не убивать, а защищать, и если при этом погибнет наш враг, то мы отвечаем так: он знал, куда шел.

— А татуировка?

— Это особый символ.

— Я знаю, если части соединить, получится крест с распятием Иисуса Христа.

— Да, но только соединиться они должны сами.

— Очень интересно. Объясните!

— Наверное, вы знаете, если соединить части линиями, то между ними получится звезда. Она не обозначена потому, что она тайная. Звезда разбила крест. А когда крест победит звезду — тайную и явную, все части, словно ртуть, соединятся.

— И вы в это верите? Что они сами по себе образуют на руке целостный крест?

— Да, верно.

— А зачем те, кто от вас отделились, убивают людей раскаленными штырями?

— Это Отцу во время болезни привиделось что-то связанное с раскаленным металлом и огнем. Они сжигают душу — сущность человека.

— Это я уже слышал от профессора Кружева, но у меня возник вопрос, на который он мне не ответил. Скажите, вы верите в реинкарнацию?

— Нет. Но мысли человека, его слова, его жизнь могут долго оставаться в памяти. Даже если люди забыли имя, они запоминают поступки, хорошие и плохие. Отец нашел способ очищения. Вы о нем знаете. Причем преподнес это так грамотно, что всех это удивило. Уничтожив темную сущность человека, люди быстро забывают о его преступлениях. Не помнят, что кто-то убил священника, ограбил церковь или лишил жизни невинных. Вся эта информация странным образом стирается. Я сам был свидетелем этому. Они казнили одного убийцу. Тот лишил жизни более десяти детей. Его казнили по всем правилам придуманного Отцом ритуала. А когда примерно через год я спросил одной женщины, свидетельницы событий, об этом преступнике, она с большим трудом вспомнила о нем.

— Вы хотите сказать, что они влияют на сознание и память простых людей?

— К сожалению, да. И это сильный довод в пользу Отца — его сверхспособностей.

— То есть убивают двух зайцев: преступника и память.

— Да, и, кроме этого, Отец, обладая разными медицинскими познаниями, изобрел особый наркотик. Он создается из всего природного: мак, конопля, женьшень, валериана, одуванчик и много других трав и ядовитых грибов. Его вводят в вену, и самое страшное, что человек с первого укола падает в зависимость, хотя у него нет сильных ломок.

— Как это?

— Вот так. Ему плохо, неудобно, страшно, но никаких судорог, суставы не сводит, а главное, он остается работоспособным и мобильным.

— Ничего себе! А эффект у него сильный?

— Одна инъекция держит почти неделю. При этом Отцу умеет управлять человеком, находящимся в этом со-

стоянии. Его голос, слова напрямую проникают в сознание и приказы беспрекословно выполняются. Все, что он говорит людям в этом наркотическом опьянении, воспринимается как голос свыше.

— Да, это штука опасная.

— Конечно. Они как бы лечивают обычных наркоманов. Родители благодарят их за спасение детей и готовы стоять за эту секту насмерть. А чьи дети в основном балуются наркотиками?

— У кого много денег и власти.

— Вот. Вы сами ответили. Они все боятся их, боятся за детей, и многие даже не знают, что те сами посадили их чадо на иглу.

— Зачем?

— Затем, чтобы публично спасти.

— Все, что вы говорите, конечно, интересно, но я тут причем?

— Я же вам сказал. Вы тот человек, который приведет их к иконе.

— Это случайно не та икона из Новгорода, которую положили в гроб Распутину? Или это та самочинная икона Распутина, которую хранит секта, вам супротивная?

— Первая. Знамение Божьей Матери. На ней подписи передачи высшей силы Бога будущему помазаннику. А Распутин ее хранитель до сих пор. Он лично выведет человека к ней. Сам укажет путь. Ведь без нее ничего не состоится. Отец сказал, что вы именно тот человек.

— Так почему же он хотел меня убить?

— Все очень просто. Отец сказал, что в его душу и сознание проникла тьма, она обманула его чистое сознание, но он победил ее, справился с наущением и увидел истинное предназначение журналиста Подольского. Тем более что Распутин тебе теперь помогает.

— Да, я действительно изучаю материалы, собранные Кружевным, и еще кое-какие документы. Хочу найти молитву, с помощью которой на землю русскую вернется помазанник Божий. Думаю, что многого добился и кое-что уже расшифровал.

— Эту молитву знают давно. Она существовала еще при царе и царице. Распутин зашивал ее в подушечки, которые царственные особы и их дети прикладывали к больным местам.

— И когда он снимал боль цесаревича, использовал ее же?

— Конечно. Но главный его код в другом. Его, по приказу Керенского, сожгли, но сущность и Слово Истины не уничтожили. Для этого человека даже сожжение — не смерть. Его предназначение в другом. Он тайный хранитель иконы. На ней лежит слово всех последних царственных особ. Именно над ней царская семья и свидетели по его просьбе, еще при жизни сказанной, отреклись в пользу Богородицы. Сейчас я скажу не совсем понятные слова, но вы должны их дослушать: «Сейчас наш царь и помазанник Божий — икона. Именно через нее идет к людям Благодать Божья. Распутин приведет к ней избранного, и тот укажет на человека, который станет царем над землей русской. Икона передаст свою силу и власть человеку. Этот человек приведет нас к истинной Вере и к Богу. Мы увидим зло и победим его не задумавшись».

— Похоже на чье-то пророчество, — предположил Подольский.

— Похоже, — согласился Второй. Парни переглянулись, но ничего не сказали. Они все это время старались не смотреть на собеседников, но при этом не создавали шума и неотвлекали.

— Выдумаете, что этот человек — я?

— Да. После того как вы появились на Гороховом и увидели первые ритуальные жертвы, вы, Дмитрий, попали в поле нашего зрения. Мы изучили вашу биографию, гороскоп, учли все, начиная от дня рождения и заканчивая привычками. Все ученые, к которым мы обратились, заявили, что в вас заложено Великое действие.

— Что это значит? — испуганно спросил Подольский.

— Это значит, что вас привело провидение, как и Распутина.

— Провидение? Как же, знаю. Было оно здесь только что. Но в том, что подметили совпадение судеб и бескоры-

стей, вы молодец! Действительно, что было делать простому сибирскому мужику, практически неграмотному, в столице, приди он туда на ловлю денег и выгод? В Покровском и дальней округе его почитали, к нему шли, даже приезжали из города, что свидетельствовало о признании за ним необыкновенных способностей. Тем не менее он шел, ведомый чем-то неземным. Вот и я—что бы я стал делать в столице, приди я сюда со своей провинциальной эстетикой на ловлю удачи? Тем не менее я пришел, ведь меня не устроила слава провинциального журналиста, хотя мог бы с дипломом МГУ быть уже богатым и с самим губернатором каждое утро за руку здороваться. Но нечто неземное толкнуло меня в самую гущу криминальных разборок, и я еще не уверен, выберусь ли из всего этого живым и невредимым.

— Вот вы смеетесь, иронизируете, а ведь вы родились в один день с Распутиным, только с разницей в годах. Но, что удивительно, под тем же созвездием и в тот же час.

— Я в гороскопы не верю.

— Хорошо, ваша структура тела—группа крови, состав и цвет волос, глаза—соответствует по медицинским параметрам многим нетленным мощам.

— Да-а. Это уже резонно. А как вы все это проверяли?

— Знаете, сколько лет мы вас ищем? У нас сотни добровольцев задействованы. На самых разных уровнях: от врачей-экспертов до генералов. Как ни странно, увидел вас первым Отец. Нам, конечно, обидно, горько, и мы не одобряем того, что он делает.

— Давайте пока сменим тему, что-то мне не по себе,— попросил Дмитрий.

— Что ж давайте. Может, чаю?

— Это я люблю. Чай в поездах какой-то особенный.

— Николай, попроси принести нам хорошего чая. Заплати проводнице, не поскупись,— велел Второй.

— Я тоже пророчества разные читал,— начал Дмитрий.— Многие предсказывают рассвет России. Старцы, священники и даже Нострадамус.

— Царь рано или поздно вернется. И мы увидим это.

— Начнется возрождение, люди станут гордиться своей страной. Наш народ особый, он не исчезнет.

— Хорошо, что вы в это верите. Кстати, Распутин был не только человеком с особым божественным даром, он был истинным пророком.

— Да, я читал его пророчества. Он все предвидел: и гибель царской семьи, и гражданскую войну, и то, что царь вернется на трон. Многие обвиняют его в том, что он повторял пророчества других, в том числе и Нострадамуса, но сделал это по-своему. Говорят, что он принадлежал к секте хлыстов.

— Нет, это все ерунда. Если хотите, я покажу вам достаточно правдивые документы, материалы следствий, проводимых до революции и после нее, доказывающие, что он не принадлежал к секте хлыстов. Профессор по кафедре сектантства Московской духовной академии Громогласов подробно написал об этом. Этот человек изучил все материалы и доказал, что в деятельности Распутина, в его религиозных убеждениях не было хлыстовства. А насчет похожих пророчеств я тоже имею свое мнение.

— Какое, если не секрет?

— Нострадамус упоминал о трех полях. Затем о том, кто сброшен, повержен, но потом посажен на трон. Так вот. Три поля или луга, что-то похожее есть и у Распутина, — я думаю, это Россия, Белоруссия и Украина. Именно в них и начнется возрождение.

— Да вы что? Так просто и понятно. Действительно, похоже. Я встречал упоминания трех полей у Нострадамуса, неужели это три страны, которые дадут начало новому витку развития человечества?

— Я думаю, да, но сейчас в это поверить трудно, особенно если учитывать наши отношения с Украиной.

— В мире политики все меняется порой так быстро, что не успеваешь понять, какой курс выбрала та или иная страна.

— Да. А что вы думаете о своем предназначении?

— Я в это не особенно верю, — усмехнулся Дмитрий.

— А какой контакт у вас произошел с Распутиным? Не стесняйтесь, расскажите. Я все пойму и не посчитаю это безумием.

— Хорошо, но только между нами.

— Идите покурите, я вас позову,—обратился Второй к помощникам.

Те молча вышли, а Антон Андреевич наклонился ближе к Подольскому.

— Сначала из документов и собранных папок Кружева стали выпадать страницы, на которых было написано одно-два предложения. Я, прочитав их, понял, что он обращается ко мне. Причем не только предупреждает, но и учит. Затем я почувствовал его присутствие и тяжелый взгляд, чуть с ума от страха не сошел. А перед этим еще прочитал воспоминания Гермогена о том, как тот услышал голос Распутина. Все это продолжалось недолго, но на одной из станций я увидел современную книгу о Распутине, а в ней—его фотографию и его взгляд, который чувствовал до этого. Раньше я этой фотографии не видел, — прошептал Дмитрий. И продолжал: — На одной из станций, где впереди был большой горизонт, я вспомнил слова Распутина, словно бы услышал его голос: «После службы церковной, помолясь Богу, выйди в воскресный или праздничный день за город, в чистое поле... Иди и иди все вперед, пока позади себя не увидишь черную тучу от фабричных труб, висящую над Петербургом, а впереди прозрачную синеву горизонта... Стань тогда и помысли о себе... Каким ты покажешься себе маленьким, да ничтожным, да беспомощным, а вся столица в какой муравейник преобразится перед твоим мысленным взором, а люди — муравьями, копошащимися в нем!.. И куда денется тогда твоя гордыня, самолюбие, сознание своей власти, прав, положения?.. И жалким, и никому не нужным, и всеми покинутым осознаешь ты себя... И вскинешь ты глаза свои на небо, и увидишь Бога, и почувствуешь тогда всем сердцем своим, что один только у тебя Отец—Господь Бог, что только одному Богу нужна твоя душа, и Ему одному ты захочешь тогда отдать ее. Он один заступится за тебя и поможет тебе. И найдет на тебя

тогда умиление... Это первый шаг на пути к Богу. Можешь дальше и не идти, а возвращайся назад в мир и становись на свое прежнее дело, храня как зеницу ока то, что принес с собою. Бога ты принес с собою в душе своей, умиление при встрече с Ним стяжал, и береги его, и пропускай через него всякое дело, какое ты будешь делать в миру. Тогда всякое земное дело превратишь в Божье дело, и не подвигами, а трудом своим во славу Божию спасешься. А иначе труд во славу собственную, во славу твоим страстиям, не спасет тебя. Вот это и есть то, что сказал Спаситель: «Царство Божие внутри вас». Найди Бога и живи в Нем и с Ним и хотя бы в каждый праздник, или воскресение, хотя бы мысленно отрывайся от своих дел и занятий и вместо того, чтобы ездить в гости или театры, ездь в чистое поле, к Богу».

— Знаете, что я вам скажу. Прав оказался этот сумасшедший Отец. Это вы!

— И что я должен делать?

— Слушайте его голос и следите за знаками и приметами. Он ведет вас, оберегает. Не случайно вы едете на Дальний Восток. Мы будем все время жить в Уссурийске, напротив ресторана «Усури». Увидите разбитый крест на доме, подъезде и квартире и найдете нас, но на всякий случай вот вам мой сотовый телефон. — Второй взял листок и написал номер.

— Вы уверены, что это не галлюцинации уставшего и загнанного в угол нервного человека?

— Нет. Именно так он и приходит, а то, что вы это заметили и почувствовали, говорит лишь об одном. Он открыл дверь в вашу душу. Впрочем, мы тут заговорились, а нам выходить скоро. Мы на одну станцию раньше выйдем. Вас друг встретит. Если что, сразу звоните. Помните, что ваша жизнь теперь принадлежит не только вам. От нее зависит будущее всех нас.

— А что, Уссурийск скоро?

— Да, почти приехали. Все, до свиданья. Берегите себя и знайте, что у вас есть верные друзья, готовые на все!

— А что со второй сектой? Что будет с Тараской? — нервно спросил Дмитрий.

— Все разрешится по его воле. Друга, если что, отмолим, а остальным воздастся.

В Сибирцево попутчики вышли.

Через десять минут поезд остановился в Уссурийске. Дмитрий вышел на перрон в ожидании долгожданной встречи с другом.

Встреча

Вадим, как и рассчитывал, оставил машину у вокзального ресторана. Игорь и Олег отделились от него. Они остановились около моста в ожидании встречи. Вадим вышел на перрон, закурил сигарету и решил осмотреться.

Около багажного отделения толпились несколько человек. Вадим стал наблюдать за ними и вычислил первого наблюдателя. Высокий худой парень в синей спецовке перекладывал с тележки посылки и время от времени поглядывал на Тарасова.

«Если человек увлечен работой, зачем ему периодически смотреть на одного и того же человека», — подумал Вадим и решил на время зайти в зал ожидания. Около киоска увидел капитана с тремя милиционерами. Тот тоже заметил его, но, как и договаривались, не подошел. Вадим прогулялся вдоль лавок и сел на одну из них. В другом конце зала сидели двое коротко подстриженных крепких ребят в черных куртках. Тарасов старался не смотреть на них. Он встал подошел к кассам и выбрал такую позицию, с которой он мог смотреть одновременно на расписание и на незнакомцев. Один из них, не отрывая взгляда от Вадима, что-то шепнул второму. Стало ясно, что и эти — при деле. Он посмотрел на часы. До прибытия было еще сорок минут. Вадим позвонил Рае, и та доложила, что машина спрятана за домом во дворе. Неожиданно ему захотелось перейти мост и проверить, нет ли там следопытов, но он не стал заранее высвечивать маршрут отхода.

«Так, от кого мы прячемся? — спросил он сам себя. — От сектантов? Нет. Получается, от ментов и фээсбэшников.

Менты в курсе и, возможно, уже доложили о происходящем. Ночью Егор потушит фонари, и Димон уйдет к Рае. Я появлюсь там позже, но сначала мы приедем в общагу. Значит, сейчас нет смысла ни от кого бегать».

Вадим достал телефон и позвонил по очереди всем. Через десять минут вся компания в сборе стояла на перроне.

— Почему ты передумал? — спросил его Игорь.

— Плохая затея. Мы напугаем всех. Димку начнут искать менты и всех подымут. Нас арестуют сразу. Да и куда мы его спрячем? К Рае отвезем — найдут. В общаге — тем более.

— И что ты предлагаешь?

— Сейчас встретим его. Я с ним поеду в комнату, а вы все на джипе приезжайте следом. Пока я с ним не поговорю и не пойму, что происходит, никаких действий не будет.

— Хорошо. Нужно капитана предупредить, — предложил Игорь.

— Он там, в зале ожидания, около киоска стоит. Сходи, скажи, что все отменяется.

— Понял. А он один?

— Нет. Но ты подзови его или так издали покажи: «Отбой».

Игорь взял Катю под руку и пошел в зал ожидания.

Поезд опоздал на час. Вадим измаялся за это время. Он метался по вокзалу, много курил и даже выпил сто граммов в буфете.

Подольский вышел на перрон, снял с плеча сумку и закрутил головой, ища Тарасова.

— Да здесь я, здесь! — услышал он знакомый голос. Обернулся и увидел спешащего к нему Вадима. От крепких мужских объятий затрещали ребра.

— Как ты тут, Тараска?

— Да нормально.

— А я думаю, нет. В какое дерьмо ты влез?

— Да все нормально. Тут так сразу и не объяснишь. Поехали. Дома расскажу. А ты как?

— А, тоже весь по уши в непонятках. Не знаю, что будет дальше. Может, посадят, а может, все вернется.

- Что—все? Слава, газета, деньги?
- Нуда.
- Поехали. Да вот. Это мои друзья. Игорь, Олег, Рая, Катя и Юля. Они за нами на другой машине поедут.
- Послушай,— остановил его Подольский.— Давай сегодня без свидетелей поговорим.
- Я его одного не оставляю,— выкрикнул Игорь.
- Подольский посмотрел на хмурые лица ребят и понял, что они настроены решительно.
- Ну хорошо, поехали. Только водку покупаю я!
- Ишь чего захотел! Нашу водку в нашем городе—и покупает он? Нетуж. Ты гость. Отдыхай.
- Да не доотдыханам.
- Не загружайся, не все так страшно, как ты думаешь.
- Точно?
- Да.
- Тогда поехали отметим встречу.
- Я с вами,— предложил Олег.
- И я,— добавила Рая.
- Ладно,— согласился Вадим.— Катя, бери своего олуха, заберите джип и приезжайте поскорее.
- Хорошо,— согласилась Катя. Она взяла Игоря под руку и повела через мосток во второй машине.
- Остальные покатали в общагу.
- Ну как ты, себеникого не нашел?— спросил Тарасов.
- А ты?
- У меня вон телохранитель сзади. Рая зовут.
- Понял. На свадьбу пригласите?
- Если хорошо вести себя будете,— ответила девушка.
- А что все такие хмурые?
- Да тут, пока тебя ждали, такого натерпелись!
- Я тоже весело ехал. Меня чуть не зарезали, потом два раза взрывали, но ничего—живой.
- Ну Егор—кобыла! Говорил, что все нормально будет.
- Нет, с Хабаровска ехал с врагами, которые стали друзьями. Тихо, мирно, спокойно. Очень хорошо поговорили.
- Это кто ж такие?

— Да все те же, у которых ты трудишься. Только они не убивают, у них всемирно, но начинали они вместе.

— Я вижу, ты в курсе событий. А еще слышал, что за тобой хвост до самой Лубянки тянется.

— Да, это правда. Притвоих друзьях говорить можно?

— Конечно. Все свои.

— Повесили на меня профессора, пришлось в дело влезть.

— А сам что думаешь?

— Да пошли они! Много хотят. Нашли дурачка, что ли? Но вот к тебе, узнав, что тут такая возня, я бы и без них приехал. Мне говорили, спился, опустился. А ты вон прикинут как надо, машина неплохая. Значит, действительно не все так плохо? А то, что задание дали, так это они хотят меня развести, а я на халяву к тебе вырвался. Билеты оплатили, денег дали, но главное, в газете отмазали.

— А жмура повесили на тебя?

— Да, но время идет, и оно в мою пользу работает.

— Это хорошо. Жалко по дурусти залетать — ни за что. Я тоже своих новых бугров до конца понять не могу. То ты не должен приезжать — остановить хотят, то ты уже нужен, просто необходимым.

— Я тут узнал, что я особенный.

— Я тоже это знаю. Говорят, куда-то ты им дорогу топчешь. Пока прошу только одно. Пообещай: то, что я тебе расскажу, останется междунами.

— Ты тут совсем, я вижу, потерялся. Как ты, мой боевой товарищ, можешь такое говорить. Ты что думаешь, я скурвился до такой степени, что мне верить нельзя?

— Не обижайся. Я другого ответа и не ждал. Просто эти люди думают, что ты их увидишь и заложешь.

— На хрен они мне нужны! Если ты в беде и они враги — я их порву, и никто меня не остановит. Ты это знаешь. То же самое ты сделаешь, если у меня проблемы возникнут.

— Это уж точно.

— А если они твои друзья, зачем же я буду вам гадить. Это твои дела. А то, что менты и конторские хотят, — их дела. Пусть хотят.

— А вы, я смотрю, ничего,—неожиданно подала голос Рая.

— В смысле?

— Похожи на Вадима.

— Нас война близнецами сделала.

— А я и не знала, что ты воевал,—Рая удивленно посмотрела на Тарасова.

— Я говорил при всех, только ты, как всегда, думала одругом.

Рая опустила глаза, а Вадим посмотрел на нее в зеркало заднего вида и, вытянув губы трубочкой, изобразил поцелуй.

— Вот мы и дома.

— Вобщаге?

— Я смотрю, ты все знаешь...

— Это они знают, а мне, как положено, доложили.

— Ребята, поехали ко мне,—предложила Рая.—Я сейчас Катюшке позвоню, чтобы она остальных забрала и ехала снимикнам.

— Нет. К тебе мы ночью переберемся, а пока в общаге будем грязищу наводить.

Бросив машину, друзья пошли в общежитие. Водка и закуски были куплены заранее и уже ожидали их. Юлия красиво все расставила на недавно сломанном, но хорошо отремонтированном столе.

— Ого, поляна добрая!—с восхищением произнес Подольский.

— А ты думал, что мы тут бедствуем?—улыбнулся Тарасов.

— Думал, но теперь вижу, что вы тут неплохо устроились. Девчонки вокруг вас одна лучше другой! А свободная есть?

— Нет, но, если хочешь, мы тебе найдем,—подмигнув, ответил Вадим.—Есть тут одна очень покладистая официантка. Да, кстати. Ночью ты перебираешься на квартиру к Рае. Понял?

— Да.

— Там тебе и кровать, и тишина. Рая, отведешь его к себе?—спросил девушку Вадим. Рая недовольно посмотрела в сторону и согласилась.

— А он приставать nebude?

— Не волнуйся, я следом приду, одного его не оставлю.

К двум часам ночи, сильно выпившие, друзья отправили Подольского с Раей в ее квартиру. Дмитрий до такой степени расслабился, что еле передвигал ноги и все время пел песни. Тарасову пришлось приложить немало усилий, чтобы вернуть его в более-менее нормальное состояние. Холодный душ тоже оказался не лишним. Как и обещал Егор, фонари на улице не горели. Ночь была такой темной, что дороги не было видно.

Пьяный Дмитрий несколько раз упал, но все же дошел до квартиры Раи. Девушка положила его на диван, и он сразу уснул. Через десять минут к ней пришел Тарасов. Остальные остались в общежитии.

Утром Дмитрий проснулся от сильной головной боли. Похмеляться он не стал и до обеда мучился. Вадим и Рая не трогали его, дали время, чтобы человек пришел в себя.

— Не переживай, это у него на нервной почве, — объяснял Рае Вадим. — Сама подумай: неделя дороги, да еще какая, то стреляют, то взрывают, то зарезать хотят. Тут даже подготовленный человек устанет.

Девушка все понимала и старалась помочь другу любимого. Она принесла ему банку соленых огурцов и отпаивала холодным рассолом. Затем сделала ванну и накормила горячим борщом.

К трем часам дня Дмитрий почувствовал себя лучше, но усталость напомнила о себе, и он уснул. Проснулся ночью, заварил себе крепкого чая и уже утром встал бодрый и веселый. К Рае никто из общежития не приходил. Вадим приказал друзьям гулять и шуметь, пока он не вернется. Только девушки покидали комнату, уезжая на работу.

Утром Рая тоже ушла в магазин получать новый товар, и Вадим с Тарасовым остались одни. Они сели на кухне, заварили кофе и стали вспоминать былые времена: войну, друзей, кто как устроился и кто потерялся в этой жизни.

Помянули всех павших на войне, немного захмелели, после чего Подольский спросил:

— Ну и как ты до такой жизни докатился?

— Да вот, сошел мой паровозик с рельсов. Один умник разглядел, что во мне какая-то сила или энергия от Распутина присутствует. Работаю теперь на них, но чувствую, что не своим делом занимаюсь.

— Как странно. Во мне тоже Распутина рассмотрели. Одни говорят — похож внешне, другие считают, что я имею с ним связь.

— А сам что думаешь? Я вот определился: понял, что это не мое, а ты?

— Не знаю. Пока в поезде ехал, документы о Распутине не читал. Может быть, от усталости, а может... — Дмитрий замолчал. Отхлебнул глоток кофе и, посмотрев куда-то в сторону, добавил: — Мистика какая-то.

— Хочешь, я тебе отвечу, — дрожащим голосом прохрипел Вадим.

— Интересно? Давай!

— Это все война. Мы с тобой видели смерть и знаем цену жизни. Видим в этом мире побольше, чем остальные бакланы. Вокруг Распутина до сих пор смерть гуляет и легко узнает своих — тех, кто однажды не испугался и посмотрел ей в глаза.

— Ты думаешь, что в нас, как и в Распутине, видят силу, которая не боится смерти?

— В точку попал! Ты раньше стрелял неплохо.

— И что дальше?

— Не знаю, зачем ты приехал, но лично я думаю соскочить с этой дороги. Если сможешь — спасибо тебе от души, а если... — армейский друг замолчал.

— Что — если? Думаешь, что с помощью тебя хочу до плохих ребят добраться?

— А кто тебя знает.

— Ты меня знаешь! — уверенно фыркнул Подольский.

Вадим спросил Дмитрия о ближайших планах, на что Подольский ответил:

— Не знаю. Полковник хочет встретиться с твоим боссом. Ставил задачу так: чтобы я уговорил тебя, а ты его.

— Что даст эта встреча?

— Не знаю. Этот полковник очень непростой человек. И как оказалось, все участники этих событий занимаются одним и тем же. Всех объединяет код Распутина.

— А что это такое?

— Сначала я думал, это молитва, с помощью которой люди вернут царя на Русь, но речь теперь идет и о некой утерянной иконе, и все это взаимосвязано: молитва, икона и достойный потомок Романовых.

— Ты знаешь, они мне сказали, что дорога к святыне лежит через меня и тебя, — признался Вадим.

— Да, об этом мы уже давно с тобой толкуем, не пора ли закрыть тему? Однако как привлекательно. Оказывается, они с первого дня, как только я увидел их символ и узнал о существовании такой организации, изучали меня.

— Ну и что они раскопали?

— Я особенный и им по всем параметрам подхожу. Звезды, планеты, молнии и даже структура тела — все сошлось. Я — Великий!

— Ты, наверное, еще не отошел от вчерашнего...

— Это они не отошли. Именно так вся эта секта и считает. Скажи, а ты знаешь, как твои железяки используют?

Вадим опустил голову.

— Знаю.

— И как на душе — спокойно?

— Сначала я бесился, но потом Егор растолковал мне, что у них нет другого выхода, нужно уничтожать таким способом плохих людей. Чтобы их грязь другим не передавалась — она заразна, эта тьма.

— Ты вроде всегда нормальным был. Как ты в эту чушь поверил?

— А ты бы не поверил? Видел я одного — он сначала девочку убил, родители оба повесились, потом в детском саду троих пацанов изнасиловал. Его поймали, лечили, а после этого он церковь ограбил, священника порезал. Что с таким делать? Пожизненного не дадут, экспертиза определяет, что он невменяемый. Полежит в больнице и опять за старое. Вот ты мне скажи, что с таким уродом делать? Твоя дочь или сын выйдут на улицу в песочнице поиграть и по-

падут к нему в руки. Ты согласишься на то, чтобы он вот так спокойно расхаживал и причинял людям боль?

Дмитрий помолчал.

— Да, согласен, таким не место в обществе, а система наша слабовата. Но они убивают и других. Вот нормальных ребят на Гороховом в Москве прожгли.

— Точно нормальных?

— Нет, они, конечно, состояли в группировке, да еще книгу у них старинную сперли, вот и попали. Но разве можно так жестоко?

— Я думаю, можно. Кто им разрешил чужое, да к тому же святое воровать? Что, самые крутые, никого не боятся? Всех ломают, рвут? Вот и попали! За каждым небось не один труп?

— Почему ты так думаешь?

— Московские бригады все из таких. Это у нас можно фишку одними кулаками держать, а там у вас убивать надо, или тебя кончат. Естественный отбор слишком сильный.

— Я вижу, ты за них?

— Не знаю я. Вижу, что это плохо, но при этом понимаю, что и этой грязью должен кто-то заниматься.

— Должен, но только не они. Идут к высокой цели и оставляют за собой горы трупов. Нет. К спасению не плывут по кровавым рекам. Спасение — оно потому и спасение, что для всех. Каждый поймет, и больной, и обиженный.

— Знаешь, и ты прав, и я. Да, плохо они делают, но волки тоже в лесу больных животных убивают. Они — санитары леса, а среди людей такого быть не может? Мне кажется, эта секта, как те волки, — санитары жизни нашей.

— А ты знаешь, какой страшный наркотик они придумали?

— Нет, но то, что наркотой занимаются, знаю. Деньги откуда-то брать надо...

— Нет, у них наркота особая, без ломки и навсегда.

— Как так?

— Особый состав, не ломает на отходниках, но тяга в сто раз сильнее.

— Неудивительно. Они не дураки, все знают, все предвидят и просто так ничего не делают. Все, давай лучше тебе. Расскажи, как ты в непонятки попал?

— Пришел к профессору, а он выпил коньячку и умер. Перед этим дал мне материалы по Распутину. Я ушел с бумагами, а получилось, что я его отравил из-за этих документов.

— А он тебе их сам отдал?

— Конечно, к тому же все это копии.

— Да уж, крутят там в Москве людьми как хотят. А почему именно тебя подставили?

— Все потому же: воевал, могу расследование вести журналистское, да и личность известная. Просто так не завалишь, скандал будет.

— Понятно. Я поговорю с Егором. Мы подумаем, как поступить. А что это за икона? Почему за ней все охотятся?

— Это новгородская икона Знамения Богоматери. На ней расписались все члены царской семьи, и ее положили в гроб к Распутину.

— Да, видать, не простая.

— Еще бы. А если учесть, кто был Распутин и что он говорил, все сводится к тому, что она действительно часть нашего спасения.

— Дим, ты мне расскажешь о Распутине?

— Расскажу, а если хочешь, возьми в сумке папки, почитай. Что будет непонятно, спрашивай. А лягу отдохну. Голова еще шумит.

— Может, подлечишься?

— Ну если только коньячка.

— Коньяка нет, а самогонки хорошей не хочешь? По-дожди, сейчас принесу.

Вадим спустился по лестнице, но выходить из подъезда не стал. Он выглянул и, как и рассчитывал, увидел у соседнего подъезда на лавочке двух знакомых пенсионеров. Тарасов подозвал их к себе. Дал денег и попросил принести хорошей самогонки, сделанной под коньяк на дубовой коре и оленьих рожках.

Через десять минут пенсионер принес в квартиру две бутылки, получил за это полтинник и, довольный, ушел с другом домой.

После первой и второй Дмитрий повеселел. Самогонка оказалась очень хорошей: пилаась легко и сразу растворялась в крови. От особых добавок в теле появилась сила и уверенность. Спать расхотелось.

— Ну что, нужно полковнику звонить, — сказал он.

— Нужно — звони, — ответил Тарасов.

Дмитрий набрал номер и услышал строгий голос:

— Ты где?

— В Уссурийске. Меня встретили, гуляем.

— Понятно. Как там обстановка?

— Все нормально.

— Кроме твоего друга кто-нибудь из секты появился?

— Нет.

— А ты с ним уже говорил?

— Ни о чем я с ним не говорил. Тут девушки, их подружки, да и по пьяни это не разговор.

— Постарайся встретиться с Егором.

— Попробую.

— А Тарасов сейчас где?

— В магазин ушел.

— Будь аккуратней. Если что, звони.

— Понял, — Дмитрий отключился.

— Ну и что он тебе сказал? — поинтересовался Вадим.

— Ты что, не понял?

— Понял. Хотят, чтобы ты с Егором встретился.

— Да.

— Хорошо, я сейчас ему позвоню.

Вадим достал телефон и набрал номер.

— Привет.

— Здорово, Мастер. Гуляете?

— Нет, мыодни, там, где надо.

— Где договаривались?

— Конечно.

— Как твой друг?

— Нормально.

- Я скоро приеду. Много не пейте.
- Хорошо. Жду.
- Он скоро сюда приедет, — сообщил Вадим.
- Хорошо, подождем.
- Будешь?
- Наливай.

Друзья выпили еще по одной и замолчали. Первым заговорил Дмитрий:

— Ты вроде прав. Страна совсем опустилась. Люди в зверей превратились. Таких, кто хочет что-то изменить, единицы. Всем только деньги давай.

— Вот и я о том же.

— Да, методы не совсем правильные, но, с другой стороны, с нами по-другому нельзя.

— Я смотрю, и ты задумался?

— Да. Мне говорили, что Отец больной человек— сумасшедший. Но он видит будущее, кому-то помогает. Значит, не все он делает плохо.

— Да, не все. Меня тут приглашали на праздник в одну деревню. Эти люди живут по его правилам, точнее, по Божьим правилам. Говорят, праздники у них веселые, добрые, никакого зла нет.

— Что ж это за праздник без драки? Они что, не русские?

— Вот именно что русские. Раньше люди жили, веселились и не дрались при всех. Сходились стенка на стенку и избавлялись от лишней дури.

Дверь в квартире открылась. Пришла Рая.

— Ну как вы тут?

— Нормально, живые.

— Хорошо.

— Так вот,— продолжал Тарасов.— Дрались в стороне, на поле, а не среди женщин и детей. А теперь после стакана из каждого мужика зверь вылезает. Он и не помнит, что с ним, спрашивает на следующий день и не верит в то, что творил. Откуда вся эта грязь взялась? В каждом почти. Тихие и спокойные— редкость. Поэтому они, кого могут, спасают, а остальных неизлечимых освобождают от этой

земной муки! Причем ни одну семью из тех, кого они по-
решили, эти сектанты не бросили. Деньги дают, защищают.
Они живут лучше, чем при своем дебиле.

— И ты часть этого очищения?

— Да. Они говорят, что во мне особая сила.

— Во мне тоже что-то особое. Может, они так всем го-
ворят?

— Нет. Вон Олег и Игорь, к ним другое отношение, хотя
Олег—очень хороший кузнец. Но он пустой и им не нужен.

— Ну и что мне делать? Как быть? Вы такие хорошие,
мир спасаете, а я, значит, приехал все разрушить, —нежи-
данно спросил Дмитрий.

— Если ты это понял, значит, глупостей не натворишь.

— Вот ты, мой старый проверенный друг, ответь. Ты
чувствуешь, что не все гладко в вашем королевстве?

— Да, есть у меня сомнения...

— Значит, ты и сам не определился.

Рая принесла кастрюлю, тарелки и, усадив ребят за
стол, стала наливать им борщ. Вадим молчал, Подольский
тоже, а Рая поглядывала то на одного, то на другого.

— Давай думать одной головой и не спорить. Дело запу-
танное, непростое, и мы не можем быть на разных берегах.
Садимся в лодку мира и выплываем на середину, — пред-
ложил наконец Дмитрий.

— Договорились, —выдохнув, ответил Тарасов. Дми-
трий налил в рюмки домашней и уже хотел сказать тост, но
в дверь позвонили. Рая встала.

— Я открою, —остановил ее Вадим. Он встал, подошел
к двери и открыл ее.

— Здравствуйте! —поприветствовал всех Егор.

— Привет, —мрачно ответил Дмитрий.

— Борщ будете? —спросила Рая.

— Конечно. Запах-то какой, на весь подъезд, —похва-
лил Егор. Он сел за стол, Рая принесла ему тарелку и лож-
ку. Налила борща, затем увидела, что нужна еще одна рюм-
ка, и сходила на кухню заней.

— Ну как вы тут? —наслаждаясь борщом, спросил Егор.

— Спорим, —ответил Тарасов.

— О чем же?

— Да как жить лучше.

— А ты что скажешь?— обратился он к Подольскому.

— Я не знаю, кто вы и чем занимаетесь. Москва вами недовольна, но на месте, оказывается, все не так просто.

— Это хорошо, что ты понял. А знаешь, сколько денег мы туда каждый месяц засылаем?

— Догадываюсь. А что они от вас хотят?

— Ты сразу, я смотрю, быка за рога?

— А я не скрываю, что Седых меня послал, чтобы на вас выйти. Только он не знает главного.

— Чего же?

— Я своему другу жизнь ломать не стану.

— Это правильно. Твой полковник хочет только одного. Заполучить код. Ему все равно, чем мы тут занимаемся, кого убиваем. Это все работа Второго.

— Второго? — удивился Подольский.

— Да. Он только с виду белые и пушистые, а сами реально к власти идут и всех на своем пути ломают. Ты что думаешь? Посадят они царя на трон, а сами дальше в свои деревни уедут? Нет, им нужна Москва, с кучей денег и властью. Они очень темные, и каждому, кого они вербуют, обещают блага.

— А вы?

— А мы даем что можем, но ни власти, ни московских квартир не обещаем. Страной должны управлять умные люди. И первым среди них должен стать царь. Он сам решит, кого куда назначить. А они хотят посадить манекена бездумного, чтобы самим управлять страной. Развалят все окончательно. Вот тогда действительно польются реки крови. Народ восстанет!

— Я встречался с ними.

— Знаю. А ты знаешь, что один из них — твой полковник? Он давно со Вторым контакт держит.

— Я знаю, что он расшифровывал код Распутина, но неудачно.

— Вот именно. Они хотят, чтобы ты это для них сделал. Потом тебя уберут, и никто не вспомнит о журналисте, раскрывшем главную тайну страны.

- А вы разве не этого хотите?
- Нет. Код мы знаем, причем правильный. Если все пройдет успешно, я покажу тебе все варианты, в том числе и тот, в который они верят. Ты для нас другое дело. Не знаю как, но ты найдешь икону. Вот и все. Поэтому ты жив.
- Полковник Седых очень хочет с вами встретиться.
- Не делай этого. По крайней мере, пока.
- Почему? Вы его боитесь?
- Нет, мы хотим, чтобы ты сам во всем разобрался, увидел и рассказал ему. Мы приготовили тебе испытание.
- Какое еще испытание?
- У нас есть человек. Он убил трех детей. То, что он больной, врачи не подтверждают. Ты поедешь с нами, говоришь со свидетелями его преступлений, с родителями жертв и сам вынесешь ему приговор.
- А если я решу отпустить или сдать его в милицию?
- Так и сделаем, но, если после этого он кого-то убьет, все это будет на твоей совести.
- А если он не виноват?
- Вот ты и решишь, а мы посмотрим.
- Если я пройду ваше испытание, что тогда?
- Мы покажем тебе все материалы, дневники, исследования историков. Все, что собрали за эти годы. Ты увидишь икону.
- Нет, старец Григорий покажет ее мне. Без всяких испытаний. Силою своих молитв на том свете за нас, грешных, силою своего слова, которое вечно и незаглушимо.
- Ты что, слышал голос?
- Нет, чувствовал взгляд. Он неожиданно подбрасывает мне страницы, на которых я нахожу обращения ко мне.
- От него?
- Да.
- Например?
- Я стал изучать материалы, вдруг выпала страница, на которой было написано, чтобы я был *«верно преподающим Слово Истины»*, *«достойным деятелем»*.
- Да, это аргумент. Боюсь я тебя к Отцу везти, но чувствую — надо.

— Не бойтесь, я вас не сдам. Для меня поиск истины и код Распутина важнее всего. Я устал жить в грязи.

— У тебя же в Москве квартира! Клубы, девочки, деньги и даже слава.

— Жить среди вас, нечестивцев, — наказание.

— Да. Посмотри на него, Вадим, — обратился он к Тарасову. — Видишь, как человек за землю родную болеет. А ты вот все сомневаешься.

— Я не сомневаюсь.

Разработки полковника

Олег Михайлович Седых приехал в Уссурийск и сразу стал разбираться с накопившимися материалами по делу секты Разбитого креста. Местные сотрудники старались донести до него максимум информации, но в какие-то моменты Седых лишь имитировал заинтересованность: Второй действительно контактировал с ним, и многое он уже знал буквально из первых рук. Второй рассказал по телефону о том, как ехал в поезде с Подольским, о чем говорил, но главное — сделал вывод, который удивил полковника. Член тайной организации подтвердил, что Дмитрий действительно может расшифровать код и найти спрятанную икону. Все это было на уровне предположений и догадок, но Седых прислушался к этому человеку и решил не давать на Дмитрия. Дать ему полную свободу действий.

Когда журналист в самом разгаре гуляния исчез из комнаты Тарасова, всех оперативников подняли на ноги. Кроме этого установили датчики слежения на машины Вадима и расставили наблюдателей на основных дорогах города. Что же касается общежития, то на следующее утро в подъезде появились странные сантехники. Сотрудники ЖЭКа не понимали, зачем их пригласили, но вскоре стало ясно, что дано указание проверить в каждой комнате проводку и счетчики. Жильцы удивлялись только одному — они ни разу не видели трезвых электриков и слесарей в таком количестве.

Утром Седых уже знал, что Дмитрий находится в квартире Раи, подруги Вадима. Дмитрий, не особо прячась, засветился на кухне у окна. После этого около дома выставили наблюдателей, которые докладывали обо всех возможных передвижениях в квартире и подъезде. Единственное, что беспокоило Седых, — так это молчание Дмитрия. Он не мог понять, почему Подольский не звонит ему, не докладывает обстановку. Могло показаться, что старые друзья просто загуляли, но опытный оперативник чувствовал, что происходит нечто странное. Ему не понравилось это резкое исчезновение среди ночи. Седых связался с Владивостоком и попросил подтянуть в Уссурийск дополнительные части спецназа. Он предвидел, что сектанты постараются что-то предпринять. Больше всего он опасался за жизнь журналиста. Ему не было известно, что Отец отменил свое решение об уничтожении нежелательного гостя.

По данным наблюдателей полковник знал, что Дмитрий ведет себя нормально, свободно передвигается и даже смеется.

«Неужели он задумал вести свою игру? — мучился в догадках полковник. — А может, Второй, встретив его в поезде, рассказал ему что-то такое, чего я не знаю? Почему он перестал бояться нападений и покушений на его жизнь? Неужели сектанты передумали и теперь сами хотят встретиться с журналистом? Если это так, то что они собираются ему сообщить?»

Полковник понимал, что код Распутина здесь ни при чем. Беспокоило другое — заинтересованность секты в московском журналисте. В любом случае Олег Михайлович решил действовать по задуманному плану. Он хотел покончить с сектантами и прекратить череду жестоких убийств в разных городах. Для этого нужно было уничтожить центр — арестовать всех, кто руководил этим и направлял силы обманутых людей.

В день, когда в квартире появился Егор, в городе уже кипела суматоха. Все об этом знали, в том числе и члены секты. Они понимали, что готовится глобальная операция, но ничего не предпринимали для своего спасения. Отец

продолжал вести привычный образ жизни, ни на что не реагировал и выслушивал все донесения спокойно. Он предлагал желающим вернуться в городские квартиры или погостить у родственников. Но люди, видя его спокойствие, оставались. Они не хотели покидать деревню, где нашли спокойствие и защиту. Отец несколько раз уединялся в доме с Егором. Они что-то просматривали, проверяли бумаги и долго спорили. После очередной беседы Егор выскочил из избы сильно возбужденный. Долго бродил около забора соседнего дома, но потом вновь вернулся к Отцу. Люди в деревне стали собираться около колодца. Егор успокоился, рассказал, что к ним в деревню приедет человек — друг нового Мастера, который решит судьбу недавно пойманного убийцы. Жители долго судачили, не понимая, что это за человек такой особый, которому дано право решать судьбу того, кто причинил им немало бед. Пришлось Отцу выйти и рассказать, что тот занимается важным исследованием, которое касается всех. Чтобы он, Отец, и его братья смогли довериться этому человеку, нужно увидеть, кто он, а для этого нужна проверка — суд. Тогда Отец решит, можно ли ему показать собранные за годы архивы.

К вечеру все жители успокоились и приготовились встречать гостей.

Полковник Седых подготовил несколько достаточно веских доказательств незаконной деятельности секты и с этими бумагами посетил местные силовые структуры. Работники прокуратуры, милиции лишь пожимали плечами и всем своим видом показывали, что решение придется принимать ему, а они, конечно, поддержат. Вернувшись в здание ФСБ, Седых получил сообщение о том, что в квартиру Раи приехал Егор. Полковник удивился, как быстро Подольский вышел на него, и приказал установить слежку за особо опасным преступником. Слежка ничего не дала, после того как Егор покинул квартиру Раи, он растворился в толпе машин и ушел от преследования. Установить аппаратуру слежения на его джипе не удалось из-за того, что в ней находился еще один преступник — Кум. Безалаберность и халатность сотрудников бесила, но позже «Черный

полковнику» успокоился. Он понял, что все, даже высокопоставленные чины, немного побаиваются сектантов. Он приехал в городскую прокуратуру, где его уже ждали все начальники отделений милиции и спецподразделений. Седых вошел в кабинет и обратился к собравшимся с речью:

— Я знаю, что вы думаете! Знаю, боитесь, но это не выход! Отсидеться не получится. Я долго разбирался с документами и разговаривал с разными людьми. Мне известно, как эта организованная преступная секта умеет наезжать. Мне рассказали о дочери бывшего прокурора и о сыне начальника железнодорожной милиции. Их методы просты. Если родители не хотят помогать секте, они начинают давить. Могут научить детей употреблять наркотики, загнать их в долги и сделать многое другое. Но я хочу вам заявить, что с окончанием операции их власть закончится. Я не уеду в Москву, пока всех не пересажаю.

— Вы посадите, а через месяц они выйдут, — неожиданно вставил толстый полковник милиции. — У них адвокаты ушлые.

— Нет, товарищи офицеры. Всех арестованных по этому делу увезу с собой — в Кресты закрою. Вы что, думаете, это касается только вашего города? Да их жертвы по всей стране! В Москве зафиксировано несколько ритуальных убийств, и вы думаете, что я преступников такого масштаба оставляю вам? Нет. Я уже дал указание готовить спецоезд. Если вы мне поможете, останетесь на своих местах и будете жить и работать дальше. Каждый, кто струсит или станет помогать им, будет не только снят, но и арестован. Я уже знаю схему их влияния, у меня есть списки, как они давили и кого подкупали. Мне все известно! Эта операция готовилась не один день. Так что вам стоит подумать. Сейчас настал завершающий этап. У меня есть разрешение применять боевое оружие. Если сектанты окажут сопротивление, мы просто ликвидируем всех!

В кабинете воцарилось молчание. Полковник выпил воды и продолжил:

— Четко следить, чтобы никакая информация не уходила на сторону. Поймите наконец! За все отвечаю я! И все

команды отдаю тоже я! От вас лишь требуется четкое выполнение! Если еще раз случится подобный прокол, как с джипом Егора, я начну кадровую чистку на всех уровнях самых смелых, честных и решительных. И отдам под суд тех, кто сотрудничает с незаконными вооруженными формированиями.

— Но у них нет оружия, одни железки! — возмутился прокурор.

— Не верю! Кто охраняет плантации мака и конопли? Мужики с топорами? Больше повторять не стану. Сейчас объявлена боевая готовность. Подготовить транспорт. Каждого человека из личного состава держать под наблюдением. Хорошо бы собрать у всех бойцов мобильники, чтобы никто не знал о наших действиях и передвижениях.

— А кто признается, что у него он есть?

— Пропустите через рамку, проверьте, к операции допускать лишь проверенных людей. Если все пройдет нормально, премиальные будут хорошие, не сомневайтесь. Все поняли?

— Все понятно, — ответил за всех прокурор.

— Тогда вперед!

Полковник вернулся в здание ФСБ и приказал усилить наблюдение за домом Раи. Ситуацию осложняло то, что прямых доказательств жестокого убийства людей Егором и его сектой собрано не было. Жертвы были найдены милицией лишь в Москве. Здесь, на Дальнем Востоке, по всем случаям трупы жертв никто не нашел, и они считались пропавшими. Многие заявляли, что видели прожженные трупы, и обвиняли в этом сектантов, но никто не мог этого доказать. Под утро Седых связался с Москвой. Он решил на всякий случай подстраховаться, и Москва дала добро на решительные действия. Главным поводом для задержания стали наркотики. Полковник четко определил: как только он выйдет на организаторов, обязательно найдет плантации, где выращивают и обрабатывают мак и коноплю. Это и послужит основанием для ареста и последующего проведения следствия.

Седых понимал, что у хорошо организованной секты есть свои люди в городе и на дорогах. Он приказал отменить преследование и наблюдал за передвижениями джипа Тарасова по компьютеру. Расчет полковника был прост: ни маковые поля, ни кусты конопли за день-два не уничтожишь и не спрячешь. Следы все равно останутся, а уж тем более трудно спрятать целую деревню или поселок, где каждый второй не в ладах с законом. Главное для него было вычислить место, где прятались сектанты. Он проверял готовность спецподразделений и держал их в напряжении.

Дмитрий и Вадим об этом не знали. Подольский не собирался звонить полковнику, он хотел сам разобраться во всем, но он не догадывался, что играет роль наживки. Седых знал, что его рано или поздно отвезут в то место, где хранятся их архивы. Именно там он встретится с лидерами секты. Это предположение подтвердил Второй, к тому же «Черный полковник» чувствовал это интуитивно. Звонок от завербованного журналиста был не обязательным, так как не только машина Тарасова была нашпигована датчиками. В одежде и вещах Подольского также были средства его обнаружения. Разбираясь с документами, Седых несколько раз задумывался над судьбой Дмитрия. Полковник понимал, что после ареста сектантов этого журналиста могут просто разорвать сотни оставшихся без лидера фанатиков.

Полковника успокаивало лишь то, что Подольский умеет стрелять, выживать и принимать верные решения. Он вспоминал поезд, в котором его несколько раз хотели убить, но так и не смогли. Знающий свое дело оперативник не мог даже представить, что Дмитрия оберегает Провидение.

Разработав план действий, Седых решил немного отдохнуть перед операцией. Людей и спецподразделений хватало для масштабного удара. Оставалось лишь вычислить место и дать команду к подготовке и последующему штурму. Полковник приказал дежурному в случае каких-либо передвижений объекта будить его. Что и случилось, когда друзья поехали в больницу снимать Тарасовушвы.

Суд

В назначенный день Подольский проснулся рано. Умылся и услышал, как копошатся в постели Рая и Вадим. Он не стал им мешать, вернулся в комнату и открыл ноутбук.

Всю ночь он не мог спокойно заснуть. Страшные мысли крутились в голове. Он не мог поверить, что когда-нибудь ему придется решать судьбу человека. Дмитрий мучился, представлял, как он спокойно скажет свое слово, и кто-то сразу прожжет преступника прутом. Ему было жалко его, но как только Подольский закрывал глаза и начинал дремать — появлялись другие видения: убитые дети, их родители, какие-то бабушки с кровавыми слезами. Все они умоляли его, просили. Некоторые даже кричали, пытались спасти своих еще живых детей. Какой-то лысый худой парень, пойманный разъяренной толпой, истерично смеялся: его глаза горели, а испачканные кровью руки тряслись. Около огромного костра, что освещал несколько избушек и высокий черный лес, обезумевшие люди свержали над безумным казнь. Люди уничтожили зло, а он, Дмитрий, стоял рядом, участвовал в этом шабаше и одновременно откуда-то свысока руководил этой истерией. Лишь чей-то взгляд, совсем другой, не похожий на то, что Подольский почувствовал в поезде, откуда-то со стороны с сожалением смотрел в его душу.

Открыв файл под названием «Код», Дмитрий стал внимательно просматривать зашифрованные буквы и цифры, попытался вникнуть, но понял, что в этот день у него ничего не получится. Другие мысли давили на сознание. Подольский боялся совершить главную ошибку в своей жизни: решение, которое он должен был принять, в любом случае определяло его дальнейшую судьбу.

Вадим чем-то загрел в туалете. Подольский прошел на кухню и поставил чайник.

— Что, все уже встали? — спросила из спальни Рая.

— Да, — ответил Тарасов.

— Тогда и я встаю. Завтрак через полчаса.

— Не торопись, у нас есть чем позавтракать,— улыбнулся Тарасов и показал на оставшуюся самогонку.— Будешь?— спросил он Дмитрия.

— Нет. Я не болею.

— А я что говорил! Чистоган! С утра как огурчик.

— Тебе весело, а я всю ночь не спал.

— Да мне тоже не спалось. Все думал: на войне ведь по другому. Там или ты, или тебя, а здесь вот так вот решить, что кто-то, пусть даже самый законченный отморозок, не достоин жить, — сложно. Не знаю, как ты поступишь...

— Я сам не знаю. С одной стороны, я могу взять грех на душу и освободить людей от страха, а с другой—кто я такой, чтобы распоряжаться чьей-то жизнью?

— Вот именно, кто?

— Так, ребята, давайте похмеляйтесь и идите в зал. Я завтрак готовить буду. Нечего мне на кухне мешать,— перебила их Рая.

После завтрака друзья, оставив Раю дома, зашли в общежитие, провели друзей, после чего, убедившись, что в комнате все нормально, поехали на джипе в больницу. Игорь и Олег решили в этот день сходить в мастерскую.

В больнице швы Вадиму сняли быстро, и он, вернувшись с перебинтованной головой в машину, достал телефон и решил позвонить Егору.

— Подожди,—остановил его Подольский.—Давай в церковь заедем.

— Давай.

Вадим хотел отвезти его в центральную церковь, что стояла у рынка, но передумали поехать к Трифону.

Машина остановилась около церкви. Они вошли внутрь. Увидев знакомую старушку, Тарасов подошел к ней и спросил:

— А где батюшка?

— Он у себя в келье. Пост у него. Вода да хлеб, а все остальное время молитвы читает.

— А вы бы не могли позвать его? Скажите, Вадим приехал.

— Я знаю, что вы старые знакомые, но не беспокоил бы ты его лучше. Тут такое!

— Что случилось?

— А ты не слышал, что Тополя с дружкой за ракетирство посадили? Батюшку тоже двое суток не отпускали, но потом он вернулся. Теперь уединился.

— Что, грехи замаливает? Говорил я ему.

— Многие говорили, да со стороны смотреть и рассуждать проще, а как поступить правильно, никто заранее не знает.

— Чем дело-то кончилось?

— Тополь с друзьями сказал, что батюшка ни при чем, помогал им на путь истинный встать, направлял, а они, неблагодарные, людей грабить удумали.

— Вы ему скажите, что я приходил, и скажите, что обиды на него не держу.

— Бог тебе в помощь, сынок. Спасибо. Трудно ему сейчас.

— Что ж, я думаю, он справится. Бог — он всех прощает.

— Твоя правда, каяться надо! Всем нам каяться надо, — ответила старушка и пошла убирать с подсвечников сгоревшие свечи.

Вадим уже хотел выйти, осмотрелся и увидел около иконы Богородицы Подольского. Дмитрий стоял молча и внимательно смотрел на икону. Вадим не стал ему мешать и решил подождать друга в машине. Через полчаса Подольский сел в джип, посмотрел на Вадима и уверенно произнес:

— Звони!

Тарасов набрал номер Егора, услышал его голос и сообщил, что они готовы ехать. Тот попросил ждать его на трассе около поворота на Покровку. Через час машины встретились. Егор из окна махнул рукой, и Вадим поехал за ним.

Сначала они вернулись на трассу, что вела к Гродеково, но потом где-то за Галенками завернули и долго петляли по грунтовым дорогам. Иногда джипы выезжали в открытое поле и останавливались. Егор выходил и смотрел на дорогу, что проходила по полю. Возможно, проверял, нет ли за ними хвоста.

Наконец машины въехали в небольшую деревушку. Первое, что бросилось Дмитрию в глаза: все мужчины были в серых костюмах. Машины остановились около небольшого домика с красивым заросшим коноплей и алыми маками палисадником.

К дому стали постепенно сходитья люди. Егор проводил гостей в дом, а сам вышел на улицу.

— Люди, это новый Мастер и его друг, — крикнул он. Все вокруг загалдели.

Вадим и Дмитрий стояли в узкой комнате. Им показалось, что они одни, но в полумраке кто-то зашевелился за столом.

— Здравствуй, Мастер! — услышал Вадим голос Отца.

У Дмитрия пересохло во рту. Отец встал, подошел к нему и сверлящим взглядом посмотрел в глаза.

— Здравствуй, погибель наша!

— Почему погибель? — еле выговорил Подольский. — Я никому ничего не сообщал.

— Да, я знаю, — спокойно ответил Отец. Он наклонился к столу, потрянув прядью жидких седых волос.

— Что ж, условие ты знаешь. Сейчас все придут к дому, и начнем. Если ты прав — я все тебе покажу. Если я ошибся, садитесь в машину и немедленно уезжайте. Мы забудем, что видели друг друга. Договорились?

— Конечно, — выдохнул Дмитрий.

— А ты как поживаешь? Все еще в бинтах? — обратился Отец к Тарасову.

— Нет, это сегодня швы сняли. Все, через пару дней смогу работать.

— Пока не надо. Тут другие, более важные дела появились, да и тех, что сделал, пока достаточно, — спокойным, слегка сипловатым голосом сказал Отец.

В дом вошел Егор.

— Что, привели? — спросил его Отец.

— Да, — ответил дядя.

— Пошли, выходим, — предложил старик и еще раз пристально посмотрел на Дмитрия.

Около дома двое крепких парней в тех же костюмах держали с ног до головы покрытого татуировками парня.

— Послушайте, — как бы пытаюсь отвлечь от главного, спросил Дмитрий Егора, — кто вам шьет такие хорошие костюмы?

— Это Кукушка, парень один сумасшедший. Мы его в зонесномерком на ноги нашли.

— Как это?

— Он серьезно заболел в лагере. Его в морг, как и многих безнадежных, умирать отнесли. Отписали домой, что помер, а он оклемался и спрятался в подвале. Мы потом приехали туда, а он голый из-под земли вышел, и первое, что он сказал: «Ку-ку». Так и стал после этого Кукушкой. А через год поправился телом, но не умом. Как-то взял и мешков для картошки нашил. Мы ему простую машинку принесли, а он сшил себе брюки. После этого купили ему хорошее оборудование, он теперь костюмы шьет. Нравится ему это дело, вот только не знаю, понимает ли он сам, что делает.

— Можно я с ним поговорю?

— Конечно. Эй, Кукушка, иди-ка сюда!

К Егору подошел щупленький русоволосый парень. Он не выглядел на свой возраст, глаза выдавали, подсказывали, что он гораздо старше.

— Привет! — произнес Подольский. — Ты случайно не из Хабаровска?

Парень отрицательно закрутил головой.

— А памятник вот с такой рукой помнишь? — спросил Дмитрий и изобразил Ленина. Кукушка встрепенулся, заулыбался, а затем резко заплакал.

— Что это с ним? — спросил Егор.

— Дом вспомнил.

— Дом?

— Да. Я в Хабаре останавливался и снимал у старушки комнату. Она рассказывала, что сына за спекуляцию куртками посадили, только сшил он их сам, а доказать этого не смог. Уж слишком хорошо они сделаны были.

— А адрес можешь дать?

— Адрес я не знаю. Второй дом справа от площади. Первый подъезд, четвертый этаж, налево. А старушка — мать его, все время у памятника стоит, ищет жильцов.

— Найдем. Не переживай, и по статье по документам зоны проверим, — радостно произнес Егор. — Я его люблю, он хороший, нет в нем зла ни капли, готов каждому помочь. Вот только сам этого не понимает.

— Значит, первое дело доброе, — услышали они голос Отца.

— Какое дело? — переспросил Дмитрий.

— Как же, ты уже радость принес. Мать нашего блаженного нашел. Это для всей деревни праздник, когда мать сына находит, а сын — член семьи нашей.

— Да я как-то и не думал об этом. Само собой получилось. Случайность.

— Случайностей не бывает, поверь, во всем есть своя неведомая закономерность.

Дмитрий промолчал.

— Что, начнем? Люди ждут, — спросил его Отец.

— Я готов.

— Вот люди, — громко произнес Отец. — К нам приехал гость. Он боевой друг Мастера, о котором вы много слышали. — Народ зашумел. — Он решит судьбу этого человека, — резко произнес Отец и указал пальцем на парня в табуировках. — Говори! — обратился он к толстому мужчине.

Незнакомец подошел к Дмитрию ближе и громко сообщил:

— Этот похитил нашу дочь. Изнасиловал и задушил. Потом спрятал ее в лесу и не отдавал нам тело без выкупа.

— А вы в милицию обращались?

— Да. Они сказали: нет тела — нет дела. И только посмеялись. Добавили: кому нужна твоя кадушка. Моей дочке было тринадцать, а выглядела она старше. Он украл ее вместе с куклой.

— Следующий! — крикнул Отец.

Следующей подошла женщина и рассказала о своем девятилетнем сыне. За это убийство он отлежал целый год в больнице, был признан невменяемым, потом его отпустили, и появились новые жертвы.

К Подольскому подходили женщины, мужчины, и каждый рассказывал о своих детях, братьях, сестрах. Только

потом Дмитрий понял, что речь идет о десяти-двенадцати убитых и он выслушивает всех родственников потерпевших. На двадцатом человеке стальное кольцо сжало душу. Дмитрий сел на деревянный порог и уже не мог воспринимать ту боль и слезы, что приносили ему люди. Он посмотрел на Отца с просьбой в глазах освободить его от этого, но тот позвал следующего и строго произнес:

— Ты должен выслушать всех.

Дмитрий устал, но выслушал всех. Люди толпились около него и продолжали что-то выкрикивать из толпы. Тут Подольский обратил внимание на одну женщину, которая не участвовала в суде. Она просто стирала белье. Но, что-то показалось странным в ее работе. Дмитрий присмотрелся и увидел, что она с остервенением выстирывает одно и то же полотенце. Он понял, что у женщины истерика и она старается таким образом успокоить себя. В какой-то момент она поднялась, вытерла рукой пот и посмотрела на Дмитрия. Он узнал этот взгляд. Именно он приснился ему ночью. Взгляд, полный жалости и сожаления, обиды и боли.

Дмитрий не стал спрашивать, кто эта женщина. Он понял, что это мать несчастного больного парня. Ее глаза подсказали ему выход и решение.

— Позовите вон ту женщину, — попросил Дмитрий и показал на нее.

— Да это...

— Тихо все! — гаркнул Отец.

Женщину привели.

— А ты что скажешь о нем? — спросил ее Подольский.

— Я? — удивилась она и, обернувшись, посмотрела на людей. Понятно, что никто ранее не давал ей слова. Женщина повернулась к Подольскому, выпрямилась и гордо произнесла:

— Он ни при чем. Этот мальчик расплачивается за мои грехи. Я во всем виновата.

Кто-то из толпы хотел возразить, но Отец вновь грозно крикнул:

— Тихо!

— Продолжайте, — попросил ее Дмитрий.

— А что продолжать, я все сказала. Оставьте ему жизнь, пока жива — буду присматривать за ним и работать на вас. Не побоюсь никакого тяжелого труда. Я же в деревне выросла.

— А если он опять кого-то убьет? — спросил женщину Дмитрий.

— Не дам! — уверенно ответила мать и, достав из-под юбки нож, показала его Дмитрию, Отцу и сыну. — На ночь буду запираяться и привязывать его к себе, или приковывать, если Мастер цепь такую сделает, а днем на шаг не отступлю. Если пойму, что не могу помешать ему, то убью сама. А пока прошу поверить мне, ведь он действительно ни в чем не виноват. Родила его дураком, выходила, на что надеялась? Радости к старости хотела, а тут вот что.

— А в чем твой-то грех? — удивленно спросил Дмитрий. Он не мог поверить, что эта работающая деревенская женщина могла совершить что-то ужасное.

— Убивала и сидела за это. Грабила, воровала, да только богатства не нажила. Все водой утекло. Единственное, что осталось, — он да люди добрые, что меня приютили.

Дмитрий выпрямился и, не понимая, что с ним происходит, словно бреду произнес:

— Я считаю так. Я не Бог, чтобы отбирать у человека жизнь. Это право принадлежит только Ему. Мы все люди и должны помнить об этом. Пусть вы сочтете мое решение неверным, но я отдаю его матери. Ей решать, что с ним делать.

Все замолчали, а женщина со слезами упала в ноги Подольскому.

— Я согласен, — произнес Отец. — Но с одним условием! Он будет принимать лекарства и дозу для смирения и спокойствия. У нас, слава Богу, этого добра много. Попробуем еще раз его вылечить, и главное: мы, как учил Господь, прощаем этого человека и постараемся изгнать из него беса.

Народ с минуту потоптался и молча разошелся по домам. Мать повела сына домой. Возле дома она не выдержала и стала хлестать его ладонями по щекам, затем обняла, поцеловала и увела в избу.

Егор стеклянными глазами смотрел на Дмитрия. Тарасов стоял в стороне и мрачно курил.

— Видел я суды, но такой—в первый раз,—произнес Егор.—Я бы не простил! Не человек он—тьма.

Отец посмотрел на него:

— Посмотрим, что он скажет, когда увидит новую жертву. Мать не сможет остановить сына. Не убьет—пожалееет. Но решение принято. Что ж, он поступил как верующий человек, не понимая, что зло так не победишь. Его выжигать нужно—каленным железом! Когда-то я тоже был таким и первый раз тоже пожалел зверя, понадеялся на суд свыше, но слишком быстро понял, что со злом нужно бороться не милостью и терпением, а силой и злостью. Только тогда оно отступит, уйдет. Во всех остальных случаях тьма лишь злорадствует и добивает, пока не насытится своей победой.

— Подумай! Ведь он снова отнимет чью-то жизнь!—обратился к Дмитрию Егор.

— Я сказал то, что думаю,—строго произнес Подольский.

— Хорошо. Это его решение. Заходите в дом,—пригласил Отец.

Дмитрий, Вадим и Егор вошли в избу и, взяв стулья, сели напротив обшарпанного письменного стола.

— Подойди ко мне, — попросил Дмитрия Отец.

Подольский медленно поднялся и подошел к столу.

— Вот, посмотри! Твой компьютер где?

— В Уссурийске.

— Ничего, потом сравнишь.

— Что это?

— Прочитай. Я думаю, ты поймешь!

Дмитрий взял в руки исписанные авторучкой тетради. Открыв первую, он стал читать текст молитвы. Неожиданно на третьем предложении он узнал знакомые слова, найденные им в сносках Распутина.

— Это молитва—код Распутина.

— Да,—ответил Отец.—А вот еще,—он протянул Подольскому несколько тетрадей.

Дмитрий стал по очереди открывать их и читать написанные от руки первые предложения.

— Странно,— произнес журналист.— Слова одни и те же, но написаны по-разному. Смысл получается другой.

— Вот именно,— ответил ему Отец.— Все это неправильные варианты.— Старик открыл ящик стола, достал папку, перевязанную веревкой, развязал ее, открыл и протянул пожелтевший листок Дмитрию.

Журналист с интересом прочитал все те же первые предложения, но на мгновение остановился. Он почувствовал чье-то присутствие. Невидимый взгляд давил на него откуда-то из темного угла комнаты.

— Почему остановился? — нервно спросил Отец.

— Он здесь,— не успел произнести Дмитрий, как увидел, что Отец и Егор одновременно упали на колени и начали молиться. Подольский вернулся к тексту. С каждым новым словом он чувствовал, как закипает в венах кровь, воспаляется душа, а сознание распирает голову и пытается вырваться наружу.

— Я не могу!— остановившись на середине страницы, выкрикнул Дмитрий. Его руки задрожали, ресницы задержались, и откуда-то появилась невыносимая усталость.

— Еще бы, это не каждому под силу,— закончив молитву, произнес Отец.— Я тоже его почувствовал. Он сказал странные слова.

— Вы о ком?— растерялся Дмитрий.

— О Распутине. Ты же понял, что он был здесь! Его сила — взгляд! Я слышал голос, обращенный к тебе: «Странствуй, странствуй, брат, тебе много дал Бог, помогай людям, будь моею правою рукой, делай дело, которое и я, недостойный, делал». Запомни, Дима,— ты найдешь икону, а подскажет тебе мозаика на старинной стене.

— Что это значит?

— Не знаю. Тебе виднее. Сейчас ты этого не поймешь, но когда-нибудь эти слова откроют тебе тайну. Сейчас мы уйдем. Обед вам с Вадимом принесут сюда. У тебя есть сутки. Смотри, читай все, что у нас есть. Завтра я спрячу архив, потому что придут демоны. Ты их привел. Но я вы-

нужден был пойти на эту жертву, должен был понять, кто ты.

— Ну и что вы поняли?

— Ты—ключевое звено в цепи событий. Ты ведешь нас к спасению, но тьма пользуется твоими слабостями, она идет следом. Запомни и сохрани это.

Старик сунул в руку Дмитрию бумажку.

— Потом посмотришь, что там, — сказал он.

— Так вы из-за меня все пострадаете?

— Это мелочь по сравнению с тем, что ты можешь сделать. Мы не обидимся, не станем мстить и не затаим на тебя зла, лишь просим: пойми все верно и поступи правильно! Сейчас читай, изучай— пусть тайна откроется тебе, а мы не будем мешать.

— Но почему я?— удивился Подольский.

— Наверное, именно ты Избранный. Только сам пока этого не знаешь, — ответил Отец и вслед за Егором вышел из дома.

— Избранный? Ничего себе! Хорошо, посмотрим, что у них тут есть, — посмотрев на Тарасова, протянул Дмитрий.

— Ты мне хоть расскажи, что там, — попросил Вадим.

— Конечно, расскажу. Нам все равно до утра здесь сидеть.

— Да и мне что-то не очень хочется по этой деревне гулять, — согласился Вадим.

— Вот, посмотри! Хронология событий с 16 на 17 декабря 1916 года. Это день, когда убили Распутина, — открыв папку, произнес Подольский.

Допросы

Узнав, что Тарасов и Подольский после больницы уехали за город, полковник Седых приказал задержать всех знакомых Вадима. Через два часа ему доложили, в каком районе находится машина Тарасова. Полученные данные быстро обработали и вычислили населенный пункт. Олег Михайлович сомневался, что Подольского вот так сразу повезут

в деревню, но внутреннее чутье подсказывало, что сектанты торопятся сообщить ему что-то важное. Члены секты Разбитого креста и полковник Седых понимали, что развязка близка, но что-то важное оставалось недосказанным. Олег Михайлович в какой-то момент решил, что сам поспособствовал сектантам: направил к ним Дмитрия и предоставил собранные ФСБ материалы по делу Распутина. Оставалось понять главное — кто такой Подольский и почему сектанты то пытались его остановить и ликвидировать, то резко изменили свое отношение и вот так сразу пригласили к себе.

В здание Уссурийского отделения ФСБ привезли задержанных. Рая, Юля и Катя вообще не понимали, за что их арестовали, а Олег и Игорь решили, что пришел день, которого они боялись. Больше всех возмущался Армен. Его первым привели к полковнику. Олег Михайлович посмотрел на предпринимателя и спросил:

— Ты знаешь, что происходит в твоём цеху?

— Какое цеху? — прикинулся протачком директор.

— В том самом, где стоит печь и оборудование.

— А-а, — протянул Армен. — Так раньше эта мастерская была моей, а теперь она принадлежит Тарасову.

— Тарасову? — удивился полковник.

— Да. Приехали люди и заплатили мне за помещение и оборудование. Я и документы заверил у нотариуса. А что они там делали, мне не говорили.

— Понятно. И где эти документы?

— В кабинете, в сейфе. Вот ключи, — Армен отстегнул несколько ключей от связки и протянул их полковнику.

— Значит, ты ничего не знаешь и никого не видел?

— Нет. Правда, приезжали к ним заказчики на джипе, носом они не разговаривали.

— А с чего все началось?

— Приехали люди, попросили найти мастера, что может работать с металлом. Я нашел Вадима, а он уже сам набрал остальных.

— А как они договорились?

— Тарасов сделал пару сувенирных ножей. Они посмотрели и предложили работать. Мне сказали, чтобы я отды-

хал. Если буду нужен, они сообщат. Но никто ни разу меня не вызвал. А недавно приехал человек. Предложил хорошие деньги, я и согласился.

— Как выглядел этот человек?

— Они все на одно лицо и носят серые костюмы.

— Понятно. Сейчас с тобой в мастерскую поедут эксперты. Ты все покажи и не мешай. Если все так, как ты говоришь, сегодня уйдешь домой.

— Понял, я пока в коридоре подожду.

Олег Михайлович вызвал двух оперативников и попросил съездить с Арменом. Ему нужны были доказательства, что те самые железные штыри, которыми убивали людей, делались именно в этой мастерской. Кроме этого, он попросил сотрудников забрать всю документацию и особенно чертежи. После того полковник пригласил девушек. Первой вошла в кабинет Рая.

— Здравствуйте! Скажите, вы давно знакомы с Тарасовым? — спросил он девушку.

— Не очень, меньше месяца.

— А вы знаете, где он работал и чем занимался?

— У нас город небольшой, все известно.

— Хорошо. Тогда ответьте: вы знали, что он делал штыри?

— Нет, я этого не знала. Вадим больше известен как мастер ножей и кинжалов. Очень необычных. Я понимаю, наверное, это преступление — делать холодное оружие, — с сожалением ответила девушка.

— Не волнуйтесь насчет ножей. То, что это оружие, еще доказать надо. Возможно, это, как сказал бывший директор мастерской, всего лишь сувениры.

Рая обрадовалась и повеселела.

— Значит, Вадиму ничего не будет?

— Не знаю. Тут другое. Вы знали, что он связан с сектантами?

— Это, что ли, эти — в серых костюмах?

— Да.

— Нет, он скорее ругался с ними. Был все время недоволен. Но одним из них точно не был.

— Хорошо. А вы видели, как он изготавливал металлические штыри?

— Нет. Я все время в магазине, к ним на работу один раз приезжала, но они в тот день ничего не делали.

— Понятно. А что, Тарасов недолюбливалих?

— Да. Ему что-то не нравилось, а что точно, я не знаю. Он же молчун. Мог поговорить с Игорем, и то не всегда понятно, о чем.

— Хорошо, вы свободны, подождите в коридоре.

После этого полковник поговорил с остальными девушками, но так и не добился чего хотел. Ему нужны были свидетели, которые подтвердили бы то, что ритуальные орудия убийства изготавливал именно Тарасов.

Вызвав в кабинет Игоря, полковник уже знал, о чем он станет его спрашивать, а тот на удивление спокойно отнесся к вопросу.

— Чего это тебе так весело? — нервно спросил его Олег Михайлович.

— А что мне, плакать, что ли? Зону я видел, меня этим не испугаешь.

— Я не собираюсь тебя пугать. Мне нужно только одно. Ты делал штыри для сектантов?

— Нет. Я вообще в этом деле лох. Не знаю, в какой руке кувалду держать.

— А Тарасов?

— Это вы у него спросите.

— А чем же ты занимался? У меня есть сведения, что ты все время находился с ним во время работы в мастерской.

— Да, находился. Но я не могу сказать, что именно он делал. Ковал железо. Иногда из него получались забавные штучки, — стоял на своем Игорь.

— А вот такую железку ты видел? — со злостью спросил полковник, взял лист и нарисовал на нем штырь.

— Да, таких кусков в мастерской навалом. И на полу, и на верстаках валяются. Да вы в любую мастерскую зайдите и найдете там кучу таких железок.

— Понятно, — недовольно произнес полковник. — Значит, ты ни при чем?

— То, что я дружу с Вадимом, не секрет. А что он мастерил, весь город знает.

— А ты что делал? — выкрикнул Седых.

— Ходил за водкой и закуской. Накрывал в кабинете поляну. Иногда машину ремонтировал, а что они делали, не знаю.

— Они — это Вадим и Олег?

— Не знаю, спросите у них.

— Хорошо, свободен. Посиди в коридоре и пригласи сюда Олега.

В кабинете зазвонил телефон. Один из оперативников пригласил полковника к центральному пульту. Олег Михайлович вышел из кабинета и увидел, что все задержанные сидят вместе. Он позвал сотрудника и приказал ему следить, чтобы они не разговаривали. Сам отправился в дежурную комнату к компьютеру.

Дежуривший офицер доложил, что датчик слежения, установленный на машине Тарасова, уже около часа находится без движения. Кроме этого он сообщил, что по карте в этом районе нет населенных пунктов, и дорога обрывается за несколько километров оттуда. Олег Михайлович приказал объявить тревогу и выслать на разведку специально подготовленную группу.

Через десять минут два сотрудника спецподразделения поехали на стареньком «ниссане» в тот район. Машину они выбрали неприметную, хоть и иномарку. Дело в том, что из-за близости Японии весь Дальний Восток перегружен старыми иномарками. Служебная «волга» могла привлечь внимание, а старенький «ниссан» был незаметен.

«Неужели именно там находится их поселок? — подумал Седых. — А может, это отвлекающий маневр?»

— Предупредите сотрудников, чтобы действовали предельно аккуратно, лучше пусть по бездорожью идут пешком, — приказал он дежурному.

— Мы можем вертолет послать. Он пролетит и все увидит, — предложил офицер.

— Нет. Спутнем. Время пока есть, пусть проверят. И главное: каждые полчаса чтобы выходили на связь.

— Есть,—ответил дежурный и стал связываться порации с разведчиками.

Олег Михайлович вернулся в кабинет и пригласил к себе Олега.

— Ну что, молодой человек? Как думаете, на какой срок ваши делишки тянут?

— О чем вы? Я освободился, живу честно. Не ворую, работаю.

— А с Тарасовым что делал?

— Помогал.

— И как ты ему помогал?

— Ну там печь разогреть. Металл в нее положить, угля принести или там штангенциркуль подать.

— Помощником был?

— Ну да: подай—принеси—иди на хрен, не мешай!

— А ты знал, что он делает?

— Конечно.

— И что же?

— Круглые железки. Наверно, пальцы для комбайна или клепки для Дальзавода.

— Ты мне прекрати тут дурака валять! — заорал Седых. — Это ритуальные штыри! Ты соучастник.

— Какие штыри? — с удивлением переспросил Олег.

— Ритуальные, милый мой!

— И для какого же ритуала они нужны?

— Людей прожигать!

— Да вы что? Не верю.

— Слушай, прекрати.

— А вы мне покажите фотографию жертвы, я узнаю.

— Легко!

Полковник достал из портфеля папку по московским убийствам. Достал фотографии и бросил их на стол.

— На, смотри!

Олег взял фотографии и, увидев жертвы, замер. Но через секунду на его лице появилась улыбка.

— Нет, начальник, не обманете! Это не наши штыри!

— Как это не ваши? — удивился Седых.

— Да так. Сами посмотрите. Они на станке выточены, а мы кованые делали. Да, конечно, похоже, и размеры такие же, но не наши. Да и еще одно подтверждает, что вы меня обманываете.

— Что?

— Убитые. Вот в квартире — раздетые. А эти застреленные — одетые. Они там все вместе валялись?

— Да. Одни в квартире, другие в подъезде. Вот эти в костюмах тех ребят в квартире прожгли, но их тоже кто-то убил.

— Вот видите, преступление совершено в один день. А эти двое в серых костюмах застрелены, но посмотрите, они одеты в осенние или весенние куртки. На улице еще холодно было. А мы стали клепки делать, когда уже все в рубахах ходили. Явная подстава, господин начальник. Это или ранняя весна, или осень.

— Это другой город. Там лето позже приходит.

— Но все равно не наши. Если посчитать: пока мы сделали, пока их отдали, пока преступление подготовили и совершили. Все равно не сходится, весна уже должна закончиться. Вы мне летние жертвы покажите.

— Я смотрю, ты ушлый парень. Глазастый. Понятно, что такие штыри до вас кто-то делал, но вы продолжили.

— Так можно на любого кузнеца наехать. Вы мне экспертизу покажите. Что орудие убийства изготовлено в нашей мастерской именно нами. Может, там отпечатки наши есть?

— Иди отсюда, Шерлок Холмс! Я тебя по другой статье закрою, если не признаешься!

— Вы бы с Вадимом поговорили сначала. Он все делал, а мы лишь помогали и особо не спрашивали. Он же как? Врезать может за лишний вопрос. Зачем зря интересоваться? С какой целью? Меньше знаешь — тише дышишь!

— Свободен.

Олег встал и вышел в коридор. Увидел испуганные глаза девочек и произнес:

— Успокойтесь. Все нормально! Там какие-то штыри вообще не наши — на станке выточенные.

— Точно?—спросил Игорь.

— Не знаю, но, пока они разберутся, что на станке делали, а что у нас в цеху, мы отмажемся. Людей убили зимой. Трупы в теплых куртках. А мы уже по теплу работать начали.

— Да, точно. Хотят горбатого повесить,—возмутился Игорь.

Из кабинета вышел полковник Седых.

— Так, голубчики, посидите пока в актовом зале. Вы не арестованы, а просто на время задержаны.

— За что?—возмутилась Рая.

— Чтобы живы остались. Мы начинаем операцию. Не нужно, чтобы вас взяли в заложники или отомстили. У этих людей—сектантов—с мозгами не все в порядке.

Полковник проводил их в актовый зал, а сам спустился к дежурному.

— Что докладывают?

— Нашли дома. Видят людей.

— А им плантации не попадались?

— Да, им пришлось обходить охраняемые заросли мака.

— Прекрасно. Всем в ружье.

— Тут вам сообщение.

— Какое сообщение?

— Не знаю, кто-то позвонил, назвал ваше имя и велел передать такие слова: «Дай время до утра».

— Понял. Пошлите туда пару групп, пусть перекроют дороги. И пробейте, откуда звонили.

— Уже.

— Откуда?

— Из гостиницы, из автомата. Пожилой человек в сером костюме. Администратор его видел.

— Хорошо. Никого мы слушать не будем. Действуем по плану. Начинайте оцепление этой деревни. Ни одна мышь не должна проскочить! Через час доложите!

Архив секты

Дмитрий стал внимательно изучать оставленные ему документы. Тарасов в ожидании ходил по комнате из угла в угол, рассматривал иконы и старые книги на полке. Вышел на улицу покурить, но, увидев двух парней около дома, понял, что их охраняют, и решил вернуться. Он сел у стола, взял одну из папок и начал изучать ее. Непонятные фамилии, старинные звания и должности ни о чем не говорили. Он отложил в сторону документы и стал наблюдать за Подольским.

Прошло примерно два часа. Дмитрий отложил последнюю прочитанную папку, посмотрел на Тарасова и, задумавшись, произнес:

— Ничего себе! Не знаю, как во все это верить.

— Расскажи мне, в чем дело. Что тут такое загадочное, что за тайна?

— Я тебе уже рассказывал об иконе, помнишь?

— Да. Я тебе тоже говорил, что Отец и Егор считают, что ты сможешь найти ее.

— Так вот. Эту икону положили в гроб к Распутину, но потом, когда его гроб раскопали и сожгли, она исчезла.

— А зачем его сожгли? Убили, похоронили, избавились, зачем тревожить покойника? — не понимая, спросил Вадим.

— Хотели уничтожить память о нем. Чтоб следа не осталось.

— Ну и что? Получилось?

— Конечно, нет. Вот только люди слишком долго считали его плохим — мужиком, который в грязных валенках вторгся в покои царской семьи. Но когда советская власть рухнула, люди вспомнили о старце Григории и написали много книг. О том, каким человеком он был, как умел исцелять и самое главное — предвидеть. Распутин предсказал многое: смерть царской семьи, революцию и гражданскую войну. Он видел души людей и старался создать вокруг царя надежных помощников, но ему не дали. В то время были странные нравы: люди метались из стороны в сто-

рону. Многие состояли в масонской ложе. Например, все официальные убийцы Распутина были масонами. Все они ненавидели Распутина за то, что он мог влиять на Николая II. Пуришкевич, например, гордился: «Ребята, я убил, убил Гришку Распутина, врага России и царя!»

— В этих документах ты вычитал что-то новое?

— Конечно. Понимаешь, в то время все изучали гипноз и его воздействие на сознание человека. Создавались разные кружки, секты. Кстати, Распутина ошибочно причисляли к одной из них — к секте хлыстов, но проведенное расследование показало, что он не состоял ни в одной тайной организации и секте. У него был свой кружок почитателей, где люди изучали Библию и старались очистить себя. В него входили родственники Распутина, приближенные к царской семье и даже простые люди. Читая их воспоминания, понимаешь, что эти люди не занимались чем-то нетрадиционным, а лишь углубленно изучали Святое Писание. Конечно, Распутин был знаком со многими сектантами. В том обществе, где он был предметом сплетен и споров, его приглашали все. Некоторые из этих сектантов стали революционерами и впоследствии занимали высокие посты в обществе. Распутин владел внутренней силой, но это был не гипноз, а что-то большее. Это была истовая вера. После его смерти все покатило в пропасть: и страна, и люди. Народ не понимал, что он делает. Люди убивали друг друга ради мнимой свободы и равенства. Большевики не были орудием «темной силы», они пришли к власти, когда страна уже развалилась. В правительстве каждый тянул в свою сторону, пытался что-то изменить, спасти и тем самым рушил сложившиеся веками устои. Все это началось задолго до убийства Распутина, но он мог предотвратить падение. Показывал всем, куда катится страна, был против Первой мировой войны, хотел заключить сепаратный мир с Германией. Многим это не нравилось. Особенно мнимым патриотам, которые рвали глотки в Думе. Они обвиняли старца в том, что он шпион иностранной разведки. Одни говорили — германской, другие — английской.

— Да. У нас любят ярлык вешать. Стоит с кем-то встретиться—все, попал. А уж если дела какие замутил, то век не отмажешься, — согласился Тарасов.

— А у Распутина врагов хватало. Представь, начальник тайной полиции, министр внутренних дел имели до этого влияние на царя и могли рекомендовать ему на нужное место своего человека.

— Или взятку хапнуть, за продвижение.

— Верно. Но появился Распутин, и их кормушка прикрылась. Царь не был под его влиянием, но прислушивался к голосу «божьего человека», а тот предлагал своих людей, назначая и сменяя министров. Поначалу, говорят, Распутин шел на поводу у министров, но потом отказалим, разочаровался. Видимо, увидел, каких людей и за какие деньги они проталкивали на государственные посты. Все это вело к развалу великого государства. Все эти назначенцы ничего не понимали в управлении страной и, как и остальные, лишь брали взятки и подписывали ненужные бумаги. Считалось, что назначенец Распутина—Добровольский. Это кутила, мот, спекулянт. Занимался освобождением лиц от воинской повинности. Но я посмотрел внимательно — нет, не назначенец. Распутин отнекивался: «Может быть, он сам подсунулся да за меня спрятался... Он—человекоубийца и свою жену на тот свет отправил».

— А странные сближения?

— Был связанный странными сближениями с Распутиным один человек, который вдохнул свежую струю обществу, — Столыпин. Его реформы взбудоражили всех. Дошли до каждого крестьянина, и он действительно реально видел выход из сложившегося в стране хаоса. Но его убили. Как и Распутин. И хотя не все гладко было в отношениях двух великих людей, Столыпин считал Распутина «нечистым» и «порочным», собирал о нем самые нелепые сплетни, но они делали общее государственное дело: спасали Россию. Столыпин обожествлял царскую власть и настаивал, что ничто нечистое не должно касаться царской семьи. Государство—это велико и свято. А тут Распутин с его порочностью. Несовместимо. Невозможно. Столыпин

с ужасом в душе сообщал царю все те сплетни, которые он собрал о Распутине. И в то же время Столыпин всех просил и настаивал — не трогайте Распутина. Да, видать, осознал, что путь спасения может быть не только чистый, но и вот такой вот грязный.

— По его мнению — грязный. Потому что сам он из других социальных слоев — и чистенький. Царь-то это понимал, а они все — вряд ли...

— А вот читаю, какой Распутин был «грязный», просто рядом с ним все чистенькие мельче и по-человечески, по-глубинному неинтересными делаются: «Я шел по 40—50 верст в день и не спрашивал ни бури, ни ветра, ни дождя. Мне редко приходилось кушать, по Тамбовской губернии на одних картошках, не имел с собой капитала и не собирал вовек: придется — Бог пошлет, с ночлегом пустят — тут и покушаю. Так не один раз приходил в Киев из Тобольска, не переменял белья по полугоду и не налагал руки до тела — это вериги тайные, то есть это делал для опыта и испытания. Нередко шел по три дня, вкушал только самую малость. В жаркие дни налагал на себя пост: не пил квасу, а работал с поденщиками, как и они; работал и убегал на отдохновение на молитву. Когда коней пас — молился. Это отрада мне послужила за все и про все».

— Я слышал, что и убийство Распутина — запутанное дело.

— Нет, убили его обыкновенно — застрелили из пистолета. Система криминальной защиты российских авторитетов под названием «крыша» существовала и ранее, только с более приемлемым именем «покровительство». Тут явно были задействованы высочайшие покровители. Если верить вот этим документам, то до сих пор никто не знает, как это произошло на самом деле. По одной версии, его сначала пытались отравить пирожными, обсыпанными ядом. Также есть версия об отравленной мадере. Феликс Юсупов зачем-то позвал его в отдельную комнату и выстрелил в него сзади, когда он крестился перед распятием. После этого Распутин попытался убежать, но его добились,

выстрелив в ногу и тело, а затем произвели контрольный выстрел в голову. По одной из версий, это сделал Пуришкевич. Есть также вариант, что Распутин пробежал вдоль забора и сцепился с дежурившим около калитки английским шпионом. Именно он остановил старца, а разъяренные «спасители странь» доби́ли его.

— Ну и что здесь непонятного? — поинтересовался Вадим.

— Все участники этого преступления рассказывают об этом каждый по-своему. Получается, сколько людей — столько и версий. Есть версия, что после выстрела Юсупова в Распутина стреляли все присутствующие, кроме танцовщицы Веры Коралли. Она не смогла выстрелить в уже убитое тело, и этот факт отпечатался в памяти многих. Зачем вообще эта девушка, двоюродная сестра Юсупова, была приглашена к нему в этот день? Странно все это. Если они собирались совершить преступление — зачем столько лишних свидетелей, которые вряд ли бы стали хранить молчание?

— Да, странно.

— Все эти люди собрались, и, получается, они знали о предстоящем убийстве. Я не верю, что Распутин, обладавший особыми способностями и даром предвидения, не знал этого. Получается, что преступление совершено как-то неестественно.

— Есть ли у тебя Бог, решаешь не ты, а Бог, — заметил Вадим, — так и тут: есть ли в этот момент у человека прозрение, решает Бог, а не человек.

— Что же, я согласен. Но я о другом. О том, что убивали как бы нескольких разных людей в нескольких разных местах или всем черт мерещился.

— Мне сейчас пришла в голову одна мысль, и если я тебе ее не выскажу, она не застанет никого, постучится да и уберется восвояси: а вдруг Распутин обладал способностью быть в нескольких разных местах одновременно? И в нескольких разных местах в момент его смерти все было против него. Ни в одной своей ипостаси он не выжил. Представь себе, что ты можешь предвидеть все, в том

числе свою смерть на час вперед, и можешь двоиться, троекратно, короче, клонироваться. Ты убежишь из этого места в другое, оставив своего двойника, но опять тебя настигает предвидение и говорит, что и сюда тебе нельзя, и тут тебя убьют. Ты в третье место побежал, оставив двойника. Предвидение и там тебя настигло. И вдруг ты понимаешь, что бежать смерти дальше невозможно. Вот и весь тебе дар насмарку.

Друзья посмеялись от души. Дмитрий заметил, однако:

— Это, конечно, фантастика, но Распутин — человек воистину фантастический. Как это он мог быть в один и тот же час в кабаке с мужиками пьян и во дворце с императрицей трезв? Ведь за ним следили и часто такие несостыковки замечали. Царю докладывают, мол, дебошир Распутин вчера был там-то и там-то пьян, а царь отвечает: нет, мол, он с нами весь день был и трезв. Документы один другому противоречат. Вот, например, в архиве Отца описана другая версия убийства. В доме Юсупова собрали определенных людей, которые должны были рассказать о произошедшем каждый в своем кругу общения. Распутина, по их документам, убили вообще в другом месте. Причем та последняя пуля в голову была первой. Есть заключение эксперта. Он утверждает, что изучил найденный труп и определил, что смерть наступила мгновенно. Выстрел в голову — это не то, что в спину. Распутин где-то стоял на коленях и читал последнюю в жизни молитву. Он занес руку, хотел перекрестить себя, и его именно в этот момент застрелили.

— Да, но как же показания всех этих людей?

— Сейчас я объясню тебе, Вадим. Сам все поймешь. После этого тело еще несколько раз выстрелили, в том числе в спину и в ногу. На тот момент, когда в доме Юсупова собрались гости, Распутин был уже мертв. Дальше начинается самое интересное: есть материалы, подтверждающие, что Пуришкевич в этот вечер находился в другом месте, а кто-то очень похожий на него прибыл к Юсупову. В этот вечер всех присутствующих собрали в огромной комнате за одним столом. Некий человек, похожий на Пуришкевича, провел сеанс гипноза, он же потом разговаривал с горо-

довым. Все присутствующие ясно увидели само действие преступления, которого не было, — это был гипноз. Английский агент Самюэль Хор, член тайной организации, был наблюдателем. Он, зная, что происходит в доме, вообще не входил, ожидал окончания сеанса у калитки.

— Получается, всех их подставили?

— Похоже на то. Причем, как я уже говорил, собрали разных людей общества, чтобы слухи быстро расползлись по стране. Я сначала думал, что кто-то устроил ритуальное убийство, танцы с переодеванием, но теперь понимаю — людям внедрили в сознание такое видение. Вот смотри, один известный врач пишет, что, изучая воспоминания людей, присутствовавших во время убийства Распутина, он обнаружил несколько ключевых установок. Первое — то, что двоюродная сестра Феликса Юсупова танцовщица Вера Коралли отказалась стрелять в тело. До этого момента есть масса разногласий, и после этого инцидента показания расходятся, но сам отказ девушки помнят многие — это ключ. По показаниям остальных, сначала Распутина избивали все присутствующие и даже отрезали у него половой орган, который кто-то из слуг Юсупова нашел и передал людям из окружения Распутина. Есть версия, что это была прислуга.

Старца завернули в плед и решили дождаться ночи. Сам же Феликс вспоминает, что выстрелил в него в специально подготовленной комнате, куда пригласил Распутина попробовать пирожные. Но Распутин не любил сладкого, и потом, по показаниям самого Феликса, убийство произошло после полуночи. Выстрелы городской услыхало около трех часов ночи. Да и как мог Феликс вызвать из-за стола Распутина есть в дальней комнате сладости? Мог бы принести их за стол. Это у любого вызвало бы подозрение. Вот тут на одной из страниц написано, что Феликс легко поддавался гипнозу. Значит, он вспоминал свою установку. Второй ключ — это выстрел в спину. Его описывают многие и вспоминают, что именно он стал первым и решающим. Но Юсупов, по его же словам, с Распутиным были в комнате одни, как могли люди, сидевшие где-то во дворце, видеть

все это? Сам Пуришкевич, князь Дмитрий Павлович, отец Феликса Сумароков-Эльстон вспоминают этот факт. Возможно, они рассказывают это со слов Феликса, но зачем им подтверждать то, чего они не видели?

— То есть они его как бы видели? — переспросил Тарасов.

— Получается, да. Потом, непонятно, как городской не увидел крови на снегу. Он рассказывал, что, услышав выстрелы, подбежал к дому. Есть версия, что Пуришкевич застрелил собаку и следы крови все же были. Но сколько крови может быть от собаки и от раненого, истекающего кровью человека? Это разные вещи. Феликс утверждает, что встал к городовому спиной, чтобы тот не заметил убитое тело Распутина. Оно лежало где-то рядом на снегу. Теперь представь: человек спешит на выстрел и не смотрит по сторонам. Не может заметить лежащее тело на белом снегу? Конечно, он бы все увидел, если бы труп был. Есть другой вариант событий той ночи: якобы Пуришкевич сказал городовому, что, если тот любит царя, должен молчать об убийстве. Получается, что городской все видел, и труп, и кровь, и дал ложные показания. По другой версии, Феликс далему взятку в пятьдесят рублей за молчание. Но сам городской ничего толком не вспомнил, ни о трупе, ни о взятке, ни о Пуришкевиче. В рапорте и последующем допросе написал, что слышал три выстрела в садике около дома № 92 на Мойке, но ничего подозрительного не заметил. Он видел человека с погонями действительного статского советника, но личность его не знал. С его слов, он встретил Феликса, который сказал, что его гости подвыпили и решили пострелять. Увидев, что все спокойно, он ушел. По прошествии времени, уже после революции, городской легко признался бы во всем и даже заработал бы на этом, но никаких новых сведений и показаний от полицейских не поступало. Даже при самом тщательном расследовании, которое курировал сам царь. Сам подумай, если они успели занести тело в дом, городской сразу бы заметил кровавые следы на снегу. И еще одно разногласие я заметил в показаниях Феликса и его гостей. Юсупов рассказывал,

что выстрелил в спину Распутина, когда тот стоял в комнате перед распятием и поднял руку к голове, чтобы перекреститься. Затем Распутин долго лежал без движения на полу, но потом очнулся и попытался убежать. Пуришкевич описывает страшный взгляд старца и то, как он стрелял в него. Сначала попал в ногу, а затем выстрелил в голову, и все это на улице, в саду, где даже следов падения не оказалось. Если это так, откуда взялись свидетельские показания присутствующих в доме Юсупова о том, что Распутина сначала избивали, а потом каждый, кроме двоюродной сестры Феликса, выстрелил в него? Сам Юсупов об этом не вспомнил, а остальные рассказывали с подробностями. Как будто в этом доме произошло два независимых убийства одного и того же человека.

— Да. Не сходится, — согласился Вадим. — Получается, что труп и крови на снегу не было, а убийство каждый вспоминает по-своему, лишь с некоторыми совпадениями. При этом кто-то неизвестный, похожий на Пуришкевича, несколько раз выстрелил в садике у дома. Для видимости и подтверждения установки гипноза. А какой-то английский наблюдатель, по приказу свыше, следил за этим цирком. Чтобы все прошло гладко.

— Да. Тем более что Распутин был раздет. Его шубу потом зачем-то надел поручик Сухотин и сделал вид, что старец покидает дом Юсупова. При этом его никто из посторонних не видел. Ни одного свидетеля с улицы или из соседнего дома не нашлось. Никто не смог внятно подтвердить тот факт, что Распутин вообще был в доме Юсупова и вечером или ночью уехал. Так, одни домыслы и смутные воспоминания.

— Может, Сухотин подстраховаться хотел?

— Может быть, а возможно, он все это и не делал. Он, как и остальные, увидел все это в своем сознании. При этом поручик, когда прошло время, убедительно доказывал, что уехал за город на автомобиле и сжег одежду старца.

— Из раздетого человека после трех выстрелов крови выходит много. Особенно если он в спину ранен. Ты же сам воевал — видел.

— Конечно, много. Да и вещи можно было сжечь в доме. Что, в те времена не было хотя бы одной печи в целом дворе? А вот послушай еще одно очень важное обстоятельство: когда нашли тело, то обнаружили сильное повреждение черепа. Это объяснили как падение с моста.

— Его сбросили с моста?— удивился Вадим.

— По некоторым документам, да.

— А зачем?

— Мне тоже это непонятно. Зачем труп сбрасывать с моста, а потом возвращаться к нему и топить в проруби? Не проще ли сразу отнести к проруби и утопить?

— Может, пьяные были или в шоке все это делали?

— Скорее всего, тело сбросили сразу в прорубь совсем другие люди, а перед этим жестоко избивали старца и сильно повредили голову—мозг. Ведь именно в нем была его сила. Если это происходило в доме Юсупова, то до такой степени люди высшего общества избить человека не могли. Там же были женщины! А после убийства явно увидели, что над телом издевались. Матрена, дочь Распутина, вспоминает: когда ее вызвали на опознание, то она увидела сильно помятый череп и висящий на одной нитке глаз. В любом случае, до такого садизма эти нетрадиционные интеллигенты не смогли бы опуститься.

— Да уж не скажи. Среди этих голубых знаешь какие разборки бывают?

— Знаю, но ты не путай сегодняшнюю молодежь и людей высшего общества, воспитанных лучшими учителями и гувернантками. Они могли опуститься в моральном плане, но стать кровожадными садистами—нет. Потом, сразу после убийства они отказывались, говорили, что ничего не было. Видимо, установка слабо легла, но уже через два месяца, примерно после сорокового дня со смерти старца, они стали каяться в содеянном. Очень мощный специалист поработал над их сознанием и, возможно, сделал это повторно.

— Кто теперь сможет доказать правду? Все давно умерли: и убийцы, и свидетели. Только непонятно, зачем его сожгли?

— Я же говорил, чтобы уничтожить его могилу, ведь она могла стать местом паломничества и очищения.

— Да, я тоже слышал, что на могилах святых люди исцеляются.

— Именно поэтому нужно было стереть личность и останки этого старца. Если бы люди стали ходить на его могилу, то, возможно, они бы избавились от массового гипноза, который привел страну к революции и гражданской войне.

— Мне Егор рассказывал, что цель у них великая, но при чем тут Распутин? Я так до конца понять и не могу. Объясни, а то я что-то запутался, — попросил друга Вадим.

— Старец Распутин оставил потомкам молитву, которая поможет вернуть царя.

— А зачем? Во многих странах нет никакого царя, и живут люди неплохо.

— Мы совсем другой народ. Нам без веры нельзя. А царь — наместник Бога на земле. Он связующее звено между Высшим миром и народом — между Богом и людьми. Сейчас эта связь нарушена, и, как ни странно, эти сектанты хотят восстановить ее.

— А где искать эту молитву?

— Не нужно ее искать. Вот она, — Дмитрий протянул листок Тарасову.

— А что же ты искал?

— Именно эту молитву. Ее Распутин закодировал, оставил текст с разными цифрами и сносками. Если все сложить правильно, то получится то, что ты держишь в руках. Я работал над расшифровкой, но другие люди сделали это до меня. Причем в разных вариантах. Чтобы понять, какая молитва истинная, нужно иметь нечто большее — невидимую связь с нереальным.

— И что, у тебя эта связь есть?

— Не знаю, но иногда я чувствую чье-то присутствие. Мне кажется, что молитва найдена. Я прочитал ее, и что-то внутри подсказало, что это именно она.

— Так почему же ее скрывают? Отдали бы людям, патриарху!

— Не все так просто. Кроме молитвы нужна икона.

— Теперь я понял, о какой иконе мне говорил Егор. Он сказал, что ты сможешь найти ее. Поэтому они перестали тебя преследовать и не стали препятствовать нашей встрече. Ты сам-то знаешь, что это за икона?

— Да. Это Знамение Божьей Матери. Новгородская икона. Ее подарила императрица Распутину. А фрейлина Вырубова привезла ее старцу в день смерти. Потом эту икону положили в гроб к Распутину, но прежде на ней написались все члены царской семьи.

— Значит, она особенная?

— Да. Видимо, в ней вся сила царской власти, которая должна перейти к будущему царю.

— Ты будешь ее искать?

— Конечно. Отец подсказал, что я найду ее после того, как увижу мозаику на старинной стене.

— Что это значит?

— Не знаю. Посмотрим. Возможно, увижу что-то, и оно подскажет мне, где искать эту икону.

— А что для этого нужно? Может, я чем помогу?

— Не знаю, может, и сможешь. Для того чтобы понять старца, нужно много прочитать, увидеть, кем он был и как жил. Что говорил и что советовал. Если ты поймешь, кем он был, возможно, тебе тоже откроются какие-то тайны.

— А я уже понял, что он был не таким человеком, как о нем все думают. Простой бы не смог дойти до царя, назначать министров, оставить послание и прозреть то, что случится со страной.

— Да, но многие этого не понимают.

— А кто настоящие убийцы Распутина?

— Я тут недавно нашел материалы о тайной организации. О ней почти ничего не известно. Один журналист написал об этом, но его книгу не приняли всерьез.

— Расскажи.

— В те времена в Европе якобы существовало тайное общество. Оно привело к власти большевиков и Гитлера, так как члены этого общества обладали особыми мистическими данными и могли воздействовать на человека. Кто

то догадывался, что такое возможно, знал о психическом воздействии на сознание, но таких людей было мало. Основное население — рабочие и крестьяне — были набожными и легко управляемыми. Брат стал убивать брата, другие верили в светлое будущее, что все будут равны, но этого не произошло. Всегда были и бедные, и богатые. Даже при советской власти партработники по своему статусу и уровню жизни отличались от рабочего класса.

— Это точно. Нам всегда головы дурили. Но если ты найдешь икону, что будет?

— Не знаю. Не мне это решать. Одни говорят, что еще рано, другие считают, что, если сейчас что-то не изменить, мы просто вымрем. Смертность в России очень высокая.

— Да, я слышал. По телевизору об этом открыто говорят.

— Говорят, но ничего не делают.

— Посмотри, светает, — Тарасов показал взглядом в окно.

Дверь в доме открылась, в комнату вошел Отец. Он посмотрел на Вадима и Дмитрия, подошел к столу и начал быстро собирать разложенные Подольским документы.

— Значит, убили Распутина люди из тайной организации, а все остальное инсценировали. Выходит, Феликс и все его сообщники ни при чем?

— А ты, Дмитрий, веришь, что Юсупов смог выстрелить в человека, который лечил его от недугов? — спросил Вадим.

— Зная Юсупова и его наклонности — нет. Читая его мемуары, сомневаешься, что они правдивы. Неся на себе «титул» убийцы Распутина, Феликс Феликсович был охраняем масонами, они помогли ему бежать из Петрограда — отблагодарили. К тому же следует понимать — Распутин приносил деньги: так, Юсупов подал в суд на американскую кинокомпанию, выпустившую фильм «Распутин и императрица». И выиграл! Ему все эти подозрения были только на руку. Он был и остался политиком.

— А ты не подумал, что это были за масоны такие? — спросил Отец.

— Догадался. Ответьте честно, это вы? Вы и есть тайная организация, у членов которой власть над государствами?

— Нет. Мы не масоны. Сейчас о масонах никто толком ничего не знает: кто остался, как они управляют людьми и какие у них цели. Разные слухи доходят. Я слышал от одного знающего профессора психологии, что во время войны Гитлер всех уничтожил. Он хотел остаться единственным. Возможно, у него это получилось, но вот профессор Кружев, твой друг покойный, утверждал, что в Европе началась новая волна, которую всколыхнуло тайное общество. Это единая Европа, одинаковые во всех странах деньги, все это якобы их рук дело. Кружев доказывал в узком кругу людей, что эта тайная организация готовит новое мощное государство, которое совсем скоро будет управлять миром. Но я в это не верю. На первом плане у людей деньги. Не найти сегодня такого человека, который за кусок хлеба и вонючую похлебку пойдет строить ДнепроГЭС. Раньше такого населения было почти пятьдесят процентов. Не только в России, но и в Европе. Новая волна эмигрантов, переселенцы, а главное, русские, бежавшие от советской власти. Всех их можно было объединить под мощным лозунгом. Они готовы были умереть за идею. Сегодня молодежь тоже рвется умереть красиво, но это всего лишь юношеский максимализм. Как только появляется в их рядах смерть, желание бороться до победы пропадает. А прогресс — он ведь не стоит на месте, тем не менее я не верю, что сейчас существует некая сила, управляющая миром. Сегодня Европа как сытый зверь, спит себе в кустах — никому ничего не надо. Недовольных, обиженных и злых людей у них практически не существует. Каждому заткнули рот сытным куском. Осталась Россия, но и мы, после того как пережили модный бум на экстрасенсов, опомнились. Еще несколько лет назад люди поголовно слушали Кашипироского, заряжали банки с водой у телевизора, но и это безумие кончилось. Возможно, пройдут годы, и появится новый целитель, который удивит всю страну. Но чтобы весь народ поддался массовой истерии — нет, время сейчас не то, да и люди крепче и умнее стали. Те, кто стоял

у истоков мировых заговоров, давно умерли, а последователи и ученики такой силой не обладают, хотя, возможно, небольшая группа тех, кто способен повлиять на события в мире, есть. Сейчас веру, знаковую, мистику и безумные идеи о лучшей жизни победили деньги. Зачем кому-то что-то отвоевывать, когда можно спокойно украсть и жить в светлом будущем? Или заработать, это тоже, кстати, за слуга, и к ней нужно относиться с уважением. А у нас не верят в честность. Считают каждого богатого вором и преступником. К сожалению, не у всех получается подняться на вершину жизни, но есть живые примеры наших сограждан, которые давно перестали думать о том, как заработать. У них другая болезнь — как потратить. Ну что, Дмитрий, понял что-нибудь?

— Понял. Правду о смерти Распутина мы, наверное, никогда не узнаем. Также как и то, кто стоял за этим убийством и кто именно убил его. Скажите, что означают сказанные вам слова об иконе?

— Это видение, а они меня никогда не обманывали. Увидишь старую стену, на ней мозаику, и все поймешь. Смотри только не ошибись в порыве чувств.

Старик подошел к сундуку, открыл его и достал три иконы Знамения Богородицы.

— Неволнуйся — это подделки. Тут и подписи, и все как положено, на вот, сам возьми потрогай.

Дмитрий взял в руки одну из икон, посмотрел на Богородицу, затем на старика.

— Ну что, чувствуешь силу, такую как у молитвы, когда ты ее первый раз читал?

— Нет.

— Вот тебе и ответ. Остальные такие же. Святую икону ты в руках держать не сможешь, но на всякий случай скажу еще: на ней в уголке мелким почерком, карандашом написаны несколько фамилий и дат. Это священник из Новгорода вписал имена людей, которых эта икона исцелила до того, как она переехала к императрице в Петербург. Надпись почти стерта, и на нее никто никогда не обращал внимания. А ты обрати!

— Понял. Спасибо!

— Если у тебя есть вопросы, спрашивай, а то будет поздно.

— Здесь сегодня что-то произойдет?

— Да.

— Я как-нибудь могу помешать этому?—нервно спросил Подольский и посмотрел на стоящего у стены Вадима. Тот оживился, но старик ответил им:

— Нет. Мы тебя крепко свяжем для видимости, а сами будем делать вид, что ничего не знаем. Сейчас соберутся все жители нашей деревни, и я проведу свое исцеление. Они забудут, что видели, что слышали и кого знали. Ты будешь здесь лежать связанным.

— Зачем?

— Узнаешь позже! Еще спасибо скажешь. Вадим со мной пойдет, а ты, Дима, оставайся. Для тебя теперь память—главное. И смотри не попадись на уловки Тьмы. Я вот тебе ладанку оставлю—она поможет.

Старик протянул Подольскому небольшую иконку. Дмитрий посмотрел на нее и увидел изображение Распутина с наследником престола Алексеем на руках. Самочинная икона. Реликвия секты. Григорий сам рисовал.

— Это святой мученик Григорий с царевичем Алексеем. Носи ее всегда с собой, а если что-то произойдет или встретишь кого из наших, покажи. На обратной стороне мои слова и подпись.

Дмитрий посмотрел и шепотом прочитал: «Благословляю и оберегаю. Отец».

— Спасибо.

— Береги ее. То, что сегодня произойдет, не беда. Знай, твоей вины в этом нет. Оно должно было произойти—пришло время.

— Можно еще один неразрешенный вопрос?

— Последний.

— Я читал, что во время гражданской войны Матрена, дочь Распутина, встретила в ставке у Врангеля человека, похожего на ее отца. Возможно, Распутин остался жив и умер где-нибудь в заточении, в тюрьме за границей, или

жил и продолжал свою миссию, но под другим именем? Ведь кто опознал после убийства труп Распутина? Дочь Матрена. Она была в шоке, а как девушка с нормальной психикой воспримет изувеченный труп отца? Возможно, она ошиблась?

— Нет. И ты сам знаешь ответ на этот вопрос. Убили именно Распутина. Положили ему икону в гроб, а потом сожгли в американской печи. В котельной Политехнического института. Версия о том, что его сожгли на глазах у людей на снегу, — это либо вымысел, либо очередной факт массового охмурения.

— Как в печи? Я читал, что машина сломалась, и поэтому его решили сжечь. Солдаты под командованием офицера вскрыли гроб, есть даже описание трупа, и палками, чтобы не притрагиваться, вытащили его на сложенные ветки и разожгли большой костер. Несколько сот мужиков ночью стояли и смотрели, как сжигают тело Божьего человека, мужика, который дошел до царя. Затем солдаты собрали пепел и закопали его.

— Нет. Это версия, официально придуманная Керенским. Вероятно, сожгли труп похожего бородатого полуразложившегося мужика. Нашли в морге похожее тело и устроили очередной спектакль. Никто ведь экспертизы не проводил. А вот документы, что Керенский лично подготовил котельную, единственное место, где можно было сжечь незаметно столь значимого человека, есть. Если бы сотни крестьян видели это, они бы все равно поставили на этом месте крест или хотя бы передали из уст в уста своим внукам, где именно сожгли Распутина. Но таких воспоминаний нет. Поверь, мы проверяли. Я даже специальную экспедицию отправлял. Сейчас есть место, где стоит крест у дороги, и многие утверждают, что это место сожжения старца, но мы проверили по-своему — нет, этот крест у дороги ничего не значит, и место указано неправильно. Понимаешь, нужно было в те времена действовать не так, возможно, лучше спрятать захоронение, но кто мог поверить в пророчества, которым еще суждено было сбыться? Только близкие и преданные люди, а они сделали все, что

смогли. Когда народ узнал, где похоронен Распутин — в небольшой, недостроенной царскосельской часовне, что строила Анна Вырубова — фрейлина императрицы, — это место уже тогда стало особенным, к нему стали приходить паломники. Такого в России никогда не было. Туда тайно приезжали простые люди и царская семья. Князья и даже революционеры.

— Значит, могила Распутина и его божественный дар могли и после смерти исцелять людей?

— Конечно. Поэтому новые демоны новой России и сожгли телостарца.

В комнату вошли Егор и Кум. Егор забрал все документы, иконы и ушел, а Кум достал веревку и спокойно спросил:

— Может, врезать пару раз?

— Нет, не надо, — строго сказал Отец. — Свяжи хорошо, чтобы никто не заподозрил, а ты, Дима, туда к столу в пыльный угол ляг, покрутись, чтобы погрязней выглядеть.

— У меня еще вопрос, — обратился к Отцу Дмитрий.

— Давай, но только один.

— Вы верите, что, если мы вернем царя, что-то изменится?

Отец минуту стоял молча. Пристально посмотрел в глаза Дмитрию и мягким душевным голосом ответил:

— Не изменится — все погибнет. Россия на краю страшной пропасти.

— Я не представляю, как люди поверят в это.

— Они почувствуют Благодать. Она прогонит из душ русских людей тьму, а вместе с ней и злобу. А когда все это уйдет, каждый захочет жить по-другому — не так, как он живет теперь.

Отец посмотрел на Кума, и тот понял, что пришло время связывать пленника. Старик посмотрел на Вадима и попросил его выйти на улицу. Подошел к Подольскому и, пока Кум связывал ему руки за спиной, тихо произнес:

— Тарасов уже сегодня ничего не вспомнит. Мы купили ему мастерскую. Пусть он в ней работает со своими друзьями

ми. Ничего ему больше не рассказывай и девушек с друзьями предупреди, чтобы пока молчали. В цеху, в кабинете за батареей Егор спрятал деньги. Вадим просил на квартиру Игорю, там на три хватит. Пусть живут с миром и нас лично не поминают. А когда придет час, мы напомним о себе.

— Зачем вам нужно было прожигать людей? Могли бы как-то по-другому найти решение. У вас ведь такая великая и святая цель.

— Нет, не могли. И ты сам скоро это поймешь. А главное, осознаешь, что злость и сила не всегда действуют во благо зла. Иногда они очищают мир от самих себя.

Дмитрий промолчал. Кум стал связывать ему ноги.

— Я постараюсь Вадиму все объяснить, — ответил Подольский старику.

— Да. Нотолько после того, как закончится следствие.

— Хорошо.

— Вот видишь, как я в тебе не ошибся, а ведь чуть не убил.

— Да уж! — возмущился Дмитрий. — Я в поезде встретил Второго. Кто он?

— Никто. У них ничего нет, и они никак не могут повлиять на события в стране. Я знаю, он меня называет безумцем, но я не обижаюсь. Мне жаль на него смотреть. Он научился хорошо говорить, но уже почти осознал, что прожил жизнь впустую и ничего не сделал. Его попытки и рывки — лишь конвульсии умирающего. Забудь о нем. Пусть они там в своем кружке на старости лет изучают историю. Кто им запретит это? Никто. Пусть тешат свои никчемные трусливые душонки. Только решительный и смелый человек достоин того, чтобы его голос услышали. А смелость, как любой вид энергии человека, имеет способность накапливаться. Только нужно хотеть этого и быть уверенным, что делаешь все правильно. Любые сомнения — это шаг назад. Вот ты попал на войну смелым парнем?

— Нет. Боялся каждого взрыва и выстрела. Дергался.

— А когда на дембель уходил?

— Страх пропал. Я в последние дни вообще обезумел. Тельняшку рвал, на пули бросался.

— А они облетали тебя?

— И меня, и Вадьку. Другие из домов не выходили, часы до поезда считали, боялись погибнуть в последнюю минуту. Обидно, конечно, страшно, но ребята скрывали свой страх.

— А ты его у них видел?

— Да, видел и жалел их.

— Ну вот. Значит, ты накопил на войне смелости и силы для жизни?

— Накопил.

— Вот и хорошо. Все, мне пора. Извини, что твою модную одежду испортили. Я пойду, люди ждут. А вот насчет убийцы ты не прав. В этом мире безумных и больных прощают, но не у нас. Он бы успокоился, а здесь еще причинит боль и своей матери, и людям.

— Посмотрим. Мне кажется, что даже больной понимает, что такое смерть. А если она смотрит в глаза, каждый цепляется за жизнь.

— Нет, он этого не понимает. Сам увидишь. Ну все, мне пора.

— Мы еще встретимся?

— Конечно. Будь уверен, — ответил Отец и, качнув на прощание головой, вышел из дома.

Кум аккуратно положил Дмитрия на пол, постоял, посмотрел на него, улыбнулся и ушел к остальным жителям деревни. На улице загалдели люди, затем наступила тишина. Ее лишь изредка нарушал монотонный спокойный голос Отца.

«Похоже, скоро что-то начнется, — подумал Дмитрий. — Все готовятся, а старик стирает людям воспоминания. Теперь ясно, почему все люди в этой деревне так счастливы — они не помнят своего прошлого. Понятно, почему полковник Седых не смог вытянуть из задержанных сектантов информацию. Отец, как и те, из тайной организации, обладает мощным гипнозом и управляет ими. Вот только непонятно, почему он не стер память убийцы детей. Хотя нет, он говорил, что пытался его лечить. Значит, не вышло, видимо, этот парень обречен убивать невинных. Все! Нужно успокоиться и расслабиться, чтобы руки и

ноги не сводило. Что же сегодня произойдет? Буду ждать худшего. Мне не привыкать!»

Ненужный штурм

Через час полковнику Седых сообщили, что все подразделения готовы к операции. Он приказал дежурному присматривать за друзьями Тарасова, а сам вышел из здания и сел в служебную «волгу».

— Ну что, все готовы? — спросил он у начальника милиции, который уже сидел в машине.

— Да. Все готовы к операции.

Неожиданно у Олега Михайловича зазвонил сотовый телефон. Услышав незнакомый голос, он спросил:

— С кем я говорю?

— Это губернатор Приморского края.

— Вы что-то хотели?

— Да, хотел. Я вас немедленно жду у себя в кабинете.

— Извините, но я сейчас занят. Давайте завтра.

— Нет, прямо сейчас. Я разговаривал с Москвой, и они, и мы недовольны тем, что вы затеяли. Приедете и объясните. В худшем случае я прикажу силовым структурам доставить вас.

Услышав резкий голос губернатора, полковник занервничал. Он попросил шофера остановиться. Посмотрел на начальника милиции и решил выйти из машины и поговорить по телефону без свидетелей.

— Вы знаете, что все свои действия я согласовал с Москвой? — раздраженно спросил Седых.

— Знаю, но над вашим начальством, которое дало добро, есть начальство и повыше, которое, оказывается, не в курсе того, что происходит в крае. Так вот, или вы немедленно приедете и все мне объясните, или я прекращу ваши действия и остановлю операцию.

— Хорошо, я скоро буду. Сейчас я в Уссурийске, через пару часов приеду.

— Буду ждать.

Полковник сел в машину и приказал начальнику милиции:

— Операция переносится. Я еду к губернатору края. Вы же держите всех жителей указанного населенного пункта в кольце, пока я не прибуду. Если кто-то попытается вырваться, задержать и доставить в отдел.

— Понятно.

— Давай, Коля, отвезем полковника к его машине и сразу во Владивосток, — обратился Седых к водителю.

Через десять минут он уже мчался по трассе во Владивосток. Прибыв в город, он почти бегом поднялся по лестнице в здание краевой администрации и без стука вошел в кабинет губернатора.

— Здравствуйте. Давайте сразу связь с Москвой, — с ходу попросил он.

— Пожалуйста! Вот линия.

Набрав номер, Олег Михайлович услышал голос генерала и без приветствий спросил:

— Почему меня местное руководство тормозит? Вы что, хотите сорвать результат многолетней работы?

— Успокойся, — ответил генерал Грибенко. — Ты там самодетельность прекрати! Нужно действовать совместно с краевыми подразделениями.

— Мне достаточно городских спецслужб.

— Нет, ты привлекай остальных, в том числе и морскую разведку.

— И все?

— Да.

— Я уже выехал на операцию, и если бы не странные угрозы губернатора, я бы уже все закончил. Но теперь я не гарантирую, что возьму тех, кого нужно. У них кругом свои. Трудно удержать информацию закрытой.

— Возьми себя в руки и продолжай, дай мне губернатора, я ему кое-что скажу. Я знаю, кому он звонил. Сейчас поставлю на место.

Седых передал губернатору трубку и стал наблюдать за ним. Тот сначала бодро ответил на приветствие, но затем помрачнел на глазах.

— Что, досталось?—спросил его Седых.

— Ну, вы знаете, я хотел, чтобы все было законно, — ответил губернатор. Он пригласил в кабинет начальника разведки Тихоокеанского флота и прокурора края.

— Давайте разберемся! Мы, между прочим, живем здесь и должны как-то следить за тем, что происходит в крае, — сразу же заявил моряк-полковник.

Прокурор Приморского края в знак поддержки одобрительно покачал головой.

— Я завтра или послезавтра приеду. Достану из архива дела на каждого из вас и обещаю, что зацеплюсь по полной, — прорычал Седых. Все умолкли, а он продолжил:

— Вылезете и не понимаете куда? Может, вы тоже связаны с сектантами, которые варварским методом убивают людей повсей стране?

— Нет, мы ничего не знаем.

— Вот, значит, как! Знают они обстановку в крае! Ничего вы не знаете! У вас под носом организованная секта преступников, у которых наркота на поток поставлена, а они тут в кабинете языками чешут!

— Мы тоже кое-что знаем...

— Вот именно, кое-что! Сидите здесь и не дергайтесь. Вы не смотрите на то, что я полковник. Я уже не раз и губернаторов с кресел выбрасывал, и генералы погоны свои теряли, а с военными, с разведкой у меня особые счеты. Вы думаете, что вы белая кость? Думаете, все вам можно? Для начала сделаем вид, что мы друг друга не видели. Если хоть слово или движение сделаете, я позволю напрямую президенту и предупрежу его о том, что вы мешаете мне в операции и делаете это умышленно. Даю слово, он мне отвяжет вас, а жалеть я вас не стану. Все понятно?

— Понятно, — ответил губернатор.

— Я вас не видел и не знаю!

— А что, дело на контроле у президента? — спросил прокурор края.

— Конечно, а вы как думали? Цепь преступлений от Москвы до самых до окраин тянется!

— Хорошо, мы не будем вам мешать, действуйте по своему усмотрению.

Полковник выскочил из кабинета и уже через минуту мчался обратно в Уссурийск.

— Темнеет, — неожиданно произнес водитель. — Пока доедем, ночь наступит.

— Вижу! — недовольно ответил Седых. — Придется операцию перенести на утро. Ночью в темноте опасно, можно и своих перепутать, и сектантов упустить. Особенно если перестрелка начнется. Зачем они меня остановили? Сначала звонок от одного из сектантов подождать до утра, теперь этот дурацкий вызов. Кому-то очень нужно выиграть время. Неужели этот губернатор со своими прихвостнями заодно? Неудивительно, что эта секта тут хозяйничает. Деньги, конечно, деньги. Они все тут одной ниточкой повязаны. Видать, лидеры секты послали им серьезную сумму, раз они решились вмешаться. Я тоже дурак, сразу поехал. Нужно было позвонить генералу, пусть он бы с ними разбирался, а теперь все, время потеряли. Будем надеяться, что никто не ушел. Хотя как на это можно рассчитывать? Если у сектантов губернатор на ошейнике, то простым сотрудникам милиции и ФСБ просто деваться некуда. Они, наверно, давно уже пропустили кого надо: и начальству угодили, и денег небось заработали...

— Да, конечно. Куда вас везти?

— К оцеплению. Я им спать не дам. Сам всю ночь следить за обстановкой буду и их заставлю, а утром всех, кто остался, возьмем.

Через два часа машина Седых остановилась около автобуса. Это был передвижной штаб. Полковник приказал парации менять посты каждый час и попросил принести ему термос с кофе.

Всю ночь он слушал доклады об обстановке. Но они его не радовали. В деревне ничего не происходило. Никто никуда не уезжал, все просто спали и не знали, что ждет их утром.

С первыми лучами солнца Седых приказал начать штурм. Первыми пошли БТРы к плантациям. Остальные

подразделения разобрались цепью и через двадцать минут вошли в деревню.

Всех удивило спокойствие жителей. Они, ничего не понимая, встречали людей в черных масках с оружием. Предлагали им попить утреннего молока и угощали домашней выпечкой. По рации полковнику доложили, что на плантациях мака и конопли никакой вооруженной охраны нет. Седых приказал сжечь все посевы и прибыть в деревню.

Бойцы почти мирно провожали жителей к автобусам. Женщины с детьми, старики и мужчины с шутками сидели в них и все время спрашивали, куда их повезут и в чем они провинились.

Полковник проверял каждый дом, сарай и погреб. Услышав по рации о задержании Отца, он побежал к бойцам, которые сделали это. Увидев старика, он обрадовался и приказал надеть на него наручники и посадить в его «волгу». Отец, словно безумный, смотрел все время в небо и не понимал, что с ним происходит. Один из омоновцев толкнул его в спину, и он упал лицом в грязь. Руками, скованными наручниками, вытер лицо и попытался встать, но поскользнулся и опять упал. Одни из милиционеров не выдержал и, ударив его ногой, заорал:

— Давай шевелись, сектант проклятый!

Старик сжался от боли и замер в грязи на дороге. В это время два милиционера вывели из дома мать преступника, которого судил Подольский. Женщина увидела, как милиционер ударил старика. Она не выдержала, оттолкнула ребят в масках и, вернувшись в дом, схватила охотничье ружье.

В это же время два сотрудника ФСБ нашли Подольского. Узнав об этом, к нему поспешил Седых. Он помог развязать его и, увидев следы от веревки, предложил, чтобы его отнесли в скорую. Но Дмитрий встал сам, подергал затекшими ногами и крепко пожал руку полковнику.

— Вовремя вы! Надо же, первый раз вижу, чтобы милиция вовремя приехала.

— Что они с тобой собирались сделать?

— Не знаю. Всю ночь здесь на полу провалялся. А вы не нашли Вадима? Где он?

— Около автобуса с детьми играет.

— Как играет?

— Вот так: выстругал свистульку и, как ополоумевший, сидит, улыбается.

— Отпустили бы вы его.

— Позже. Мне еще поговорить с ним надо. А это что?—увидев женщину с ружьем, закричал Седых. Он сорвался с места и перезарядил пистолет.

— Стойте! Она не опасная,—закричал ему вслед Дмитрий, но полковник уже не слышал его.

— Отпустите Отца! Не издевайтесь над стариком,—закричала женщина и направила ружье на милиционеров. Один из них вскинул автомат, прицелился и выстрелил. В тот же момент откуда-то из-за сарая выскочил ее сын-убийца. Он принял на себя пулю и, отшатнувшись назад, упал в объятия матери. Женщина бросила ружье и со слезами обняла падающего сына. К ней подскочили два милиционера, скрутили ее и надели наручники.

— Вот как все разрешилось,—тихо произнес Подольский и посмотрел на лежащего в грязи на дороге Отца. Он поймал взгляд старика и понял, что тот хотел сказать ему. Прав оказался судья Подольский, что-то человеческое в этом парне осталось. Он все-таки закрыл собою мать—спас ее от смерти. А за свои грехи теперь ответит не перед людьми, а перед Богом.

Дмитрий отвернулся, чтобы не видеть эту страшную картину. Мать рыдала, скованная наручниками. Над ней стояли два милиционера и не знали, что предпринять.

— В автобус ее, — крикнул им Седых. — Поехали, Дмитрий, расскажешь, что здесь было. Вроде всех упакovali.

Подольский подошел к одной из машин милиции и сел в нее. Через полчаса арестованных доставили в уссурийское отделение милиции и забили ими все КПЗ.

Полковник пригласил к себе Подольского.

— Ну, что расскажешь?

— Ничего особенного. Поехали с утра с Вадимом. Встретили джип. Егор сказал, давай заедем в одно место. Я согласился. А когда приехали в деревню, меня схватили и связали. Я так и лежал, пока вы не приехали.

— Понятно. А сам что об этом думаешь?

— Не понимаю, зачем вам мирные жители. Егора среди них нет, а остальные вряд ли что-то знают.

— Зато Отца взяли!

— Взяли больного человека. Он же невменяемый.

— Я все проверю. Уже врача вызвали. Даже если он псих, я найду, как его оформить в спецбольницу. А Егора мы возьмем. Я уже дал указание разослать ориентировки. Далеко он не уйдет. Ладно, ты давай езжай в нашу контору, я тебе машину дам. Забери там друзей Тарасова, и пока отдыхайте, будьте дома. Завтра я за тобой пришлю.

Вадим сел в служебную «волгу», забрал из здания ФСБ ребят с подругами и попросил всех их отвезти на квартиру к Рае.

Игорь сразу пошел за водкой. Юля и Катя поехали домой, а Олег лег спать на диване. Он сильно перенервничал и не мог ни пить, ни есть. К вечеру все немного успокоились. Подольский напиваться, как остальные, не стал. Всю ночь он думал о том, что произошло, и уже утром понял, что Седых никому ничего предъявить не сможет. Все они, в том числе и Вадим, ничего не помнили.

«Интересно, вспомнит ли он друзей? — думал он. — Даже если забудет, снова познакомимся. Мне бы вот так — раз, и все, что было в жизни ужасного, забыть. А убийца все-таки доказал, что он человек и мы не имеем права распоряжаться его жизнью. Всевышний все решил сам».

Утром ему позвонил Седых, и Дмитрий после завтрака отправился к нему. Олег и Игорь пошли в общежитие, а Рая еще раньше побежала в милицию передать Вадиму сигарет и узнать, как он там.

Подольский пришел в отделение милиции. В коридоре толпились люди, кричали дети, каждый хотел узнать, за что арестовали их родственников. Задержанных жителей пенсионного возраста, проживавших в деревне, было мно-

го. А их родни, проживающей в Уссурийске, пришло еще больше. Узнав у дежурного, где находится полковник Седых, Дмитрий пошел к нему в кабинет. Поднялся на второй этаж и увидел, что на стульях в коридоре сидят Кум, Вадим и Кукушка. Они не узнали Подольского. Он вошел в кабинет и, увидев недовольное лицо полковника, поздоровался и спросил:

— Как дела?

— Хуже не бывает.

— Что, переживаете о захвате деревни? Конечно, зачем было маски-шоу устраивать.

— А кто знал? Думали, что у них боевая группа. До этого плантации с автоматами охраняли. Да и сведения мы получали, что они в Чечне оружие закупают.

— Нашли оружие?

— Нашли, но в другом месте. В Хабаровске. Проблема в другом. Никто ничего не помнит. С задержанными происходит то же самое, что и в Москве. Все молчат, как закодированные.

— Правильно, их обработали гипнозом.

— Ты что-то знаешь? Точно, ты же в доме лежал, около которого вся деревня собралась. Слышал, о чем они говорили?

— Нет, но мне показалось, что их не просто так собирали. Мне кажется, им стирали память.

— Ты в этом уверен?

— Нет, но я слышал обрывки фраз. Кто-то читал людям лекцию, очень похожую на сеанс гипноза.

— Как меня эти экстрасенсы достали, — возмутился Седых. — Зови сюда Тарасова.

Дмитрий выглянул из кабинета и позвал Вадима. Мастер спокойно вошел в кабинет, сел на стул, посмотрел на Дмитрия и спросил:

— За что меня задержали?

— Ты делал ритуальное орудие убийства.

— Я? — удивился Вадим.

— Да, ты. Твои друзья это подтвердили.

— Не знаю, кто вам что наговорил, я вообще уже годнигде не работаю.

— Агдетыслужил?—решил проверить его Седых.

Вадим задумался.

— А этого человека знаешь?

Тарасов посмотрел на Дмитрия и ответил:

— Лицо знакомое, может, где и встречались.

— Понятно. Иди, ждид в коридоре.

Вадим вышел.

— Вот такая песня со всеми. Вызвал утром врачей, так они мне такого наговорили! Отец—типичный псих. А все жители говорят, что он мирно жил в домике, ковырялся в огороде и яблочным вареньем всех угощал. Больше ничего. Ты, кстати, кого-нибудь узнал?

Дмитрий не стал врать. Он понял, что от этих людей Олег Михайлович все равно ничего не добьется. Испокойно ответил:

— Узнал. Один из тех, что сидят в коридоре,—Кум. Он был водителем у Егора.

— Да. Это я знаю. Это все знают,—возмутился Седых.

— А второй—это Кукушка. Тот самый, что шил им костюмы.

— Да, и это я узнал. Хорошо шил, я долго ломал голову, откуда эти костюмы.

— Помните хозяйку из Хабаровска, у которой в комнате мы встречались?

— Ну!

— Это ее сын. Она его лет десять назад похоронила. Вот радость будет для матери. Он блаженный. Я его встретил перед тем, как меня связали. Кум его представил.

— Он что, и до гипноза был больным?

— Да, не от мира сего. Улыбался. Рубаха моя ему понравилась. Если разрешите, я доброе дело сделаю, отвезу его к матери.

— Конечно. Я их всех отпущу. Кроме старика и нескольких исполнителей. С ним еще поработаю.

— А вы их на детекторе лжи проверьте.

— Мне этот детектор не нужен. Я за столько лет работы в спецслужбе научился видеть, кто говорит правду, а кто врет. Вот ты, например, что-то темнишь, а они все как дети.

— Да есть у меня одна тема, о которой я боюсь даже говорить.

— Говори, не бойся.

— Ко мне в избу приходил Егор. Он дал прочитать молитву Распутина.

— И что?

— Они ее расшифровали.

— И что, это и есть тот самый код Распутина? Я просто потрясен примитивностью находки. На поиски кода потрачено столько сил, а это всего лишь молитва?

— Да. Это так.

— Жаль, что я потерял время. Не успел взять всех. Архив и документы исчезли вместе с этим Егором. А ты почему не звонил?

— У меня телефон сразу забрали, а потом в карман сунули. Я и не думал, что меня Вадим на второй день к ним в деревню вот так сразу отвезет.

— Никто не думал. Эти сектанты нас на шаг опережали. Кстати, я нашел у себя стукача. Помнишь, со мной человек был, когда я к тебе на дачу в Подмосковьё приехал?

— Помню.

— Это он. Я его на той книге, что у тебя взял, спалил. Он ее из архива очень хитро изъял. Подложил копию, но попался мне. Совершенно случайно в коридоре на Лубянке.

— Ну и что с ним?

— Рассказал мне об Отце, Егоре и всех остальных, а через два дня вот таким же стал. Жену не узнает.

— А есть еще один— Второй. Вы его знаете?

— Конечно. Типичный батюшка. Это не преступники. Они историки, ищут, как и ты, код. Я их всех знаю, они не опасны: наркотой не торгуют и людей штырями не прожигают.

— Но, говорят, они к власти рвутся?

— А кто сейчас не рвется?

— Это точно. Значит, ничего?

— Почему? Мы уничтожили огромные плантации наркотиков. У меня в руках самый главный. Пусть над ним

другие головы работают. Я свое дело сделал. Секту нашел и главаря арестовал. А то, что он дурака включил, — это уже не мое дело. Я теперь за Егором погоняюсь. Достану его, вот посмотришь.

— А что вам это даст? Станет он, как и все, молчаливым, и все.

— Ничего не станет. Егор не лидер. Он просто преступник, который умеет в тему говорить. Здесь другое главное: мы вчера свернули башку этой секте. Теперь некому руководить теми, кто остался. А Егора слушать не станут. Им нужны авторитеты покрупнее. Мы вчера показали людям, что государственная власть сильнее, чем всякие сектанты и авторитеты отмороженные. Я знаю точно, что без Отца никто не пойдет на преступление. Возможно, у них еще остались где-то плантации, но мы все найдем. Будем задерживать всех, кто имел отношение к секте. Я им просто кислород перекрою. А этого сумасшедшего буду держать под наблюдением. Без него секты нет. Они сами ничего не значат. Нет духовного лидера, а те, что остались, — лишь преступники. Скоро они сами себя перестреляют, когда деньги делить начнут. Сейчас ученые работают над теми, кто уже сидит у нас, скоро эту кодировку сознания с них снимут, и они заговорят. И этот Кум, и те, что в Крестах парятся. Главное, что они у нас в руках. А до архива и до списков их организации я доберусь. Это уже детали.

— Это точно! Власть вы показали. А ту женщину что, посадят?

— У которой сына убили?

— Да.

— Нет. Всех отпустят. И ее тоже. Она свое отсидела, тоже привлекалась потяжелым статьям: убийства, грабеж и даже рэкет. Раньше ее звали Таня-расческа. Умела, говорят, причесать. Но она нам не нужна, да и ничего особенного она не совершила. Выскочила с незарегистрированным ружьем, и все. Ружье изъяли, ее за хранение оштрафуют. А уж как она дальше жить будет — неизвестно. Я по своим материалам проверили и понял, что нас интересуют лишь несколько человек. Единственный, кого мы не взяли, это Егор, а осталь-

ные задержаны. Ведь одновременно с этой операцией во многих городах прошли аресты тех, кто, по нашим данным, был причастен к секте Разбитого креста. В основном судимые. Взяли две группы боевиков. Наемники!

— Одновременно во всех городах?

— Да. У них связь хорошая была. Если бы мы протянули, замешкались, остальные успели бы спрятаться, уйти в подполье. Так что можно ответственно заявить, что секта ликвидирована. Кстати, ты знаешь, кто сын этой женщины? Маньяк, трижды судимый. Последний раз за убийство ребенка, ему грозило пожизненное, но он сбежал. А может, эти сектанты выкупили или украли. В общем, не переживай, все чисто. А насчет молитвы ты меня удивил. Неужели у них есть раскодированный вариант?

— Да. Есть.

— Ты его запомнил?

— Ну так, узнать смогу.

— Это хорошо, может пригодиться, когда время придет. Запиши все, что помнишь, чтоб не забыть.

— Вы знаете, раньше я думал, что вы сами сотрудничаете с сектой.

— Ничего себе!

— Теперь-то нет, понимаю, что ошибался, но раньше был уверен. Никто, кроме вас, не знал о моих передвижениях.

— Знал. Я заместителя арестовал, а он в курсе всех событий был. Я ему доверял. Много лет работал с ним вместе, жаль, что он сломался. Жена больная, дочь учится, а тут столько денег предложили. Вот он и не выдержал. А ведь он в самом центре на контроле сидел, принимал всю информацию, в том числе и о тебе.

— Понятно.

— Ну ничего. Ты давай домой возвращайся. Дело профессора Кружева закрыто, а того, что в подъезде у него нашли, убил один из хабаровского отделения секты. Деньги не поделили. Сам хотел через день к Кружеву прийти и бумаги продать. Когда узнал, что он умер, пошел к антикварщикам, а они, сам понимаешь, с нами сотрудничают.

Мы его без проблем взяли и раскрутили. Успели, пока он не замолчал.

— А с теми убитыми, что на Гороховом нашли?

— С теми еще проще. В квартире убили членов группировки Арматурова. Еще двое — члены секты. Именно они их и кончили, а их — подоспевшие дружки авторитета. Сейчас этот бандит в депутаты пошел. Придраться не к чему. От всего отказывается. Представляешь, один из крупнейших химзаводов в Тульской области выкупил. В общем, бизнесмен, а дочка его в кино стала сниматься. Мне кто-то сказал, что она в фильме дочь авторитета играет. Вот так вот все и развязалось.

— Только я вам ничем не помог.

— Как же, а эти все? Мы не могли вычислить эту деревушку. Кто мог представить, что Отец — лидер, у которого в руках миллионы, — как крестьянин живет? Если бы мы всех остальных взяли, ничего бы не добились. Пришли бы адвокаты и всех отпустили бы. Этот Отец — очень опасный человек. Как паук, растянул паутину на всю страну. Ну ничего, мы его вылечим. Так что ты свое дело сделал на все сто процентов. Вывел на кого надо. Если хочешь, можешь забрать своего друга и этого Кукушку. Толку от них нет. Тарасова я прощаю, знаю, что ты за него просить станешь. Не буду его пытаться и раскодировать. Пусть живет. Попал парень в переделку, а мог бы и под статью загреметь. А сейчас что я могу предъявить ему — то, что он ковал железяки, о которых не помнит? Скажет на суде: делал, продавал, — и его оправдают.

— Да, это точно. Если сажать за то, что люди делают оружие, так это тюрем не хватит. Сначала посадите тех, кто охотничьи ножи делает, потом кто столовые — ими все бытовые преступления совершаются, а потом доберетесь до тех, кто топоры кует.

— Вот именно. Бред. Ладно, давай забирай своих и иди. Я дежурному позвоню. Поедешь домой, успокоишься, постарайся мне для дела отчет написать. Мне его подшить надо. Я же тебе командировку оформил. Оружие сдать в Москве не забудь. Кстати, где твой пистолет?

— У Раи на квартире в сумке лежит. Сегодня утром проверял.

— Ну, все, до встречи.

Дмитрий вышел из кабинета, посмотрел на Вадима и Кукушку и, улыбнувшись, сказал:

— Пошлидомой. А тебя, Вадим, у входа жена ждет.

— Жена? — удивился Тарасов. — Начальник, я же не женат.

— Женат, только пока не помнишь этого. Ударился головой сильно. Пощупай на затылке. Пару дней назад швы сняли.

Тарасов потрогал голову, удивился и молча пошел за Подольским. Дмитрий посмотрел на оставшегося у дверей кабинета Кума и подумал:

«Да. Ничего он от него не добьется».

Мозаика на старинной стене

Дмитрий вышел на улицу с Вадимом и Кукушкой. Заплаканная Рая подбежала и бросилась на шею Тарасову. Он немного попятился, посмотрел на Дмитрия, и тот кивком головы подтвердил, что это его жена.

— Как дети наши? Сильно переживают? — неожиданно спросил Вадим Раю. Та с удивленным видом посмотрела на него:

— Какие дети?

— У нас с тобой есть дети?

Рая потерянным взглядом посмотрела на Подольского, и он, не выдержав, рассмеялся. Кукушка тоже заулыбался. Рая сделала шаг назад, посмотрела, все поняла и сказала:

— Будут. Я жду ребенка.

Дмитрий отвел ее в сторону, поблагодарил за мудрое решение и объяснил, что Вадим второй раз ударился головой и ничего не помнит. Он попросил, чтобы девушка не напоминала ему о секте и предупредила остальных.

— Это не мудрое решение, — поправила Рая, — это так и есть, я действительно беременна.

— Я сказал, что его жена на улице ждет. Понимаешь? Ты жена! Он так обрадовался, что женат, я даже удивился.

— А про детей он сам спросил или вы подсказали?

— Сам. Наверное, он хочет иметь детей, а раньше сказать об этом стеснялся.

— Понятно. Я не верю, что он упал. Это, видать, менты его избили.

— Так синяков же нет.

— Они умеют без синяков бить, да так, что люди умирают.

Дмитрий промолчал. В это время к ним с недовольным видом подошел Вадим:

— Чего вы тут шепчетесь?

— Ничего, просто ей объясняю, где ты головой шаранулся.

— Да, посмотри, какие шрамы, — поддержал его Вадим и, наклонившись, показал девушке голову. — А как я сюда попал? В ментовку? — спросил он.

— Тебя допрашивали, чтобы узнать, кто по башке саданул.

— И кто?

— Сам. Пьяный на пол в мастерской упал.

— А я что, еще и работал где-то? В мастерской? Тот начальник в ментовке, у которого ты меня забрал, тоже что-то про мастерскую и какие-то железные штыри спрашивал.

— Ты директор и хозяин целого цеха.

— Я? — удивился Тарасов.

— Да.

— А печь и наковальня там есть?

— Конечно.

— Послушай, можно тебя на минутку? — обратился он к Дмитрию. Отвел его в сторону, осмотрелся, чтобы никто не слышал, и с хитрой улыбкой спросил:

— Как ее зовут?

— Кого?

— Мою жену.

— Рая.

— А тебя как зовут?

- Дмитрий.
  - А ты кто?
  - Твой брат.
  - У меня и брат есть?
  - Конечно. А еще друзья: Игорь и Олег. А их девушек зовут Юля и Катя.
  - А это кто с нами?
  - Это Кукушка. Тоже наш родственник.
  - Какой?
  - Не помню, то ли двоюродный, то ли троюродный. Он в Хабаровске живет. В гости приехал и вместе с тобой загремел.
  - Понятно. А имя как?
  - Понимаешь, он немногоне в себе.
  - Дурак, что ли?
  - Да. Большой. Поэтому на другие имена не реагирует и не отзывается. Его нужно к матери отвезти.
  - В Хабаровск?
  - А куда же еще?
  - Ладно, пошли. А мне водку можно?
  - Не более одной бутылки.
  - Отлично, а деньги у нас есть?
  - Как грязи.
  - Блин, вот я саданулся! Ничего не помню.
  - Это хорошо, зато новостей сколько.
  - Да уж, с новостями перегруз.
- Дмитрий и Вадим подошли к Рае.
- Ну что, в общагу или к вам? — спросил Подольский.
  - Конечно, к нам, — ответила девушка. — А этого куда? — она показала на Кукушку.
  - Как куда, это же мой брат двоюродный, он немного того, его к матери отвезти нужно. Я ж его здесь не брошу.
  - Брат? — удивилась Рая.
  - А ты думала, кто?
  - Ну хорошо, поехали к нам. Пообедаем. Сейчас машину поймаю.
  - Я сам поймаю, — перебил ее Подольский.

Через двадцать минут друзья оставили Кукушку дома, а сами отправились в магазин. Вадим не переставая расспрашивал Подольского о своей жизни. И тот многое ему напомнил, а кое-что придумал. Он решил, что Вадим заслужил лишь хорошие воспоминания. Плохие он и сам со временем вспомнит или услышит. А если и не вспомнит, то хуже от этого не будет.

На обед собрались все. Пока Вадим и Дмитрий ходили в магазин, Рая проинструктировала гостей, что можно говорить, а что нельзя. Ни Игорь, ни Олег не произносили ничего лишнего. Иногда заикались о чем-то, но, увидев злые глаза Раи, умолкали.

— Ты нам машину отдашь? — выпив несколько рюмок, спросил друга Игорь.

— Какую машину?

— Понятно, — с обидой опустил голову старый и верный товарищ.

— Конечно, отдаст. Ты сам меня просил напомнить, — вмешался Дмитрий.

— О чем? — удивился Тарасов.

— Ну как же. Ты себе джип взял, а свою старую машину решил своему заму отдать как служебную.

— Забирай, раз обещал, — спокойно сказал Вадим. — А где мой джип?

— За ним в деревню ехать нужно. Или нет, я сейчас узнаю, позвоню. Может, его забрали?

Дмитрий набрал телефон полковника и узнал, что машина Тарасова осталась в деревне. Кроме того, Седых сообщил, что эта машина принадлежит по документам местному авторитету, но его и еще несколько человек несколько дней назад убили. Тарасова спасло то, что за ним следили постоянно. Джип у него появился до этого убийства, и все решили, что он ни при чем, просто купил известную всем машину. Тем более что бывший хозяин не заявлял об угоне, а отобрать у него что-то было нереально. Ни милиция, ни местные авторитеты не поверили бы в это. Вадим попросил полковника отвезти их к машине, так как дорогу никто из них не помнил. Седых пообещал утром прислать служебную «волгу».

После обеда Катя отвезла Дмитрия, Игоря и Вадима в мастерскую. В сейфе Подольский нашел документы на право собственности на помещение, землю и закупленное оборудование. Армен со страху, а может, и за деньги, все переписал на Тарасова.

Когда все ушли в цех, Подольский остался в кабинете и нашел оставленные за батареей деньги. Положил их в пакет и попросил всех собраться. Он решил взять ситуацию в свои руки. Вадим ничего не помнил, Олег был слишком спокойным, а Игорю он с первого дня не доверял. Показалось ему, что именно этот невзрачный человечек сбивает сильного Вадима с правильного пути.

— Значит, так. Комната в общежитии теперь принадлежит Олегу. Он, как специалист, главный мастер в этом предприятии. Так? — спросил он.

— Ну, — протянул Игорь. Вадим промолчал.

— Ты, Игорек, хотел квартиру?

— Хотел.

— Давай ищи. Завтра по цене определимся, на какую потянем.

— А что это ты раскомандовался? Сами решим, что мне нужно!

— Я тебе объяснять ничего не стану. Знаешь пословицу: меньше знаешь — крепче спишь. Но кое-что скажу. Вот документы, по ним мастерская принадлежит Вадиму. Олег единственный, кто умеет работать. Правильно я говорю? У тебя кроме дружбы, о которой братан не помнит, ничего нет. Хочешь — попроси у него, подружись по новой.

— Вадь, чего он лепит?

— А ты кто такой? Почему на моего брата наезжаешь? — ответил Тарасов.

Игорь присел у стенки на стул.

— Да, видать, некисло тебе башку обработали. Ты что, ничего не помнишь? Как мы отбивались, как я из-за тебя задницу рвал?

— И что ты сделал?

— Да ладно, успокойся! Одни понты. И раньше так было, и теперь начал цену набивать. Только теперь я скажу:

все косяки из-за тебя, — заявил охмелевший Олег. После того как освободили Вадима, он стал уверенным и слегка охмелел.

— Ты что рот открываешь? — вскипел Игорь.

— Утомонись, я еще вспомню, как ты за меня стоял. Если наврал, значит, до свиданья! И машину я пока тебе не дам, пока все не выясню. Хочешь — сам расскажи, но учти, я все равно вспомню, — пообещал Вадим.

— Вспомнит, не беспокойся, — подтвердил Подольский. — С ним такое после контузии было. Ничего, через месяц оклемался.

— Хорошо. Я так, понты гоняю. На Егора наезжал, думал, он тебя по голове, а оказалось, ты сам вот здесь грохнулся. Ну а с остальным, конечно, я не при делах. Просто мы с тобой в общаге как два брата три года жили. Хлеб, одежда, все поровну, — с сожалением произнес Игорь. — Если мне плохо, ты выручаешь, если ты утром с похмелья встать не можешь, я пузырь ищу. И тот раз у цыганки бутылку отобрал, потому что ты, как светофор, мигать начал: тосиний, то красный, то зеленый. В общем, жили — не тужили.

— Успокойся! Рассопливился, — пожалел его Тарасов. — Все я помню. Держи краба. Машину отдам, не переживай, и с хатой вопрос решим. Я же, видишь, проснулся недавно крутым!

Игорь пожал Вадиму руку и, посмотрев на Подольского, спросил:

— А что ты там про квартиру говорил?

— Не жирно тебе будет и квартиру, и машину?

— А я квартиру в долг. Вадька сам говорил, что Егор ему обещал. Сказал, что за год я ее отработаю.

— Хорошо, посмотрим, как ты ее отработаешь. Если бухать будешь, все ведь потеряешь.

— Нет. Я теперь начальник службы безопасности этого предприятия. Да, Вадь? Олег работяг найдет, научит их чего-нибудь делать, а я буду следить, чтобы никто не наезжал.

— Нет, ты будешь заниматься реализацией. Договариваться с магазинами, — предложил Дмитрий.

— Ладно, — согласился Игорь. — А что вы делать будете?

— Полки, вешалки, подсвечники, можно даже с бронзой работать, — ответил Олег. — Я много чего умею.

— А людей где найдешь?

— Только свистни. Завтра мои дядья и братья из деревни приедут. Они еще лучше меня лить и ковать умеют. Без работы сидят. А у меня теперь все: и комната, и мастерская, и должность начальника. Я дядю Толю зачморю!

— Какого дядю Толю? — удивился Игорь.

— Да это мой дядька родной. Мастер от Бога, но вредный — ужас. Его жаба задушит, когда он узнает, что я начальник.

— Так, может, не приедет? Не согласится с тобой работать из принципа? — спросил Игорь.

— Его жена заставит. Такая же стерва. Когда остальные деньги домой привезут, она согнет его в три погибели и в пинки прогонит. Нет, он поворчит, но поедет, а я уж его заставлю хорошие вещи делать!

— Ладно, с этим разобрались. Завтра, Олег, начинай здесь хозяйничать, а ты, Вадим, с документами разберись и бухгалтера найди, — предложил Подольский.

— А мне как? Квартиру искать? — выкрикнул уже в дверях Игорь.

— Ищи.

— Ништяк! Братан, ты настоящая акула с зубами в сто рядов. С тобой не поспоришь.

Закрыв мастерскую, друзья вернулись на квартиру Раи. Их закрыли на кухне и сказали, что скоро пригласят в зал. Дело в том, что, пока они ездили в мастерскую, Кукушка увидел у Раи журнал мод. Он, не задумываясь о последствиях, опрометчиво заявил, что может сшить лучше, чем увидел там. Эти слова потрясли всех. Ему тут же вручили швейную машинку, нашли материал, и застоявшаяся на костюмах душа тюремного модельера — оторвалась. Он шил одно платье за другим. Тут же примеряли их на девчонках и без ошибок выводил любые лекала. Рая, Юлия и Катя были в шоке. За три часа, пока ребята отсутствовали, он каж-

дой сшил по три платья. Все запасы материала Раи пошли в ход. Пригодились и старые платья, и даже сношенные джинсы.

Торжественно открыв дверь, Рая пригласила ребят в зал. Девчонки крутились, ходили, как модели, и бегали в спальню переодеваться. Кукушка стал им роднее родного. Рая вообще не хотела отпускать его, но Подольский позже настоял на своем. Он не стал рассказывать девушке подробности, а просто намекнул, что она не должна вмешиваться в то, что происходит.

На следующий день Вадим и Дмитрий съездили в деревню и забрали джип. Некоторые жители уже вернулись в деревню и заново открывали для себя этот мир. Кто-то искал свой дом, а некоторые ходили по улице и спрашивали у приехавших из города родственников, где их жилища. Как выяснилось, многие из городских уже видели подобное и спокойно отнеслись к массовой потере памяти.

Подольский погостил у Вадима и Раи еще неделю. За это время цех начал работать. Дмитрий отдал деньги Вадиму, и тот купил два частных дома. В одном поселился Игорь со своей девушкой, в другом — приехавшие родственники Олега вместе с ним. Комната в общежитии осталась свободной, на случай, если кого-то еще придется поселить.

Цех сразу заработал хорошо. Первые изготовленные вещи — шалки и полки, оформленные кружевами из железа, заказали несколько магазинов. Рая ушла с работы и стала вести бухгалтерию в их новой фирме.

Провожали Подольского все: и друзья, и местные работники ФСБ, и даже «авторитет» приехали посмотреть на московского корреспондента. Вадим поехал с ним до Хабаровска. Дмитрий, как и предполагал, увидел на вокзале мать Кукушки. Она, как и прежде, сдавала комнату. Он отвел ее домой, объяснил, что случайно нашел парня, который, возможно, ее сын. Женщина, увидев Кукушку, сразу узнала его. Правда, пришлось вызывать скорую. Ей сделали укол, и уже через час она почувствовала себя лучше.

Вадим и Дмитрий устроили праздник. Немного выпили и оставили ей небольшую сумму. Кукушка словно про-

снулся. Увидев мать, он тоже узнал ее и всю ночь о чем-то говорил с ней на кухне. Утром счастливая хозяйка сказала, что двери ее дома всегда будут открыты для них.

Код России

На следующий день Вадима проводили в Хабаровск, а Дмитрий позже сел на поезд до Москвы. Сутки спал. На вторые попытался посмотреть документы, но понял, что искать нечего. Он по памяти записал молитву Распутина. За один день он сверил все сноски и убедился, что она расшифрована верно. Случайно среди документов нашел полусгоревший листок с адресом отца Владимира. На одной из станций отправил ему письмо с переписанной молитвой и своим московским адресом.

Приехав в Москву, он решил отыскать следы новгородской иконы Знамения Богородицы. Для этого он созвонился с полковником Седых и попросил помочь ему получить допуск к архивам ФСБ. Составил для него подробный отчет и сдал оружие.

Через неделю Дмитрий вернулся к основной работе. Материал для газеты о секте он пока отложил. Взял новую тему оборотнях в погонах и решил написать об этом статью.

Жизнь вернулась в нормальный, привычный ритм. Единственное, что оставалось неразгаданной тайной, — икона.

В один из выходных дней он случайно встретил в городе знакомого опера Василия Ивановича.

— Привет, корреспондент! — услышал Дмитрий знакомый голос. Он вышел из машины и, узнав оперативника, ответил:

— Здравствуйте!

— Куда пропал?

— В командировке был. А вы что, меня искали? — с волнением спросил Подольский, думая, что его ищут по делу Кружева.

— Да, искал. Хотел сообщить о профессоре.

— Что, нашли убийцу?
— Нет, он сам умер. Сердце. Никакого яда не было.
— А пена откуда взялась?
— Эксперты сказали, что такое бывает. Прихватило человека, а он в это время пил. Судороги в теле, от них коньяк мог попасть в легкие.

— Понятно. А тот, кого в подъезде убили?
— Нашли убийцу, — подтвердил оперативник сказанные полковником Седых в Уссурийске слова. — Они какие-то бумаги старые не поделили. Кстати, шел он к профессору и хотел продать, но не успел.

— Понятно. Ну ладно, я пойду.
— Над чем сейчас работаешь?
— Да вот попросили написать об оборотнях в погонах. У вас в отделении нет таких? — улыбаясь, спросил Подольский.

Василий Иванович помрачнел:

— Есть, замначальника арестовали. Но я с ним пятнадцать лет проработал. Если он — оборотень, то и все милиционеры остальные тоже. Честный человек. Сколько раз мог такие деньги поднять, но ни разу не сорвался. Поверь мне, я его друг.

— А что, давайте сделаем статью, что под эту шумиху нормальных порядочных людей убирают. Чтобы они не мешали.

Оперативник повеселел:

— А почему бы и нет?
— Тогда давайте завтра приезжайте ко мне на дачу, мы с вами поговорим об этом.
— Хорошо, приеду.
— А если документы какие найдете, вообще прекрасно будет. За что его?

— Да машину ему банкиры подарили. На ней весь отдел ездил, а они, сдуру не посоветовавшись, на него ее оформили.

— Сами, без спросу?
— Нет, они предложили, а он как-то невнятно ответил, что машину для отдела возьмет.

— Ну а бизнесмены как?

— Если это колхозное, значит, ничье. Оформили на него. А мы на ней два месяца без документов на оперативные задания ездили. Разбили всю, никто ведь не знал, что она собственность начальника.

— Ну что, тема интересная. Можно в противоход к фабрикованному делу ударную статью написать. Вы, главное, его личное дело захватите.

— Конечно. Обязательно. Если надо, всем отделом подпишемся.

— Хорошо, завтра на даче решим, как нам быть.

— До свиданья, господин Подольский, — попрощался повеселевший оперативник.

— До завтра!

Василий Иванович ушел, а Подольский решил пройтись по Арбату. На улице стояла жара. Он расстегнул несколько верхних пуговиц на рубашке и медленно побрел по улице. На душе у него было легко: он был рад, что с достоинством вышел из непростой ситуации, помог другу и многое узнал.

Дмитрий остановился около ресторана «Прага», посмотрел на обкуренных музыкантов, кинул им в раскрытый футляр десятку и решил перейти на другую сторону улицы. Купил мороженое и медленно пошел к Дому книги.

Неожиданно его охватило знакомое чувство тревоги. Дмитрий остановился, осмотрелся, не понимая, что происходит. Медленно пошел вперед и почувствовал, как нечто потустороннее тянет его к небольшой церквушке. Он подошел к ней со стороны Дома книги. Церковь находилась на некотором возвышении, к ней вели ступеньки. Он поднялся, перекрестился и решил обойти церквушку вокруг. Сделал несколько шагов и вдруг увидел на старой стене, построенной в середине семнадцатого века, икону, собранную из мозаики. Его словно ударило током. В глазах потемнело, Дмитрий, качаясь, подошел ближе и потрогал рукой мозаику. Это была та самая икона Знамения Богородицы. Он спустился вниз и, закурив, сел на небольшой парапет возле Дома книги.

В голове было мутно. Он не мог сосредоточиться.

Подольский решил не идти за оставленной в переулке машиной, а, поймав такси, срочно поехал домой.

Всю ночь он думал, вспоминал, читал какие-то книги и уже в пять часов утра поехал на первой электричке в центр. Дмитрий решил, что он просто расслабился и икона померещилась ему. Но когда он снова вышел на Новый Арбат, то издалека увидел, что мозаика на старинной стене та же самая.

Подольский заранее приготовил бумажку с телефоном, который в деревне ему дал Отец. Он вспомнил, как тот говорил: «Главное — найди стену с мозаикой!», и вот все то, что казалось лишь бредом сумасшедшего человека, подтвердилось. Стена, мозаика, икона, а главное — то состояние, которое в последнее время ни разу не обмануло его.

«Что ж, — подумал он. — Они помогли мне с молитвой, а я расскажу им, где находится стена с мозаикой». Дмитрий набрал номер и, услышав голос Егора, очень удивился:

— Здравствуйте, это вы?

— Да, это я. У тебя что-то важное? Я надеюсь, ты звонишь сам, без всякого контроля?

— Конечно, не волнуйтесь. Вы видели, что стало с Отцом?

— Да, видел, но ты не переживай. Он хорошо умеет управлять собственным сознанием. Говори, что у тебя?

— Я нашел старинную стену с мозаикой.

— Где? — закричал в трубку Егор.

— В Москве, на Новом Арбате есть церковь Симеона Столпника. Если вы к ней подойдете, то сами все увидите.

— Что на мозаике?

— Знамение Богородицы.

— Молодец, Дима. Не зря Отец поверил в тебя. Ты и субийцей оказался прав, и мозаику нашел. Но теперь расслабься. Иконы там нет! Она у меня и никому не достанется!

— Почему, собственно?

— Я сожгу ее. Слишком много разных темных людей под личиной исследователей и искателей истины скрываются. Может, мы с законом и не ладим, наркотой тьму отравляем и убиваем без суда, но у нас цель настоящая. Мы

хотим спасти не только себя, но и всю Россию. Не нужно, чтобы эта икона попала в чужие грязные руки.

Из трубки — короткие гудки. Подольский подошел к мозаике и долго смотрел на нее, пытаясь что-то понять.

«Все! Я чувствую — точка! Моя миссия закончена — в душе пустота. Не знаю, правильно ли я поступил, что рассказал людям из секты Разбитого креста, где находится стена с мозаикой... Возможно, им нужно было, чтобы я прошел путь, который они сами давно прошли. Возможно, это их обряд посвящения».

Дмитрий еще раз, как бы прощаясь, посмотрел на Знамение Богородицы, выложенное мозаикой на старинной стене, и медленно побрел к машине. Сел в нее и поехал на дачу ждать, когда к нему приедет оперативник с материалами для статьи.

Подъезжая к своему дачному домику, он узнал знакомую «волгу». Полковник Седых ждал его в машине. Дмитрий приблизился.

— Неужели я еще зачем-то вам понадобился?

— Да. Пошли в дом, поговорим.

Они вошли в комнату, и полковник сразу перешел к делу.

— Ты молитву восстановил?

Подольский замешкался с ответом, но все же выдавил из себя:

— Не совсем.

— Да не волнуйся ты, не думай, что я все испорчу. Неужели ты до сих пор не понял, что я тоже верующий человек? Хочу, как и многие, восстановить нарушенный порядок в стране, по-честному, без использования связей и власти.

— Икона у Егора, и он обещал сжечь ее, чтобы она никому не досталась, — с сожалением признался Дмитрий.

— Он блефует, и то, что ты нашел старинную стену с мозаикой, не поможет ему.

— Почему?

— При обыске мы нашли архив секты, там есть несколько вариантов этой и несколько других молитв. Да и

иконы там тоже были. Причем разные. Мы уже почти всех арестовали и многое знаем.

— Но Егор на свободе!

— Мы перекрыли ему кислород. Знаем все его адреса и счета. К церкви, если там что-то есть, он тоже подойти не сможет. Он остался один. Его сообщники и исполнители арестованы. Все группы ликвидации и защиты тоже, и если икона сейчас у него, мы заберем ее и отдадим в патриархию честно, по совести. Знающие люди — священники отнесутся к этой святыне с достоинством.

— Хорошо, если все вот так сложится.

— А по-другому и быть не может.

После этого Дмитрий и Олег Михайлович зашли в дом и решили скромно отпраздновать завершение драматических событий последнего времени. Но уже глубоко за полночь, когда они бурно обсуждали, насколько значимым для страны является тайное послание Распутина, заметно захмелевший Седых вдруг заговорил о другом.

Дмитрий тоже почувствовал, что слегка пьянеет. Он посмотрел на Олега Михайловича и, усмехаясь, поинтересовался:

— Да, непростое дело вы раскрутили. Да и я рисковал. Если бы что-то пошло не так, я бы мог попасть в руки сектантов. А они очень безжалостные и жестокие люди с явно нарушенной психикой.

— Я знал, что ты не испугаешься. У таких ребят, как ты, на войне весь страх кончился.

— Да уж. Жизнь пошла... Наверное, при царе, когда люди ценили честь, все было бы по-другому?

— Ты считаешь, что люди стали хуже? А разве убийство Распутина выполнено в белых перчатках? Ты вспомни, как образованные, из высшего света щеголи издевались над человеком, который не хотел умирать. Он боролся за жизнь. А они забыли о воспитании, которым так гордились, и о чистоте, которую противопоставляли его грязи. Расстреляли старика исподтишка, сбросили с моста, а потом в прорубь, чтобы уж наверняка. Убивали — и боялись его. Их страх к этому человеку пробудил жесто-

кость. Но самое страшное, что убийцы были счастливы и гордились тем, что сделали. Вот ты читал документы на диске Кружева. Видел материал о том, как убивали царскую семью?

— Действительно, какие-то совершенно неизвестные миру подробности.

— Жестокое и страшное убийство. Уж поверь мне, я много всяких смертей видел, а эту даже представить не могу. Что-то звериное — дикое!

Дмитрий отставил бутылку в сторону и пристально посмотрел в лицо полковника.

— Когда царскую семью привезли в Екатеринбург, — продолжил Олег Михайлович, — их поселили в доме купца Ипатьева: отдали им весь второй этаж. А в это время в Поволжье вспыхнул чехословацкий мятеж. Чехи слишком быстро шли к Екатеринбургу. Поэтому Уральский совет получил указание из Москвы. По одной версии, им предложили самим решить судьбу царской семьи, но есть материалы, что Ленин лично приказал не оставлять царя в живых.

— Я тоже где-то читал, что Ленин боялся того, что вокруг Николая II соберется целая армия тех, кто готов пожертвовать собой ради помазанника Божьего.

— Слушай дальше. Чекист Юровский сказал царю, что Уральский совет постановил увезти царскую семью, так как мятежники продолжают наступать. Позже некоторые из участников расстрела — те самые чекисты — попали в плен к белогвардейцам, и именно с их слов была восстановлена картина казни.

— Мне кажется, что Уральский совет вряд ли осмелился бы взять на себя такую ответственность, — предположил Подольский.

— Возможно, чекисты просто испугались, что не смогут удержать царскую семью, а их за это не простят и сочтут слабость охраны — предательством.

— Если бы царя освободили, их бы самих расстреляли. Это понятно! Все они об этом знали, — согласился Подольский.

— 16 июля 1918 года Юровский раздал чекистам двенадцать револьверов и объявил своим подчиненным, что царя и всех остальных нужно расстрелять сегодня. Их подняли ночью и приказали спуститься в полуподвальное помещение. Николай II нес на руках Алексея, его дочь Анастасия, совсем девочка, несла на руках собачку Джимми. Доктор Боткин, да-да, тот самый, чье имя сейчас носит детская больница в Москве, лакей Труш, повар Харитонов и комнатная девушка Демидова, которая помогала императрице переодеваться, поверили и спокойно пошли в это полуподвальное помещение. Юровский попросил подождать, пока за ними приедут автомобили. Император потребовал стулья для сына и жены. Юровский выполнил эту просьбу. Вроде бы все спокойно, бояться нечего.

Когда все собрались, Юровский ушел, а потом вернулся с отрядом чекистов. Он спокойно объявил: «Ввиду того, что ваши родственники продолжают наступать на Советскую Россию, Уралисполком постановил расстрелять вас».

Подольский протрезвел. Он увидел вспыхнувшие злостью глаза полковника. Резко отвернулся, чтобы дослушать до конца историю кровавого расстрела царской семьи.

— Николай II рукой придерживал царевича Алексея. Он только и успел сказать: «Что?» — а Юровский хладнокровно выстрелил ему в голову. По этому сигналу все остальные открыли огонь. Александра Федоровна, Ольга, Татьяна и Мария были убиты на месте, а Боткин, повар Харитонов и лакей Труш были смертельно ранены. Комнатная Демидова осталась стоять на ногах. Она, раненая, стала с криками метаться по этой полуподвальной комнате. Я не представляю, сколько жестокости проснулось у чекистов к невинной девушке, но, когда она умерла, на ее теле было более тридцати колотых штыком ран.

— Ничего себе звери! — возмутился Подольский.

— А ты говоришь — жестокость? Она всегда в людях есть! И очень страшно, когда она просыпается и выходит наружу. Представляешь, бедной собаке Джимми размозжили голову прикладом, а Юровский перезарядил писто-

лет и дважды выстрелил мальчику — ребенку — царевичу Алексею в ухо. Когда раненая Анастасия очнулась, на нее всей сворой набросились убийцы и тоже закололи штыками. Мало того, возможно, уже мертвую ее добивали прикладами.

— Да, действительно озверели, — проскрипел зубами Подольский. — Для нас это хороший урок.

— Может, урок, а может, позор, о котором забывать не стоит, — добавил Седых и, налив в рюмку, одним глотком выпил ее содержимое.

Журналист взял бутылку и вновь наполнил рюмки. Он посмотрел в глаза полковника и понял, что пока на земле русской есть такие люди, как он, все остальные, за исключением преступников, могут спать спокойно. Дмитрий для себя решил, что самого начала не ошибся в этом человеке, и не пожалел о том, что когда-то доверился ему.

— А откуда у Кружева такое детальное описание убийства царской семьи, будто он сам присутствовал?

— Не он, — ухмыльнулся полковник. — А она. Только не удивляйся. Помнишь, я говорил, что вел свое расследование. Я много интересного раскопал. Например, после смерти Распутина Александра Федоровна приблизила к себе его дочь Варвару. Газетные сплетни навели на мысль. Она также была в Екатеринбурге с царской семьей и чудом спаслась. После расстрела царской семьи Варвара обо всем рассказала своему брату Дмитрию, который записал все ее слова. Так вот, твой тезка впоследствии создал организацию хранителей пророчеств и посланий Распутина. Кстати, Кружев — один из потомков тайных хранителей. Он занимался тем, что возвращал документы и реликвии. Особенно те, которые были потеряны в Ленинграде во время блокады.

Приморская секта — это новые люди. Единственный, кто был из них старым и потомственным хранителем, — Отец. Внутренние разногласия, жажда власти в свое время раскололи их. Он создал свою епархию, а все остальные продолжали хранить и ждать, как они сами говорили, лучших времен. Отец стал искать потомков тех первых последова-

телей Распутина, которые в свое время были членами его кружка. Он давал им задание, проверяя, достоин человек или нет. Тем самым Отец хотел собрать истинных хранителей. Тех, в ком сохранилась сила Распутина.

— А как вы думаете, икона действительно у Егора?

— Не знаю. Я не думаю, что они заставили тебя искать ее, потому что ты избранный. Нет. Ты, как и многие другие, прошел проверку. Но я уверен, что очень скоро мы все раскопаем и икону найдем. Кстати, твой Егор имел свои планы. При обыске его квартиры мы нашли родовое древо предков. Не поверишь, с кого оно начинается!

— С кого?— с удивлением спросил Подольский.

— С какого-то кучера, который служил при царской семье.

— С кучера!— воскликнул Дмитрий.

— Да, а что, тебе это что-то говорит?

— Конечно! Вырубова в своих воспоминаниях указывала на кучера, который присутствовал, когда икону с подписями царской семьи положили в гроб Распутина. Она пишет, что этот кучер не понравился ей. А после того как тело старца осквернили, икона исчезла. Возможно, этот кучер навел чекистов на мысль раскопать могилу Распутина, чтобы самому втихую завладеть иконой.

— Вот оно в чем дело!— усмехнулся Седых.— Значит, правда Егор мутил в этой секте что-то свое. Видимо, эта икона, за которой все гоняются, — их семейная реликвия. Все эти рассказы про молитву к иконе — пустота. Икона сама по себе, молитва сама по себе.

— Вот все встало на свои места, — согласился Дмитрий.— Естественно, он ее сохранит — семейная ценность. Все-таки каков был точный текст молитвы, которой Распутин лечил цесаревича?

— Это никто не знает.

— Знает! — неожиданно раздался голос Егора из кухни. Он вышел в комнату, наставляя на Подольского и Седых пистолет, и, указывая на Дмитрия, сказал: — Он знает.

Подвыпившие собеседники не сразу поняли, в чем дело. Полковник усмехнулся, а Дмитрий, выпучив глаза, спросил:

— Неужели ты думаешь один с нами справиться? Не забыл, что я воевал, а он вообще...

— Не забыл, — процедил сквозь зубы Егор. — Отдайте мне молитву, и я уйду, а не то буду долго и болезненно расстреливать вас.

Дмитрий заметил, как Седых подмигнул ему, дернулся к бумагам, что лежали в шкафу. Егор среагировал на него и отвел пистолет в сторону. В это время Седых одним резким движением обезоружил бедолагу, повалил его на пол и прижал к вязаному половику ногой. Позвонил по телефону, вызвал спецмашину.

— Хочешь у него что-нибудь спросить? — обратился он к Подольскому.

— Икона у тебя? — брезгливо бросил Дмитрий корчившемуся на полу Егору.

— Я ее сжег, — прохрипел тот.

— А зачем тебе тогда молитва? — удивился Седых.

— Уничтожить, чтобы вы не касались святого своими грязными руками.

— А ты, значит, чист? Сколько людей убил! Штырями прожег! — не выдержал Дмитрий.

— Ладно, оставь его. Машина приехала. Потом разберусь.

Два крепких парня вошли в дом, взяли под руки Егора и увели его в машину. Седых удобно уселся, налил в рюмки и, посмотрев на Подольского, спросил:

— Так на чем мы остановились?

— На жестокости.

— Да ну ее. Давай о хорошем. Знаешь, у нас и сегодня люди готовы на подвиг. Ты помнишь ту трагедию с обрушением аквапарка в Москве? — сменив тему, неожиданно спросил он.

— Конечно, помню. Наша газета писала об этом.

— А мне пришлось заниматься этим по долгу службы. — Полковник тяжело вздохнул. — И когда я знакомился с материалами дела, там было много жутких подробностей, погибло ведь столько детей!.. Но знаешь, что меня потрясло больше всего? — Он помолчал. — Меня поразил удивив-

тельный поступок, я бы даже сказал, подвиг одной девчонки лет шести-семи. В то время как все остальные спасали себя, в лучшем случае своих близких, — эта пигалица, рискуя жизнью, вытащила из-под обломков тонущего в бассейне малыша. Заметь, не братика любимого, а совершенно незнакомого ей ребенка! Вот как это объяснить? — он долго раскуривал погасшую сигарету. Глаза у полковника подозрительно заблестели.

Дмитрий слушал его, не перебивая. Седых глубоко затянулся и с шумом выдохнул струю дыма.

— Я не помню, как ее звали, не знаю, кто ее родители: бедные или богатые, русские или нерусские. Мне, честно говоря, на это наплевать. Вот мы говорили с тобой о коде Распутина. А как нам быть, прости за высокопарность, с кодом человеческой души, вот такой, как у этой девчужки? А? Это, пожалуй, покруче будет! — Он снова помолчал. — Я тогда понял одно. Если у нас подрастают такие дети, как эта пигалица, и если их будет много — за будущее России можно быть спокойным. Без мистических посланий и хитроумных сектантов.

Над столом повисла пауза. И вдруг Дмитрия словно озарило. Он разлил коньяк по рюмкам.

— Олег Михайлович, у меня есть тост, — негромко сказал он. — Давайте выпьем за код России!

— Который никто никогда не разгадает? — улыбнулся полковник.

— Да! И за наше будущее!

Он звонко сдвинули рюмки и разом опрокинули в себя их солнечное содержимое. Затем какое-то время сидели молча, как будто стесняясь этого порыва.

Тем не менее выпито и сказано было еще немало. Дмитрий буквально упивался почти позабытым чувством абсолютной расслабленности и какого-то внутреннего торжества. Но только в эту ночь он по-настоящему осознал, что им пройдена в жизни очень важная, возможно, ключевая веха, и тайна, к которой он нечаянно прикоснулся, не оставит его никогда.